

Исследование Арктики

Дж. Дуглас Хоар

Arctic Exploration

by

J. Douglas Hoare

The cover image was created by the transcriber and
is placed in the public domain.

Электронная книга проекта "Гутенберг" об исследовании Арктики

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Исследование Арктики

Автор: Дж. Дуглас Хоар

Дата выхода: 21 марта 2023 [Электронная книга №70329]

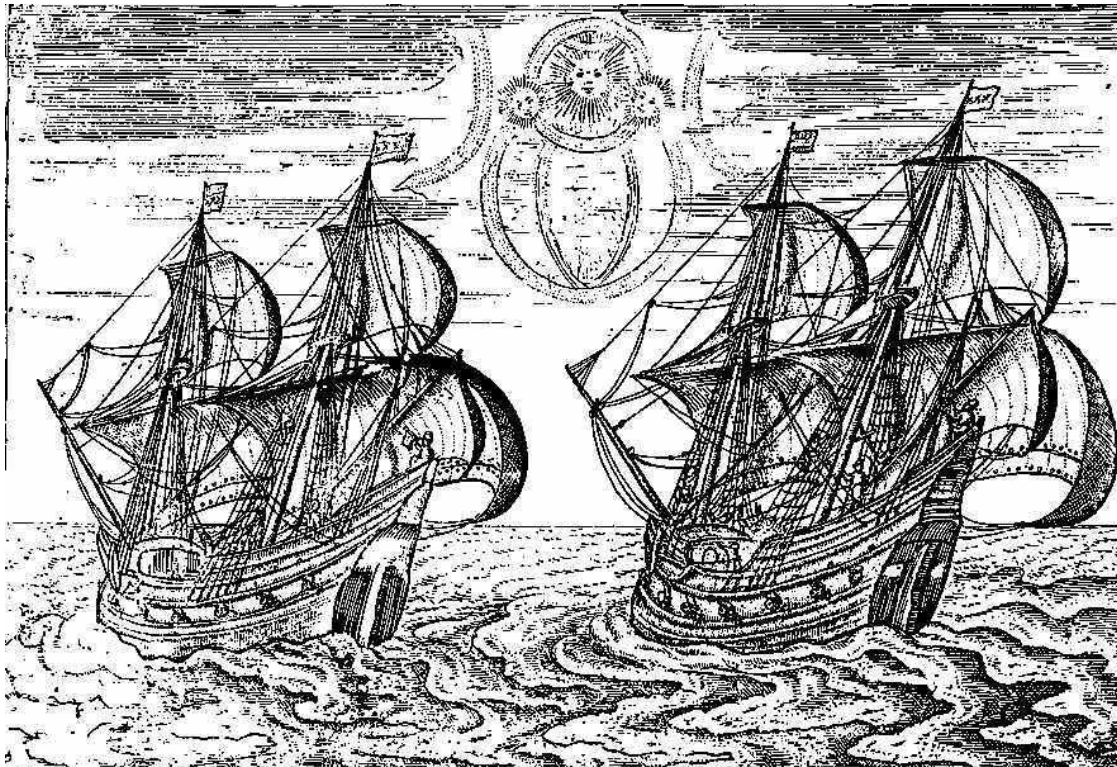
Язык: Английский

Оригинальная публикация: США: E, P, Dutton & Co, 1906

Кредиты: Боб Тейлор, Брайан Коу и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных Библиотекой Конгресса)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИССЛЕДОВАНИЕ АРКТИКИ" ***

ИССЛЕДОВАНИЕ АРКТИКИ

ПЛАВАНИЕ По АРКТИЧЕСКИМ МОРЯМ

ИССЛЕДОВАНИЕ АРКТИКИ

АВТОР Дж . ДУГЛАС ХОАР

С ВОСЕМНАДЦАТЬЮ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ И ЧЕТЫРЬМЯ КАРТАМИ

НЬЮ-ЙОРК

E. P. DUTTON & CO.
1906

Содержание

ГЛАВА	СТРАНИЦА
I.	Ранние путешествия 1
II.	От Хадсона до Фиппса и Нельсона 17
III.	Путешествие Бьюкена и Франклина 30
IV.	Неудачи Росса и успехи Парри 35
V.	Первое сухопутное путешествие Франклина 45
VI.	Последние путешествия Парри на северо-Запад 64
VII.	Второе сухопутное путешествие Франклина 70
VIII.	Путешествие Парри к Северному полюсу 79
IX.	Приключения Росса на “Виктори” 86
X. Два путешествия	Бека 95
XI.	Открытия Диза и Симпсона 102
XII.	Последнее путешествие Франклина 116
XIII.	Рей и полуостров Бутия 122
XIV.	Поиски Франклина начались 129
XV.	Путешествия Коллинсона и Макклюра 137
XVI.	Белчер и поиски Франклина 150
XVII.	Путешествия Рея 1851-53 гг. 159
XVIII.	Макклинтон и “Фокс” 168

XIX.	Путешествия Кейна и Хейса	182
XX.	Холл и “Полярис”	192
XXI.	“Германия” и “Ганза”	200
XXII.	Путешествие “Тегеттхоффа”	207
XXIII.	Пролив Нейрс и Смит	215
XXIV.	Трагедия Грили	223
XXV.	Норденшельд и его творчество	235
XXVI.	История “Жаннетты”	244
XXVII.	Ли Смит и “Эйра”	252
XXVIII.	Гренландия и более ранние путешествия Нансена и Пири	257
XXIX.	Экспедиция Джексона-Хармсворта	270
XXX.	Нансен и “Фрам”	278
XXXI.	Конвей и Андре	287
XXXII.	Более поздние путешествия Свердруп и Пири	293
XXXIII.	Другие недавние экспедиции — Абруцци, Веллманн и Толль,	301
	индекс	309

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	СТРАНИЦА
Плавания по Арктическим морям	<i>Фронтиспис</i>
Со старой гравюры	
Старая карта полярных областей	1
Из “Путешествий Нарборо”, 1694 г.	
Выброшенные на Новую Землю	13
Со старой гравюры	
“Скаковая лошадь” и “Туша” во льду	28
С картины Дж. Клайвли,	
Прорубающего проход в Зимнюю гавань	42
С наброска лейтенанта. Бичи	
Пересекает бесплодную землю	56
С рисунка капитана . Спина	
Моржа, увиденная Олаусом Магнусом	68
Разрушение льда вокруг “Террора”	100
С рисунка капитана.	

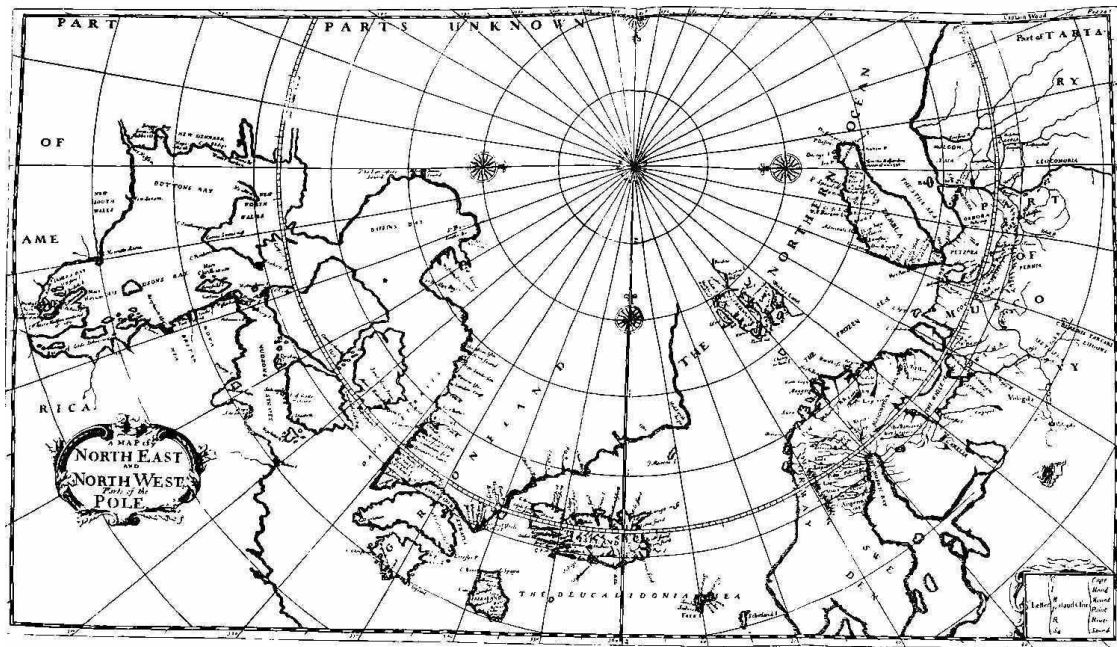
Лодки Смита среди льдов	134
С рисунка капитана Дж . Возвращение	
Быстро во льдах	154
С наброска лейтенанта. Бичи	
Рекорд Франклина	174
Эскимосских архитектора	192
По рисунку капитана . Лион	
Охота на медведя	212
Со старой гравюры	
Катание эскимосов на санях	248
С рисунка капитана Дж . Lyon	
Дорожное снаряжение Пири	266
С любезного разрешения компании "Ф. А. Стоукс Ко."	
Встреча Джексона и Нансена	274
По любезному разрешению капитана . Джексон и братья Харпер .	
Карта Земли Франца-Иосифа	277
Карта Шпицбергена	286
В слякоть	288
С любезного разрешения сэра Мартина Конвея и господ Дж. М. Дента и Ко.	
Воздушный шар Андре в ангаре	292
С фотографии	
“Полярная звезда” под давлением льда	304
С любезного разрешения господ Хатчинсона и Ко.	
Карта Северных полярных регионов	<i>Посетите</i>

ОСВОЕНИЕ АРКТИКИ

ГЛАВА I ПЕРВЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

История первых нескольких столетий освоения Арктики, конечно, никогда не будет написана. Древние скандинавы, которым принадлежит заслуга большинства первых открытий, были расой пиратов, и их многочисленные путешествия проводились, по большей части, в строго деловом духе. Иногда один из них случайно оказывался в новой стране, точно так же, как викинг Наддод случайно попал в Исландию в 861 году, будучи занесенным туда штормом по пути на Фарерские острова. Время от времени любопытный искатель приключений шел по стопам одного из этих первых первооткрывателей, но серьезных попыток расширить область знаний, открывшуюся

таким образом, не предпринималось, если только норвежцы не находили способ установить коммерческие отношения с местными жителями, к большому ущербу последних.

СТАРАЯ КАРТА ПОЛЯРНЫХ ОБЛАСТЕЙ ИЗ “ПУТЕШЕСТВИЙ” НАРБОРО (1694)

Следует особо отметить ошибочное пересечение Гренландии проливом Фробешера

Слухи о существовании Исландии, или Туле, как ее тогда называли, впервые были принесены домой Пифеем, в то время как ирландские монахи, как известно, останавливались там в начале девятого века, но, вероятно, первая попытка колонизировать ее была предпринята Торольдом примерно через сто лет после визита Наддода. Этот достойный викинг, сочтя целесообразным покинуть свою родину после ссоры с родственником, в ходе которой последний был убит, взял курс на Исландию и обосновался там на новом месте. Вскоре после этого его сын Эрик, который, по-видимому, унаследовал отцовскую склонность к убийствам, последовал за ним в его новое жилище, а позже, отправившись в полное приключений путешествие, ступил на берег Гренландии. Сын Эрика, Лейф, который также был склонен к странствиям, в 100 году нашей эры отплыл далеко на запад и высадился либо на Ньюфаундленде, либо в устье реки Святого Лаврентия, таким образом, опередив открытие Америки Колумбом почти на пятьсот лет.

Первые серьезные попытки исследования Арктики были предприняты Джоном Кэботом и его сыном Себастьяном только в конце пятнадцатого века. Джон Кэбот был венецианцем, который поселился в Бристоле, вероятно, около 1474 года, и ему принадлежит честь быть первым, кто предположил возможность найти северо-западный проход в Индию. В 1496 году он получил поручение от Генриха VII. отправиться в плавание для открытия стран и островов, неизвестных христианским народам, и хотя истинная цель его путешествия, благоразумно завуалированная этими намеренно расплывчатыми терминами, не была достигнута, он обессмертил свое имя открытием Новой Шотландии и острова Кейп-Бретон. История ранних путешествий Кэбота, к сожалению, малоизвестна, и еще больше ее прояснил сам Себастьян, который в последние годы жизни, по-видимому, заявлял об открытиях, которые по праву принадлежали его отцу.

Себастьян, несомненно, является героем своего собственного отчета об экспедиции 1496 года, который приводит Хаклюйт:

“Когда были принесены известия о том, что дон Кристовал Колон (то есть Христофор Колумб), генуэзец, открыл берега Индии, о чем много говорили при дворе короля Генриха VII, который тогда правил, так что все люди с великим восхищением утверждали, что плыть с Запада на Восток, где растут специи, неизвестным ранее способом скорее божественно, чем гуманно, эта слава и слухи разожгли в моем сердце сильное пламя желания совершить что-нибудь выдающееся. И, понимая благодаря Шару (то есть глобусу), что если я отправлюсь на северо-запад, то более коротким путем доберусь до Индии, я вслед за этим известил короля о моем замысле, который немедленно приказал снабдить два Фургона всем необходимым для путешествия, которое, насколько я помню, было в 1496 году, в начале Лета. Поэтому я начал плыть на северо-запад, не думая найти какую-либо другую землю, кроме Китая, и оттуда повернуть к Индии; но через несколько дней я обнаружил, что земля тянется к Северу, что вызвало у меня большое неудовольствие. Тем не менее, прогуливаясь вдоль побережья, чтобы посмотреть, смогу ли я найти какой-нибудь залив, который поворачивал, я обнаружил, что континент ланде все еще находится на 58-м градусе под нашим Полюсом. И, видя, что берег поворачивает к Востоку, отчаявшись найти проход, я снова повернул назад и поплыл вдоль побережья этой страны к Равноденствию (всегда с намерением найти указанный проход в Индию) и прибыл в ту часть этой твердой земли, которая теперь называется Флоридой, где у меня кончились припасы, я покинул ее и вернулся в Англию, где застал большие волнения среди людей и подготовку к войне в Шотландии, по причине чего больше не рассматривалось это путешествие.

Джон Кэбот совершил вторую экспедицию в 1498 году и, вероятно, вскоре после этого умер. Себастьян, сопровождавший своего отца в обоих его американских путешествиях, обнаружив, что английское правительство не склонно тратить деньги на дальнейшие исследования, передал свои услуги королю Испании, для которого он проделал отличную работу, обследовав побережье Южной Америки. Однако в 1548 году он вернулся в Англию вместе с Эдуардом VI. оказал ему честь, которая была ему по праву оказана, назначив ему пожизненную сумму в 500 марок (£ 166, 13 шилл. 4д.) в год и, по словам Хаклюйта, сделав его Великим пилотом. Никогда еще человек не заслуживал таких почестей больше, ибо, основав компанию купцов-авантюристов, первым главой которой он был, он многое сделал для расширения внешней торговли страны, и, воспитывая дух предприимчивости, он проложил путь к тому огромному успеху, которого добились наши моряки и торговцы в течение следующего столетия.

Первой чисто британской экспедицией была экспедиция Роберта Торна из Бристоля, по чьему наущению, говорят Холл и Графтон, “король Генрих VIII. отправил два прекрасных корабля с хорошей командой и провиантом, имея на борту ловких ныряльщиков для поисков в незнакомых краях, и так они вышли из Темзы в 20-й день мая, в девятнадцатый год его правления, который был годом Господа нашего 1527”. Целью “прекрасных кораблей” было не что иное, как Северный полюс, но люди, по-видимому, не были достаточно “хитры”, чтобы значительно продвинуться вперед, преодолевая трудности, стоявшие на их пути, и хроники того времени на редкость сдержанны в отношении их действий.

Путешествие *Троицы* и *Миньоны*, совершенное в 1536 году, является одним из самых катастрофических за всю историю наблюдений. Экспедиция была отправлена с целью

исследования Северо-Западной Америки, и она благополучно достигла побережья Ньюфаундленда. Однако, по-видимому, им было безнадежно не хватает провизии, и люди, почти ничего не съев на борту и обнаружив, что они не в состоянии пополнить свои скудные запасы на суше, занялись каннибализмом, и все погибли бы, если бы не своевременное прибытие французского корабля, на который они тут же напали и незаконно присвоили его. Нам не говорят, что случилось с несчастными французами, но Генрих VIII. сообщается, что тем, кто выжил, была выплачена компенсация.

До сих пор энергия наших моряков была направлена главным образом на открытие северо-западного прохода в Индию, Китай и архипелаг Индостан. Однако, когда Кэбот вернулся из Испании и был назначен "губернатором мистерии и компаньоном искателей приключений маршанта для открытия регионов, доминионов, островов и неизведанных мест", он быстро показал, насколько хорошо подходит для этого почетного поста, предположив, что, поскольку походы на северо-запад не увенчались большим успехом, было бы не лишним попробовать сменить тактику и попытаться найти путь в Китай с северо-востока. Идея была воспринята с энтузиазмом, и, поскольку это было первое длительное морское предприятие, предпринятое нами в дальних морях, к подготовке было приложено самое пристальное внимание. Три корабля были построены специально для "энтерпрайза" и оснащены самым основательным образом, насколько это возможно. "Адмирал флота", *"Бона Эсперанса"* водоизмещением 120 тонн, находился под командованием сэра Хью Уиллоуби и перевозил тридцать пять человек, в том числе шестерых торговцев. *"Эдвард Бонавентура"* водоизмещением 160 тонн находился под командованием капитана Ричарда Ченселлора, его рота состояла из пятидесяти человек, включая двух торговцев; а *"Бона Конфиденция"* водоизмещением 90 тонн находилась под командованием Корнелиуса Дерфурта и перевозила двадцать восемь душ, также включая двух торговцев. Эти три корабля отплыли из Рэтклиффа 20 мая и, пройдя вдоль побережья Норвегии, вместе обогнули мыс Нордкап. Здесь шторм отделил *"Бонавентуру"* от кораблей-побратимов и, к счастью для нее и ее компании, загнал ее в Варде, в Норвегии. Уиллоуби и двум его кораблям удалось достичь берегов Лапландии, и они провели зиму на пустынном побережье Кольского полуострова. К сожалению, в те дни мало что было известно об искусстве и науке зимовки в арктических регионах, и каждый член компании трагически погиб от цинги.

Канцлер, подождав некоторое время в Варде в надежде, что остальная часть флота присоединится к нему там, решил продвигаться дальше самостоятельно, и в конце концов ему удалось достичь северного побережья России. Известие о его прибытии было передано царю Ивану Васильевичу, который был настолько заинтересован услышанным, что пригласил его в Москву. Там канцлер провел зиму и с таким рвением отстаивал интересы своей страны, что заложил основы той крупной торговли между Англией и Россией, которая с тех пор процветает. Стоит отметить, что местом его первой высадки теперь является крупный морской порт Архангельск.

Вторая экспедиция Ченселлора оказалась менее удачливой, поскольку доблестный моряк расстался с жизнью, пытаясь продолжить свою работу. Он благополучно добрался до России и снова отправился в Москву, где продолжил переговоры, которые начал ранее. Однако, возвращаясь домой, его корабль потерпел крушение в заливе Питслиго на восточном побережье Шотландии, и он утонул.

Экспедиция Ченселлора и Уиллоуби, конечно, была в первую очередь направлена с целью найти северо-восточный проход в Китай, и эти переговоры с Россией были второстепенным вопросом, который изначально не рассматривался ее инициаторами. Следовательно, пока Чэнселлор находился в своем втором путешествии, Компания торговцев-авантюристов снарядила вторую экспедицию для открытия Северо-Восточного прохода, которую они передали под командование Стивена Берроу. "*Искатель*", как назывался корабль, отправился в плавание 23 апреля 1556 года, но ему помешали туман и льды, и Берроу был вынужден вернуться в Англию, так и не выполнив свою миссию, хотя ему удалось открыть Новую Землю.

Следующим английским мореплавателем, прославившимся своими приключениями в арктических морях, был Мартин Фробишер, который под покровительством королевы Елизаветы, графа Уорика, известного купца по имени Лок и других снарядил флот из трех ракушек, общий вес которых составлял всего 73 тонны, и отправился в плавание в 1576 году с намерением открыть Северо-Западный проход. Главным результатом путешествия Фробишера стала огромная масса вводящей в заблуждение информации. Достигнув пролива Дэвиса, он пришел к выводу, что он делит Гренландию пополам - ошибка, которая сохранялась на картах около трех столетий. Посреди пролива он обнаружил несуществующий остров и привез домой интересную информацию о том, что на берегах, которые он посетил, имеются большие залежи золота. В силу этого были приняты всевозможные планы по разработке этих месторождений, которые закончились лишь финансовыми потерями и горьким разочарованием их организаторов. Фробишер взял на себя командование двумя последующими экспедициями, но ни одна из них не привела к каким-либо особо ценным открытиям. Однако его имя навсегда останется в памяти благодаря открытию Фробишерского и Гудзонова проливов, в которые он вошел во время своего первого путешествия.

Теперь мы подходим к самому важному из этих ранних путешествий, а именно к тому, которое совершил Джон Дэвис из Сэндриджа в 1585 году. Дэвис был великолепным старым морским волком самого прекрасного типа - проникательным, терпеливым и обладавшим абсолютно неукротимой храбростью. Его репутация была настолько высока, что, когда несколько купцов во главе с Уильямом Сондерсоном решили снарядить новую экспедицию для открытия Северо-Западного прохода, они предложили ему командование, и их предложение было немедленно принято. Экспедиция, состоявшая из двух кораблей: "*Sunshine*" водоизмещением 50 тонн, на борту которого находилось двадцать три человека, и "*Moonshine*" водоизмещением 35 тонн, на борту которого находилось девятнадцать человек, стартовала 7 июня, а к 19 июля она была у юго-восточного побережья Гренландии, где Дэвис впервые услышал скрежет огромных паковых льдов. Берег выглядел таким бесплодным и неприступным — "отвратительный" — вот эпитет, который применил к нему Дэвис, - что он назвал его "Запустением". Обогнув южную оконечность Гренландии и взяв курс на север, он вскоре достиг 64 ° северной широты, где пришвартовал свои корабли среди каких-то "зеленых и приятных островов", населенных туземцами, которые были настроены очень дружелюбно и вполне готовы торговать с ним. Из них он узнал, что на севере и западе простирается большое море, поэтому он поднял паруса и взял курс на Северо-запад, рассчитывая добраться до Китая. Пересекая пролив, который теперь носит его имя, он увидел землю на 66 ° 40' с.ш. и бросил якорь в проливе Эксетер-Саунд. Холм над ними они называли Маунт Роли, переднюю часть к северу - кейп Дайер, а ту, что к югу, — кейп Уолсингем - названия, которые они носят до сих пор. Сезон был слишком разгар, чтобы пытаться исследовать пролив, но он обнаружил богатство этих регионов китами, тюленями и

оленьими шкурами — открытие, которое, вряд ли нужно говорить, было очень высоко оценено купцами, снарядившими экспедицию.

Как это было вполне естественно, и Дэвис, и его покровители стремились продолжить открытия, столь благоприятно начатые, и 7 мая 1586 года он отправился в свою вторую экспедицию, его флот усилился за счет добавления *Меримаде*, корабля водоизмещением 120 тонн. Однако она оказалась не слишком полезной, поскольку дезертировала на 66 ° северной широты, и Дэвис продолжил свой путь без нее. Ему не удалось добавить ничего ценного к своим открытиям предыдущего года, и он просто двинулся на юг вдоль Лабрадора, не заметив входа в Гудзонов пролив.

Третья экспедиция Дэвиса отправилась 19 мая 1587 года и состояла из трех кораблей: "*Элизабет*", "*Саншайн*" и "*Эллен*". Достигнув широты. 67 ° 40' он оставил два своих корабля, чтобы заняться рыбной ловлей, и сам отправился в открытое плавание. Он пришел, как он сам рассказывает нам, “к широте 75°, в великом море, свободном ото льда, омывающем западный берег Запустения.... Затем я отплыл от того берега, думая открыть северные районы Америки. И после того, как я проплыл на запад около сорока лиг, я наткнулся на огромную ледяную отмель. Ветер был северный и дул сильно, и я был вынужден плыть на юг, не видя никакого берега к западу от себя. Не было никакого льда и на севере, но было огромное море, свободное, большое, очень соленое и синее, и неисследимой глубины. Итак, двигаясь вдоль берега на юг, я подошел к тому месту, где оставил корабли для рыбной ловли, но не нашел их. Таким образом, будучи покинутым в этой беде, полагаясь на милосердное провидение Божье, я взял курс на Англию и, ни на кого не надеясь, да поможет мне только Бог, прибыл в Дартмут. Благодаря этому последнему открытию стало совершенно очевидным, что проход на север был свободным и без препятствий; но из-за испанского флота и неудачного времени смерти господина секретаря путешествия было отменено, и с тех пор оно никогда не предпринималось”. Так закончились арктические путешествия Джона Дэвиса. “Открытия, которые он сделал... - говорит сэр Джон Росс, - оказались имеющими огромное коммерческое значение, поскольку китобойный промысел был обязан ему больше, чем какому-либо предшествующему или последующему мореплавателю”.

Тем временем интерес к Северо-Восточному проходу ни в коей мере не ослабевал; более того, он даже усилился после восшествия Филиппа II на трон Португалии и последующего факта, что Испания и Португалия, не довольствуясь уже тем, что удерживали монополию на восточный маршрут, попытались оказать свое влияние на торговые операции народов Северной Европы. Это было в 1580 году, когда Артур Пет на "*Джордже*" и Чарльз Джексон на "*Уильяме*" отплыли из Англии под эгидой Московской компании с инструкциями продвинуться как можно дальше на восток. Экспедиция оказалась на редкость неудачной, поскольку груз на "*Джордже*" составлял всего 40 тонн, а ее экипаж состоял из девяти мужчин и мальчика, в то время как "*Уильям*" был лишь вдвое меньше своего корабля-аналога и имел экипаж из пяти мужчин и мальчика. Искатели приключений, однако, не обратили внимания на трудности, которые их окружали, и, достигнув Новой Земли в окрестностях Южного Гусиного мыса, они повернули на юг и, пройдя вдоль острова Вайгат, вошли в устье Печоры. Оттуда они пробились в Карское море, став первыми моряками из Западной Европы, совершившими подобный подвиг.

Московская компания, похоже, не сочла нужным продолжать исследование этих непривлекательных регионов, но голландцы, которые не меньше англичан стремились найти

Северо-Восточный проход, отправили в 1594 году экспедицию, состоявшую из трех кораблей под командованием Виллема Баренца, Ная и Тетгалеса. Баренц попытался найти проход вокруг северной части Новой Земли, в то время как его спутники повернули на юг и вошли в Карское море. Сообщения, которые эти первопроходцы привезли домой, настолько воодушевили их соотечественников, что в следующем году они были отправлены с флотилией из семи кораблей продолжать свои открытия. Эта экспедиция продвинулась немного дальше вдоль побережья, но ей никоим образом не удалось выполнить свою миссию, и Генеральные штаты стали довольно осторожно расходовать еще какие-либо деньги на это предприятие. Соответственно, они удовлетворились тем, что предложили большое вознаграждение любому человеку или лицам, которые смогли бы найти практически осуществимый проезд в Китай, а остальное предоставили частным предприятиям. Результатом этого шага стало то, что в 1596 году компания торговцев снарядила два корабля discovery и передала командование одним из них Джону Корнелиусу Рипу, а другим - Химскирку, назначив Баренца главным лоцманом последнего. 9 июня они обнаружили остров, который назвали Медвежьим в память о потрясающей встрече, которая у них там произошла с белым медведем. Теперь они обнаружили, что их продвижение на восток было остановлено льдами, и, соответственно, они повернули на север, в результате чего им выпало стать первооткрывателями Шпицбергена. Они провели два дня в бухте, которая, по-видимому, была известна как Фэр-Хейвен, а затем, после безуспешной попытки продвинуться дальше на север, вернулись на остров Медвежий, где из-за расхождения во мнениях относительно наилучшего курса они расстались, Рип вновь направился к побережью Шпицбергена, в то время как Баренц взял курс на Новую Землю. Мы можем в скобках упомянуть, что Химскирк сам не был моряком, и что, как следствие, львиная доля почестей, заслуженных этой экспедицией, всегда доставалась Баренцу, на которого неизбежно возлагалось управление кораблем.

ЗАСТРЯВШИЙ на НОВОЙ ЗЕМЛЕ

Дальнейшая история этого злополучного путешествия - это история ужасных испытаний, перенесенных с героической стойкостью. Плывая вдоль берега Новой Земли, Баренц внезапно оказывался посреди тяжелых льдов, и раз за разом его корабль едва спасался от разрушения из-за сжатия льдин. Всегда помня о своем долге перед работодателями, он храбро попытался направиться на восток, но вскоре обнаружил, что это невозможно и что все его усилия должны быть направлены на то, чтобы вернуть свой корабль домой. Однако, когда он приблизился к берегу в надежде найти там немного открытой воды, лед обрушился на него, разбил его лодки вдребезги и почти уничтожил его корабль. В довершение к его несчастьям поднялся северный шторм, который поставил его в еще более опасное положение, чем раньше. Теперь он оказался к востоку от острова, в бухте, которую он называл Ледяной гаванью, но которая теперь называется заливом Баренцева моря, и его отступление было отрезано как на север, так и на юг. Поэтому ему ничего не оставалось, как извлечь максимум пользы из чрезвычайно скверного дела и провести зиму там, где он был. Теперь следует помнить, что ни один путешественник еще ни разу не проводил зиму в арктических регионах, и что Баренц и его люди были совершенно не готовы к такой чрезвычайной ситуации. У них было мало еды, еще меньше топлива, не было подходящей одежды и, что не менее важно, их корабль не был приспособлен для зимнего жилья. Однако, несмотря на все свои невзгоды, они не растерялись и немедленно принялись за строительство хижин, в которой могли бы провести долгие, мрачные месяцы.

К счастью для них, на острове было в изобилии плавника, “привезенного на отмель либо из Тартарии, Московии, либо откуда-либо еще, ибо на той земле ничего не росло, чем мы были бы очень утешены, как будто Бог намеренно послал их нам”. Этот плавник лежал примерно в восьми милях от того места, где стоял этот дом, и работа по его добыче осложнялась наступившей темнотой и свирепостью медведей, которые водились по соседству и были постоянным источником опасности для отряда. Голландцы, однако, работали с усердием, и к 24 октября они переехали в свое новое жилище, одной из особенностей которого была винная бочка с квадратным отверстием, прорезанным сбоку, которая была установлена в углу и использовалась как ванна.

Медведи давали им немного свежего мяса вплоть до 3 ноября, когда они и солнце исчезли в одно и то же время. После этого им иногда удавалось ловить лис, но холод был таким сильным, что они часто не могли выйти из дома в течение нескольких дней. “Дул такой сильный ветер и так быстро валил снег, - пишет Геррит де Вир, летописец экспедиции, - что мы задохнулись бы, если бы вышли на воздух; и, по правде говоря, ни один человек не смог бы преодолеть расстояние в один корабль, даже если бы его жизнь была потрачена на это; потому что мы не могли выйти из дома. Один из наших людей проделал дыру в одной из наших дверей ... но ему было так тяжело, что он задержался ненадолго и сказал нам, что выпало так много снега, что он лежал выше нашего дома”. И снова: “Мороз был такой сильный, что, когда мы засовывали гвоздь в рот (как, например, когда мужчины занимаются плотницкой работой, которую они используют для лани), когда мы снова вынимали его, на нем оставался лед, и из него вытекала кровь”. Или: “Было так холодно, что огонь почти не давал тепла; потому что, когда мы подносили ноги к огню, мы прожигали чулки, прежде чем почувствовали тепло.... И, что более важно, если бы мы скорее не почувствовали их запаха, чем почувствовали, мы бы полностью сожгли их, прежде чем узнали бы об этом”. Де Вир также говорит нам, что одежда на спинах даже тех, кто сидел у огня, часто покрывалась инеем, и что пиво и все спиртные напитки замерзали намертво.

И все же посреди всего этого он смог сделать следующую запись в своем дневнике: “Мы всегда верили в Бога, что он так или иначе избавит нас оттуда к зимнему времени.... Мы утешали друг друга, благодаря Бога за то, что самое тяжелое время зимы миновало, и искренне надеясь, что доживем до того, чтобы поговорить об этих вещах дома, в нашей родной стране”. Именно в таком духе терпеливого смирения отважные голландцы встречали все свои невзгоды.

Даже когда вернулось солнце, это принесло им лишь небольшое облегчение от страданий, потому что холод, казалось, усилился, и не было никакой надежды на то, что лед в их гавани рано тронется. Корабль был так сильно поврежден, что не смог пережить путешествие домой, поэтому они приступили к ремонту лодок, насколько могли, с целью пересечь на них тысячу миль моря, лежащего между ними и Лапландией. Наконец им пришлось отправляться в путь, но Баренц был уже так болен, что его пришлось везти к лодке на санях. Его мужество, однако, было по-прежнему неукротимым, как показывает этот отрывок из отчета Де Вира: “Находясь на Ледяной точке, капитан окликнул Уильяма Баренца, чтобы узнать, как у него дела, и Уильям Баренц ответил и сказал: "Очень хорошо, приятель". Я все еще надеюсь, что смогу бежать до того, как мы доберемся до Вардхууса. Затем он обратился ко мне по-английски и сказал: Геррит, если мы окажемся рядом с Ледяной точкой, просто подними меня снова. Я должен увидеть это еще раз”. Однако его мужество оказалось выше сил, и 20 июня, через шесть дней после начала, наступил конец. Мы еще раз цитируем нашего хрониста: “Уильям Баренц взглянул на мою маленькую карту, которую я составил для нашего путешествия, и мы немного обсудили ее; наконец он отложил карту и обратился ко мне, сказав: "Геррит, дай мне чего-нибудь выпить", и не успел он напиться, как его охватил такой сильный приступ дурноты, что у него помутилось в голове, и вскоре он умер. Смерть Уильяма Баренца причинила нам немалый дискомфорт, поскольку он был главным проводником и единственным кормчим, на которого мы полагались после Бога; но мы не могли бороться против Бога, и поэтому мы должны быть довольны ”.

Страдания группы из пятнадцати человек во время их ужасного путешествия по штормовому и покрытому льдом морю были едва ли менее ужасными, чем те, которые они пережили на острове. Однако их мужество и решимость были таковы, что они, наконец, благополучно добрались до Лапландии, где имели удовлетворение найти Корнелиуса Рипа, на судне которого их доставили обратно в Голландию.

ГЛАВА II ОТ ХАДСОНА ДО ФИППСА И НЕЛЬСОНА

О путешествиях Веймута, Найта и Холла, которые заняли первые несколько лет семнадцатого века, нам вообще не нужно беспокоиться, поскольку они не привели ни к каким важным открытиям. Однако в 1607 году Генри Хадсон отправился в первое из серии путешествий, прославивших его имя, в ходе которых ему удалось пронести британский флаг по местам, по которым никогда прежде не ступала нога цивилизованного человека.

Как уже было замечено, северо-западный и северо-восточный проходы в Индию были опробованы и оказались недостаточными. Британские купцы, однако, ни в коем случае не были

расположены позволить Испании и Португалии сохранить свою прибыльную монополию, не предприняв борьбы за то, чтобы отнять ее у них, поэтому они решили отправить новую экспедицию, которая должна была попытаться проложить себе путь в страну драгоценных камней и пряностей через сам Северный полюс. Командование этой экспедицией было доверено Генри Хадсону, моряку такой отваги и мастерства, что он вполне мог выполнить эту работу, если это было в силах человека. Хадсон отплыл из Темзы 1 мая 1607 года на небольшой барке, экипажем которой были десять мужчин и мальчик, и направился прямо к восточному побережью Гренландии. К 22 июня он достиг широты $72^{\circ} 38'$, где открыл землю, которая до сих пор носит его имя, главный мыс которой он назвал мысом Холд-с-Надеждой. Затем он взял курс на Шпицберген, который, как мы видели, был впервые замечен Баренцем одиннадцатью годами ранее, и там достиг высокой широты $80^{\circ} 23'$. Его провизия была почти исчерпана, и он был вынужден вернуться домой.

Во время своего второго путешествия он попытался обнаружить северо-восточный проход вокруг Новой Земли, но ему настолько помешали льды, что он не смог продвинуться далеко по своему пути, в то время как единственным географическим результатом его третьего путешествия стало открытие реки Гудзон. Однако эти ранние экспедиции, хотя и мало чего добились в плане открытий, доказали большую коммерческую ценность, поскольку положили начало великому китобойному промыслу на Шпицбергене.

Четвертое и последнее путешествие Хадсона, совершенное в 1610 году, было организовано сэром Джоном Уолстенхолмом и сэром Дадли Диггесом, которые были убеждены в существовании Северо-Западного прохода и считали, что Хадсон - именно тот человек, который его найдет. Соответственно, Хадсон отплыл 17 апреля на *"Дискавери"*, судне водоизмещением 55 тонн, запасенного провизией на шесть месяцев. К 9 июня он достиг пролива Фробишер, и здесь поднялся встречный ветер, который вынудил его взять курс на запад, в Гудзонов залив. Несколько британских моряков уже побывали в устье пролива, и считается, что португальские рыбаки действительно заходили в залив; но ужасные обстоятельства, сопровождавшие плавание Хадсона к нему, сделали вполне естественным, что он был назван в его честь в память о его достижениях и его судьбе.

"Дискавери" проникла в бухту более чем на триста миль дальше, чем когда-либо прежде удавалось английскому кораблю, когда она была окружена льдами, и все шансы на отступление были отрезаны. Как мы уже видели, запасов провизии на корабле было всего на шесть месяцев, и в результате несчастный экипаж оказался перед лицом голодной смерти. Хадсон, к счастью, был человеком сообразительным, и он, не теряя времени, организовал охотничьи и рыболовные отряды, которые обеспечили его отряд достаточным количеством провизии, чтобы продержаться зиму. Если бы его команда оставалась верной ему, все могло бы быть хорошо, но в начале зимы вспыхнуло недовольство, которое, набирая силу по мере того, как запасы провизии становились все более и более скудными, весной переросло в открытый мятеж. Зачинщиками были бывшие помощник капитана и боцман, которых Хадсону пришлось сместить за использование неподобающих выражений, и молодой человек по имени Грин, протеже Хадсона, который отплатил за доброту своего благодетеля тем, что бросил его, когда тот больше всего нуждался в друзьях. Эти люди, видя, что, когда в июне корабль снялся с зимовки, провизии на всю команду оставалось едва ли на четырнадцать дней, решили посадить Хадсона и еще восьмерых человек в лодку и, предоставив им самим переправляться, отплыть домой, в Англию. Этот бессердечный план был быстро приведен в исполнение. Хадсона схватили и

связали, когда он вышел из своей каюты, и вместе с пятью больными людьми, Джоном Хадсоном и Джоном Кингом, плотником, который храбро отказался присоединиться к мятежникам, его бросили в лодку и дезертировали. О несчастных потерпевших кораблекрушение больше ничего не было слышно, и самые тщательные поиски сэра Томаса Баттона, обследовавшего весь западный берег залива, не дали никаких указаний на их судьбу. Из мятежников Грин и еще четверо были убиты в бою с туземцами, в то время как остальным едва удалось добраться до Англии.

Путешествия Холла в 1612 году и Гиббонса в 1614 году не принесли особых результатов, но в 1615 году Уильям Баффин отправился в первую из двух своих экспедиций, которым было суждено так много добавить к мировому запасу знаний об арктических морях. Баффин, которого Шерард Осборн описал как “способнейшего, принца арктических мореплавателей”, был в 1615 году назначен купцами-авантюристами лоцманом и помощником Ричарда Байлота на “Дискавери”, которая теперь должна была совершить свое четвертое плавание в поисках Северо-Западного прохода. Отправившись сначала в Гудзонов пролив, они вскоре обнаружили, что их завели в тупик. Однако, поскольку условия не позволяли им значительно продлить свое путешествие в этом сезоне, они были вынуждены вернуться домой. Однако в следующем году торговцы-Авантюристы снова отправили их в путь, и на этот раз они решили продвигаться на север вдоль побережья Гренландии. 30 мая они достигли Сандерсонс-Хоуп, самой дальней точки Дэвиса, и там они вступили в совершенно новую область открытий. Они с такой энергией взялись за работу, что к началу июня пересекли залив Мелвилл и весело плыли по своему пути мимо мыса Йорк, мыса Дадли Диггес и Китового пролива. Наконец, когда они преодолели крайнюю северную границу Дэвиса более чем на триста миль, их триумфальный путь был остановлен у входа в пролив Смит, в пределах видимости мыса Александр. Эта широта, 77° 45', оставалась непревзойденной более двух столетий.

Не имея возможности двигаться дальше на север, Баффин и Байлот решили плыть на юго-запад и посмотреть, не смогут ли они пополнить растущий список открытий на обратном пути домой. Их надежды полностью оправдались, ибо 12 июля они оказались у входа в пролив Ланкастер, который, как впоследствии выяснилось, был воротами в Северо-Западный пролив. К сожалению, льды не позволили им войти в Пролив, поэтому они направились к побережью Гренландии, где дали отдых своим людям перед возвращением в Англию.

В течение следующих ста лет или около того очень мало было сделано для открытия Арктики. Датчанин по имени Йенс Мунк отправился на поиски Северо-Западного прохода и преуспел в нескольких открытиях в Гудзоновом заливе. В 1631 году капитан Люк, по прозвищу “Северо-Вест”, Фокс снова совершил вылазку с той же миссией, привезя с собой послание короля Англии императору Японии, которое, однако, осталось недоставленным. Работа, которую он выполнял, не представляла большой ценности, но он восполнил этот недостаток, написав очень юмористический отчет о своем опыте. Капитана Джеймса, отправившегося на разведку в том же году, похоже, преследовали неудачи с начала и до конца его путешествия, и Барроу описывает свой рассказ об этом как “книгу скорби, рыданий и великой скорби”.

Однако, хотя во второй половине семнадцатого века было сделано очень мало на пути разведки, были достигнуты большие успехи в развитии страны, уже исследованной образованием знаменитой Компании Гудзона залива, которая в течение двухсот лет вела

огромную торговлю в Северной Канаде. Основанием этой компании в основном был некий канадец французского происхождения по имени Гросселиз, который после безуспешной попытки убедить французское правительство рассмотреть его планы по созданию крупной отрасли промышленности приехал в Англию, где добился расположения принца Руперта. Принц отплыл в Гудзонов залив вместе с Гросселизом, увидел возможности страны и получил от короля Карла хартию, датированную 1669 годом, которая передавала ему и его сообщникам исключительно всю торговлю, землю и территории в Гудзоновом заливе. В уставе также предписывалось приложить все усилия, чтобы найти проход в Южное море, но вскоре Компания настолько разбогатела на своей торговле, что, похоже, благополучно забыла об этом пункте.

Иногда, это правда, он пытался сделать что-то на пути исследования, но эти усилия были по большей части лишь половинчатыми и ни к чему не приводили. Например, в 1719 году Джеймс Найт, привлеченный сообщениями о рудниках чистой меди у великой реки на севере, дал Компании понять, что обратится к властям с просьбой изучить их устав, если они не организуют экспедицию и не назначат его ее руководителем.

Очень неохотно они согласились поступить так, как он хотел, и снарядили два корабля для обследования северного побережья своих территорий. Ни один член экспедиции не вернулся, и ничего не было известно об их судьбе, пока сорок лет спустя на Мраморном острове не было найдено большое количество обломков.

За исключением экспедиции Миддлтона 1741 года, в ходе которой были открыты залив Уэджер, залив Рипалс и Замерзший пролив, в течение следующих пятидесяти лет больше ничего особенного на пути исследования Арктики сделано не было. Однако в 1769 году Компания решила предпринять еще одну попытку найти медные рудники, о которых туземцы так много рассказывали, и с этой целью они отправили сухопутную экспедицию под командованием Сэмюэля Хирна. Эта экспедиция, начавшаяся в ноябре, потерпела полный провал, потому что она начала свою работу слишком поздно в том же году, в то время как вторая экспедиция, отправившаяся в феврале, провалилась из-за недостаточной подготовки. Предупрежденный этими двумя событиями, Хирн предпринял еще одну вылазку в декабре 1670 года и на этот раз заявил, что нашел устье реки Коппермайн. Его наблюдения, однако, были довольно туманными, и сомнительно, действительно ли он достиг Полярного моря. Конец его путешествия был омрачен неудачным столкновением между его проводниками-индейцами и племенем эскимосов, в ходе которого все несчастные туземцы были вырезаны. Последствия этого инцидента сказались позже, когда Франклин, посетивший эти негостеприимные берега со своими доблестными спутниками, был встречен эскимосами с таким подозрением, что едва ли мог получить ту помощь, в которой так остро нуждался.

Заслуживает упоминания еще одна ранняя попытка достичь Полярного моря сухопутным путем: попытка Александра — впоследствии сэра Александра-Маккензи, первооткрывателя реки, носящей его имя. Убедившись в рассказах индейцев, что к морю можно добраться по большой реке, вытекающей из Большого Невольничьего озера, он решил сам проверить эту историю и отправился в путь 3 июня 1789 года. Трудности на его пути были неисчислимы, потому что река не только была изрезана опасными порогами, но и только после бесконечных хлопот он смог уговорить каких-либо проводников сопровождать его, поскольку туземцы верили, что река населена чудовищами, которые были готовы сожрать неосторожного путника без малейшего повода. Однако ему удалось достичь моря близ Китового острова, и он испытал

удовлетворение, узнав, что рассказы индейцев были правдой, хотя и не смог использовать свои знания для каких-либо практических целей.

Тем временем Россия деловито осваивала северо-восточное побережье Сибири, отчасти с целью установления некоторого контроля над неуправляемыми чукчами, единственным сибирским племенем, которому удалось противостоять их несколько грубым и поспешным методам, а отчасти с целью развития торговли в этом направлении и выяснения, объединены ли Азиатский и американский континенты. Многие экспедиции предпринимались с этими целями, среди них были экспедиции Игнатьева, Дешнева, Алексеева и Анкудинова, но о них здесь невозможно дать подробный отчет, и нам нет необходимости возвращаться к истории исследований в этих регионах до 1725 года, когда Великая Северная экспедиция, задуманная Петром Великим и приведенная в исполнение императрицей Анной, отправилась под командованием Витуса Беринга, датчанина на русской службе.

Пришлось преодолеть огромные трудности, прежде чем экспедиция вообще смогла начаться. Приходилось совершать длительные сухопутные путешествия через Сибирь, запастись припасами в Охотске и строить там судно, в результате чего только в конце июня 1727 года Шпанберг, помощник Беринга, смог отплыть в Большерецк на *Фортуне*. Здесь нужно было накопить больше припасов и построить второй корабль, что потребовало задержки еще на один год. Наконец, однако, 24 июля 1728 года Беринг весело поплыл вниз по реке Камчатка на "*Гаврииле*" в свое исследовательское путешествие. Приготовления растянулись более чем на три года, а само путешествие заняло около семи недель, в течение которых не было сделано никаких открытий, так что игра, по-видимому, едва ли стоила свеч. Следующим летом он снова вышел из своей гавани, но, по-видимому, не слишком усердно занимался своей работой, поскольку вернулся через три дня, за которые проплыл около ста миль. Затем он направился в Санкт-Петербург.

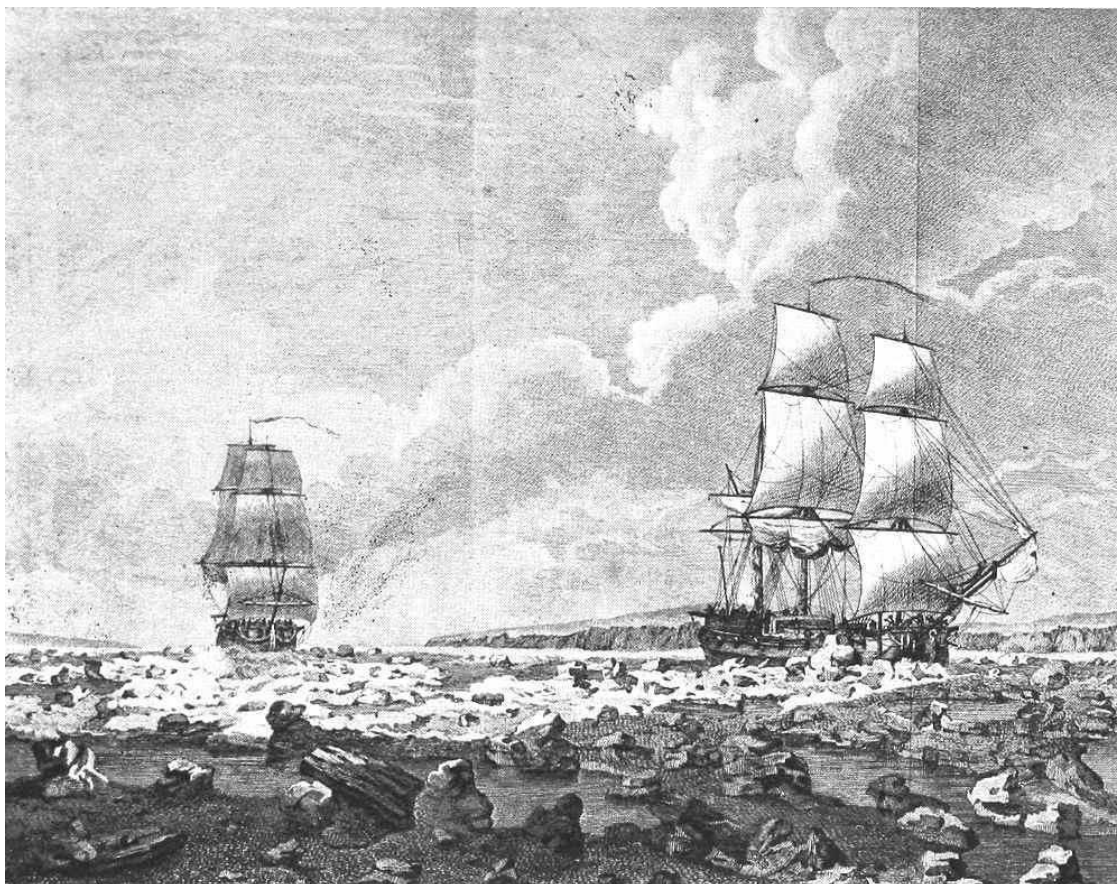
Императрице Анне, по-видимому, было легко угодить, поскольку, хотя Беринг отсутствовал пять лет и ровным счетом ничего не добился, она отдала приказ о передаче под его командование второй и еще более крупной экспедиции. Подготовка к этому путешествию заняла около семи лет, но, наконец, в сентябре 1740 года Беринг был готов отправиться в путь, и до наступления зимы ему удалось обогнуть Камчатку и достичь Аватчи, ныне известной как Петропавловск; возможно, не очень примечательное путешествие, но шаг в правильном направлении. Там он провел зиму, а в июне следующего года отправился в путь на "*Святом Петре*" в сопровождении "*Святого Павла*" под командованием Чирикова. Однако даже сейчас ему не удавалось побороть свою страсть бездельничать, и много ценного времени было потрачено впустую на поиски земли Гама, которой, по сути, не существовало. В конце концов, однако, оба корабля взяли курс на северо-восток, и несколько дней спустя они расстались во время сильного тумана. Им обоим удалось завоевать Америку - подвиг, однако, который уже был совершен Госдефом во время отсутствия Беринга в Санкт-Петербурге. 26 июля Чириков достиг берегов Америки, и после нескольких захватывающих событий, во время которых две группы, отправленные на берег для разведки, были полностью потеряны, он благополучно вернулся в Петропавловск. Берингу, который достиг Америки на три дня позже своего спутника, повезло меньше. Его судно, застигнутое встречными ветрами и сильными штормами, в конечном итоге выбросило на мель у острова Беринга, где оно разбилось. Ее командир, совершенно обескураженный, отказался есть, пить или укрыться в хижине, построенной из плавника, в результате чего он умер 19 декабря. Командование отрядом теперь перешло к лейтенанту

Вакселю, которому при умелой помощи блестящего молодого натуралиста по имени Стеллер удалось благополучно вывести отряд из затруднительного положения. Их пребывание на острове, хотя и было крайне невыносимым, имело свои плюсы, поскольку они обнаружили, что это место изобилует редкой голубой лисицей и не менее ценной морской выдрой, шкурок которых мужчины заготовили в таком количестве, что увезли домой в Россию на сумму в двадцать тысяч фунтов стерлингов.

Берингу не удалось открыть ни море, ни пролив, названные его именем, но он с некоторой точностью нанес на карту большой участок азиатского побережья и открыл торговлю, которая оказалась чрезвычайно ценной.

Вплоть до середины второй половины XVIII века усилия мореплавателей по большей части были направлены на поиск прохода в Индию либо северо-западным, либо северо-восточным путем. Роберт Торн, это правда, выдвинул смелый план попытки переплыть через Северный полюс, но ему не удалось продвинуться далеко на своем пути, и этой идее было позволено потерпеть неудачу. Однако в 1773 году граф Сэндвич, тогдашний первый лорд Адмиралтейства, получив обращение по этому вопросу от Королевского общества, сделал предложение Георгу III. что следует отправить экспедицию, чтобы выяснить, как далеко можно проплыть в направлении Полюса. Королю понравилась эта идея, и подготовка к этому предприятию была немедленно начата. *Racehorse* и *Carcase*, два самых мощных корабля того времени, были выбраны как наиболее подходящие для этой цели и оборудованы в соответствии с идеями времени. Командование было поручено капитану Константину Джону Фиппсу, впоследствии второму лорду Малгрейву, капитан Скиффингтон Лютвидж был назначен заместителем командира, два капитана гренландских кораблей были прикреплены к экспедиции в качестве лоцманов, а астроном со всеми новейшими приборами был рекомендован Советом по долготе.

Что касается фактических достижений, то здесь особо регистрировать нечего. В тот год Фиппсу не повезло, и к северу от Шпицбергена он наткнулся на сплошную стену льда, пробиться сквозь которую было совершенно невозможно. Однако он испытал удовлетворение, достигнув лат. 80° 48 северной широты, более высокая точка, чем у любого из его предшественников. Заслуживает внимания один эпизод, который едва не привел к смерти Нельсона, служившего в скромной должности капитанского рулевого. "Однажды ночью," рассказывает Саути, "во время средней вахты он с одним из своих товарищей, воспользовавшись поднимающимся туманом, прокрался с корабля и отправился по льду в погоню за медведем. Вскоре их хватились. Туман сгустился, и капитан Лютвидж и его офицеры чрезвычайно встревожились за его безопасность. Между тремя и четырьмя часами утра погода прояснилась, и двое искателей приключений были замечены на значительном расстоянии от корабля нападающими на огромного медведя. Немедленно был подан сигнал к возвращению; товарищ Нельсона призывал его подчиниться ему, но тщетно. Его мушкет вспыхнул на сковороде, патроны были израсходованы, и трещина во льду, отделявшая его от медведя, вероятно, спасла ему жизнь. 'Ничего страшного,' крикнул он, 'только дайте мне ударить дьявола прикладом моего мушкета, и мы доберемся до него'. Однако капитан Латвидж, видя опасность, выстрелил из ружья, что произвело желаемый эффект - напугало зверя; и тогда мальчик вернулся, несколько испуганный последствиями своего проступка. Капитан сурово выговорил ему за поведение, столь недостойное должности, которую он занимал, и пожелал знать, какие у него могли быть мотивы для охоты на медведя." "Сэр, - сказал он, надув губу, как обычно делал, когда был взволнован, - я хотел убить медведя, чтобы отнести шкуру моему отцу".

“СКАКОВАЯ ЛОШАДЬ” И “ТУША” ВО ЛЬДУ
С КАРТИНЫ ДЖ. КЛАЙВЛИ

Спустя три года после возвращения *Скаковой лошади* и *Туши* капитан Кук совершил свою единственную экспедицию в арктические моря. Его успех в Антарктике заставил его друзей в Англии возлагать большие надежды на его путешествие через Берингов пролив, но, к сожалению, два его корабля, "*Резолюшн*" и "*Дискавери*", оказались плохо приспособленными для работы в Арктике, и хотя ему удалось нанести на карту значительную часть неизвестного американского побережья, он так и не приблизился к поиску того Северо-Западного прохода, ради открытия которого он был отправлен. Он намеревался снова вернуться в Арктику с целью продолжения там своих открытий, но его смерть на Гавайях в 1779 году помешала ему достичь своей цели, и его заместитель, капитан Клерк, на которого перешло руководство экспедицией, умер от чахотки в Петропавловске.

ГЛАВА III

ПУТЕШЕСТВИЕ БЬЮКЕНА И ФРАНКЛИНА

Что касается американской войны и Наполеоновских войн, то в конце восемнадцатого и начале девятнадцатого веков у наших моряков было так много дел, что у них не оставалось времени на ненужные исследования, и, как следствие, в истории открытия Арктики образовался перерыв на

сорок лет. Однако в 1817 году капитан Уильям Скорсби-младший, один из самых известных шотландских китобоев, доложил сэру Джозефу Бэнксу, что он обнаружил почти 2000 квадратных лье Шпицбергенского моря, свободного ото льда, и что, как следствие, он смог увидеть восточное побережье Гренландии на меридиане, который обычно считается недоступным, добавив, что нашему китобойному промыслу пошло бы на пользу, если бы были отправлены экспедиции для продолжения исследовательской работы, которая так долго оставалась приостановленной. И сэр Джозеф Бэнкс, и сэр Джон Бэрроу, тогдашний секретарь Адмиралтейства, были под большим впечатлением от этого отчета, и именно по их представлению правительство решило отправить в 1818 году две экспедиции, одна из которых должна была попытаться достичь Полюса, а другая - найти труднодоступный Северо-Западный проход. Список офицеров этих двух экспедиций включал шесть имен, которым было суждено прославиться во всем мире своей работой в Арктике, — Бэк, Бичи, Франклин, Парри, Джон Росс и Джеймс К. Росс.

Кораблями, выделенными для первой из этих двух экспедиций, были "*Доротея*" (370 тонн) и "*Трент*" (250 тонн), два крепких китобоя, которые были специально усилены для работы во льдах всем дополнительным количеством дерева и железа, которое они могли унести. У них был запас провизии на два года, и руководство экспедицией было поручено капитану Бакену, который плавал на *Доротее*, в то время как Франклин командовал *Трентом*, а Бичи был его лейтенантом. Цель миссии была как научной, так и географической, и была выражена надежда, что будет проведено много полезных исследований атмосферных, метеорологических и магнитных явлений неизвестного региона, который ей предстояло пересечь.

Экспедиция отправилась в плавание 25 апреля, 18 мая пересекла Полярный круг, а 24-го увидела остров Медвежий. Двигаясь на север к южному мысу Шпицберген, корабли впервые столкнулись с серьезным противодействием со стороны льдов. Однако им удалось пробиться через пояс, и вскоре они оказались в бухте Магдалена. Дальнейшее продвижение на север было вкратце остановлено обширным ледяным полем, через которое проникнуть было невозможно, во всяком случае, в данный момент. Соответственно, Бьюкен решил потратить некоторое время на изучение залива Магдалена в надежде, что условия изменятся и он сможет пройти через него. Однако его второе предприятие увенчалось не большим успехом. Действительно, катастрофа едва не оборвала продвижение двух кораблей, ибо, пока они шли вдоль пакового потока, бриз внезапно стих, и волна загнала их в самую гущу бесчисленных льдин, которые постоянно отбрасывались валами на основной ледяной покров. Удар этих льдин был настолько сильным, что они раскрошились на куски, и на многие мили вокруг море было покрыто густым пастообразным веществом, известным как наглый лед, глубина которого часто достигала пяти футов.

К счастью, однако, поднялся ветерок, который вынес их из опасного положения, и они смогли продолжить свой путь. Продолжая свою разведку на западе, они обнаружили лишь незначительные изменения в состоянии стаи и решили пока воздержаться от попыток найти путь через нее. Соответственно, они развернулись и направились к Шпицбергену, где обнаружили, что стая, хотя и оставалась непроходимой, немного сдвинулась, оставив проход между ней и сушей. Возможно, довольно неразумно Бьюкенен попытался проложить свой путь по этому каналу, и он только что миновал Ред-Клифф, когда лед сомкнулся вокруг него со всех сторон, лишив его возможности ни продвигаться вперед, ни отступить.

Здесь они пробыли тринадцать дней, почти ничем не занимаясь, кроме наблюдения за повадками животных, которые появлялись со всех сторон, и небольшой охоты, когда представлялась возможность. В этой связи Бичи рассказывает довольно интересную историю, иллюстрирующую изобретательность Белого медведя. “Медведи, когда голодны, - пишет он, “кажется, всегда настороже, высматривая животных, спящих на льду, и пытаются с помощью хитрости приблизиться к ним незамеченными: при малейшем беспокойстве животные бросаются через отверстия во льду, к которым они всегда стараются быть поближе, и таким образом уходят от преследования. В один солнечный день морж девяти или десяти футов длиной вынырнул из лужи неподалеку от нас и, осмотревшись, вытащил свою жирную тушу на лед, где некоторое время катался и, наконец, улегся спать. Медведь, который, вероятно, наблюдал за его движениями, осторожно прополз по льду на противоположной стороне пруда и тоже начал кататься, но, по-видимому, скорее с умыслом, чем забавляясь, поскольку он постепенно сокращал расстояние, которое было между ним и его добычей. Морж, заподозривший его приближение, выпрямился, готовясь к поспешному отступлению в воду на случай более близкого знакомства со своим игривым, но коварным посетителем; при виде этого медведь мгновенно замер, как во сне, но через некоторое время начал вылизывать лапы и умываться, а время от времени еще немного покушаться на намеченную добычу. Но даже эта уловка не увенчалась успехом; осторожный морж был слишком хитер, чтобы позволить заманить себя в ловушку, и внезапно нырнул в бассейн”. Медведям, однако, не всегда так везло на охоте, потому что в желудке одного из убитых ими медведей они нашли подвязку гренландца.

Охота на моржей также была для них небольшим развлечением, и однажды команда была настолько неразумна, что напала на стадо в обычных корабельных шлюпках. Тотчас же моржи поднялись со всех сторон, и было нелегко помешать им вонзить свои бивни в борта лодок или утащить их под воду. “По мнению нашего народа, - говорит Бичи, - в этой атаке моржами руководило одно особенное животное, гораздо более крупное и грозное, чем любое другое; и они направили свои усилия в первую очередь на него, но он выдержал все удары их томагавков, не дрогнув, а его прочная шкура устояла перед китовыми копьями, которые, к сожалению, были не очень острыми и вскоре согнулись вдвое. Стадо было так многочисленно, а их атаки так непрерывны, что не было времени зарядить мушкет, который, действительно, был единственным способом серьезно ранить их. К счастью, у казначея было заряженное ружье, и вся команда, уже почти выбившаяся из сил, рубя и колотя нападавших, схватила его и, приставив дуло к горлу командира, выстрелила в его тело. Рана оказалась смертельной, и животное упало обратно к своим товарищам, которые немедленно прекратили атаку, собрались вокруг него и через мгновение покинули лодку, уплывая изо всех сил со своим вожаком, которого они фактически поддерживали своими бивнями и старательно не давали утонуть”.

Освобождение, о котором они молились, наконец наступило, но это не принесло большого улучшения их положению, поскольку поднялся ужасающий шторм, который загнал оба корабля в пучину, в результате чего половина обшивки “Трента” была деформирована, в то время как “Доротея” превратилась в нечто немногим большее, чем обломки корабля. Предпринимать какие-либо дальнейшие исследования было безнадежно, поэтому они направились к Шпицбергену, где нашли безопасную якорную стоянку в Южном Гате. Здесь суда были приведены в состояние ремонта, а офицеры тем временем исследовали ту часть острова, на которой они оказались, и вели наблюдения. 30 августа они снова вышли в море и 22 октября благополучно прибыли в Англию.

ГЛАВА IV

НЕУДАЧИ РОССА И УСПЕХИ ПЭРРИ

В то время как Бьюкен и Франклин испытывали трудности во льдах у Шпицбергена, Росс и Пэрри с "*Изабеллой*" (385 тонн) и "*Александром*" (252 тонны) обыскивали берега Баффинова залива в поисках Северо-Западного прохода. Они отплыли из Леруика 3 мая и к концу июня миновали остров Диско. Здесь, через посредство Джона Сакхьюза, их бесценного переводчика, они установили очень дружеские отношения с местными жителями, в честь которых они дали бал, который доставил огромное удовольствие всем заинтересованным лицам. После этого продвижение стало медленнее, так как море было покрыто льдом, и команда была вынуждена прибегнуть к утомительному способу "выслеживания" корабля в нем, то есть выйти на берег с веревкой и протащить его через препятствие. Однако в конце июля Россу удалось достичь залива Мелвилл, что оказалось одним из самых важных открытий путешествия, поскольку море было полно китов и с тех пор стало прибыльным местом охоты китобоев.

Когда они приближались к северным берегам залива, плавание *Изабеллы* и *Александра* едва не закончилось из-за ужасающего шторма, который обрушил на них лед в таком количестве, что они были почти раздавлены им. К счастью, они оба выжили, и вскоре после того, как шторм утих, вдалеке было замечено несколько туземцев с собачьими упряжками. Все попытки заманить их поближе с помощью подарков оказались тщетными, но в конце концов переводчику Сакхезу удалось наладить с ними общение. Сначала они были склонны не доверять незнакомцам, воображая, что корабли - это какие-то странные животные с крыльями, пришедшие то ли с солнца, то ли с Луны, они не могли точно сказать, с явной целью причинить им вред. Недоразумение, однако, в конце концов прояснилось, и их побудили посетить корабли, где все, что они видели, вызывало у них бесконечный интерес, за исключением корабельных сухарей и соленого мяса, к которым они относились с крайним презрением.

Продвигаясь на север, исследователи обнаружили, что море довольно свободно ото льда, и вскоре миновали мыс Дадли Диггес, остров Уолстенхолм и Китовый пролив, ни один из которых не посещался со времен Баффина и которые картографы сочли нужным стереть с карт, полагая, что Баффин стал жертвой галлюцинаций.

Сразу после того, как Росс миновал Канарские острова, он совершил свою первую серьезную ошибку. В его оправдание следует помнить, что он был совершенно неопытен в арктических путешествиях и что он не привык к странным атмосферным явлениям и иллюзиям, которые встречаются путешественнику в этих регионах на каждом шагу. Однако даже за короткий период своего пребывания в полярных морях он должен был узнать достаточно, чтобы не дать ему обмануться в мысли, что Пролив Смита - это не что иное, как залив, окруженный огромной грядой неприступных гор. Таков, однако, был вывод, к которому он пришел, и он не предпринял никаких попыток продвинуться дальше на север, чем к входу в Пролив. Если бы он сделал это, то, конечно, обнаружил бы, что его горы - не что иное, как отблеск непогоды.

Теперь он развернулся и двинулся на юг, очень точно ориентируясь на различные мысы, мимо которых проходил. В ходе своего путешествия он наткнулся на входы в проливы Джонс и

Ланкастер, исследовать которые ему помешали новые гряды непроходимых гор, через которые, однако, его собственный лейтенант Пэрри с совершенной легкостью преодолел в следующем году.

Он добрался до Гримсби 14 ноября, не встретив по пути домой никаких приключений, заслуживающих упоминания. Его путешествие принесло два отличных результата. Это открыло огромный и наиболее прибыльный китобойный промысел в заливе Мелвилл и вокруг него и укрепило позиции Баффина как исследователя. В остальном это было немного разочаровывающе, потому что, если бы он не был так одержим идеей, что горы окружают его со всех сторон, он мог бы достичь гораздо большего, чем достиг на самом деле.

В рассказе о своем путешествии, который он опубликовал после возвращения, Росс недвусмысленно намекает, что его мнение о невозможности найти проход через какой-либо из этих трех проливов разделяли остальные его офицеры. Однако это, по-видимому, было очень далеко от истины, о чем свидетельствуют дневники и письма Пэрри. В то время, когда два судна курсировали примерно в устье пролива Ланкастер, они находились примерно в трех милях друг от друга, причем "*Изабелла*" шла впереди. Когда "*Изабелла*" развернулась, экипаж "*Александра*" был положительно поражен, поскольку, насколько они могли разглядеть, нигде не было видно земли.

Адмиралтейство, похоже, имело некоторое представление об истине, поскольку вскоре после их возвращения Пэрри и Франклин были вызваны в присутствие лорда Мелвилла, и из оброненных им слов они поняли, что он придерживается мнения, что пролив Ланкастера - это пролив, ведущий в какое-то море на запад, и это мнение они от всего сердца поддержали. В результате, когда следующей весной было решено отправить еще одну экспедицию, командование было предложено Пэрри. Эта экспедиция должна была состоять из двух кораблей: "*Геклы*", водоизмещением 375 тонн, и "*Грипера*", канонерской лодки водоизмещением 180 тонн. Оба этих корабля были выбраны Пэрри еще до того, как он узнал, что его назначат командиром, и именно под его руководством они были капитально отремонтированы и специально усилены для работы в арктических регионах. Командовать "*Геклой*" должен был сам Пэрри, в то время как "*Захватчик*" должен был быть поручен лейтенанту Лиддону. Полный состав обоих кораблей составлял девяносто четыре человека, и Адмиралтейству не составило труда найти отличных моряков, поскольку оно предложило двойное жалование всем, кто принимал участие в экспедиции. Капитан Сэбин, чье имя впоследствии прославилось его превосходной научной работой, был назначен натуралистом и астрономом, а среди офицеров были лейтенанты Бичи и Хоппнер. Целью миссии, как указано в инструкциях Адмиралтейства, был поиск северо-западного прохода из Атлантического океана в Тихий либо через проливы Ланкастера, Джонса, либо Смита.

Корабли снялись с якоря 5 мая 1819 года, и поначалу продвижение было медленным, поскольку *Грипер* оказался таким плохим моряком, что *Гекле* пришлось взять его на буксир. 23-го они увидели лед в проливе Дэвиса и некоторое время были вынуждены держаться к востоку от него из-за его толщины. Однако 21 июля Пэрри смог взять курс на запад, и восемь дней спустя они увидели горы у южного входа в пролив Ланкастер.

Пэрри, несомненно, очень повезло на этой части его путешествия. Поднялся хороший восточный бриз, и корабли весело понеслись вперед под всеми парусами, какие только могли нести. Море было практически открыто, впереди не было видно земли, а берега пролива

находились на расстоянии тринадцати лиг друг от друга. Единственным недостатком были плохие ходовые качества *Захватчика*.

В полночь 4 августа, когда солнце, конечно, было таким же ярким, как и в полдень, они достигли лонга. 90, и здесь они были остановлены ледяным барьером, который тянулся от берега до берега. Ту часть пролива, в которой он сейчас находился, Парри назвал проливом Барроу, а двум островам, лежавшим перед ним, он дал названия островов Леопольда в честь принца Леопольда Саксен-Кобургского. К западу от островов он заметил в небе яркий свет, который известен арктическим морякам как “мерцание льда” и который сказал ему, что нет никаких шансов пройти в этом направлении; однако к югу от него было широкое открытое пространство, а над ним - темное водяное небо, поэтому он решил, что, поскольку он пока не мог продвигаться вперед, он возьмет курс на юг.

Ветер был попутным, и вскоре корабли оказались в заливе шириной не менее десяти лиг в устье, которому Пэрри впоследствии дал название Залив принца-регента. Он исследовал этот залив на протяжении около 120 миль в надежде, что сможет найти проход, ведущий на запад, но в этом его постигло разочарование, и вскоре, заметив, что айсберги покрывают весь западный горизонт, он изменил направление и 13-го числа снова был у островов Леопольда. Море все еще было покрыто льдом, но через несколько дней это препятствие полностью рассеялось, и он смог пробраться вдоль побережья Северного Девона.

Вопрос о непрерывности суши на севере в течение некоторого времени беспокоил Пэрри, поскольку существовала вероятность, что она может повернуть на юг и присоединиться к побережью Америки. Вскоре, однако, его глаза обрадовались при виде широкого пролива, ведущего на север, по которому, как он надеялся, он сможет проплыть, если для него окажется невозможным продвинуться дальше на запад, и которому он дал название Канал Веллингтона. Однако пока не было необходимости исследовать его, поскольку путь был все еще открыт перед ними, и они весело плыли мимо, называя, конечно, при этом острова Корнуоллис, Гриффит и Батерст. Однако ближе к концу августа море начало покрываться льдом, и Пэрри понял, что ему давно пора начинать искать зимовье. В конце концов он нашел их в Гекле и заливе Грипер, на побережье острова Мелвилл, и здесь корабли были обустроены на зиму, хотя и не раньше, чем экспедиция имела удовольствие пересечь меридиан 110 ° западной долготы, получив таким образом награду в 5000 фунтов стерлингов, предложенную правительством первому британскому подданному, который проникнет так далеко за полярный круг. Они обнаружили, что пришли не слишком скоро, потому что бухта, когда они достигли ее, уже была покрыта слоем льда, сквозь который им пришлось пилой прорубать путь для корабля.

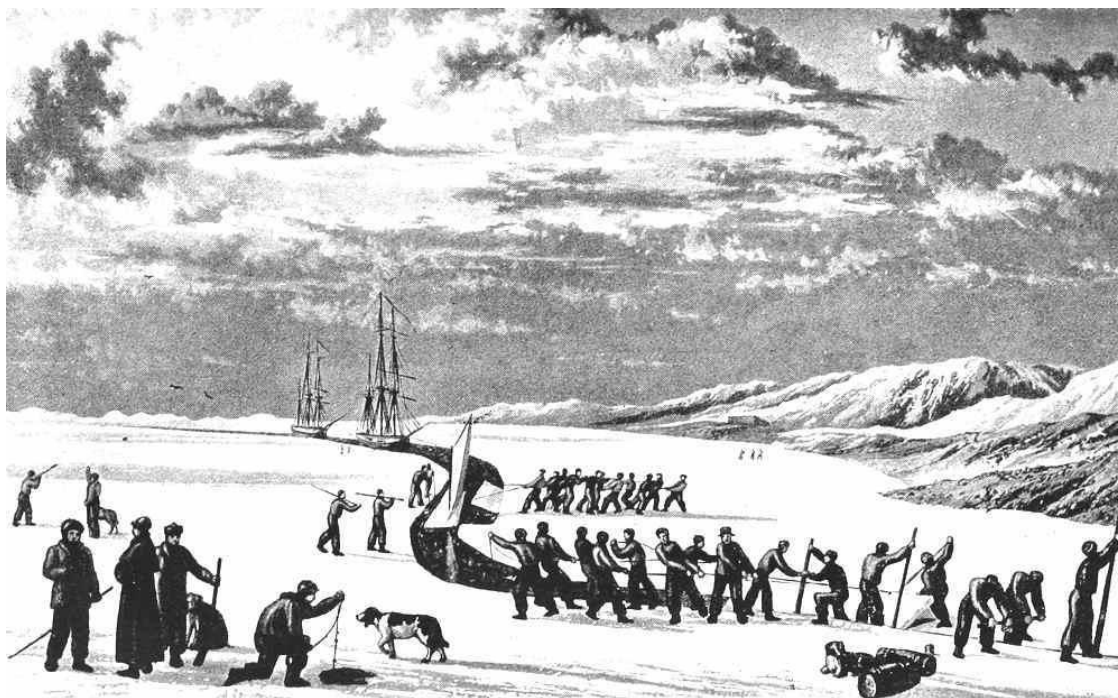
Работа по приведению кораблей в порядок на зиму была начата немедленно. Верхние мачты были демонтированы, нижние реи закреплены в носовой и кормовой частях судна, а над палубой возведен навес, чтобы у матросов было достаточно теплое помещение для физических упражнений, когда суровые зимние условия не позволяли им выходить на берег. Затем внимание Пэрри привлек вопрос о том, как обеспечить своей команде то рациональное развлечение, которое было абсолютно необходимо для них, если они хотели сохранить доброе здоровье. Он сам был превосходным актером-любителем, и поскольку на борту имелось несколько сборников пьес, он быстро основал Королевский арктический театр. Раскрашивание сцены и репетиции занимали офицеров и рядовых неделями, и 5 ноября театральный сезон

открылся блестящим представлением “Мисс в подростковом возрасте” с Пэрри в роли Фриббла и Бичи в роли мисс Бидди.

В то же время Сабина основала еженедельную газету под названием "Вестник Северной Джорджии" и "Зимняя хроника", постоянными сотрудниками которой стали большинство офицеров. Пэрри внезапно проявил поэтический дар, о котором раньше никто и не подозревал, Сабина проявила совершенный гений драматической критики, в то время как появилось множество юмористов.

Здесь можно процитировать одну или две выдержки из "Вестника". Например, в номере от 29 ноября мы находим объявление о поиске “женщины средних лет, не старше тридцати, с хорошей репутацией, для помощи в ОДЕВАНИИ ДАМ в ТЕАТРЕ. Ее жалованье будет солидным, и в придачу ей разрешат чай и немного пива”. Это вызвало ответ от миссис Абигейл Хендкрафт, которая написала следующее: “Я вдова, мне двадцать шесть лет, и я могу представить неоспоримые свидетельства моего характера и квалификации; но прежде чем я возьмусь за дело одевания дам в театре, я хотела бы узнать, принято ли у них надевать бриджи; также, можно ли мне разрешить двум или трем самым крепким матросам или морским пехотинцам зашнуровывать их корсеты”. Из следующего выпуска мы узнаем, что миссис Рукоделие была должным образом нанята и что ей предоставили двух ее помощниц, которые должны были быть оснащены “шипами marline, рычагами и белой линией” для уменьшения талии Бичи до более разумных пропорций.

Театральные представления, хотя и доставляли большое удовольствие съемочной группе, часто проводились с большими трудностями, поскольку температура на сцене иногда опускалась ниже нуля, а однажды капитану Лайону, игравшему в “Законном наследнике”, пришлось проходить последний акт с обмороженными двумя пальцами.

ВЫРЕЗАНИЕ ПРОХОДА В ЗИМнюю ГАВАНЬ
ПО ЭСКИЗУ ЛЕЙТЕНАНТА. БИЧИ

В начале февраля солнце вернулось еще раз, но это принесло с собой очень незначительное улучшение температуры, и столбик термометра иногда опускался до 55 ° ниже нуля. Несколько человек сильно обморозились, особенно Смит, слуга Сабины, который, стремясь спасти иглу для погружения от пожара, вспыхнувшего в обсерватории, выбежал, не надев перчаток. Как только хирург вернулся на корабль, он погрузил руки в таз с ледяной водой, поверхность которого немедленно замерзла от переданного ей таким образом холода.

Во второй половине зимы были замечены некоторые чрезвычайно красивые атмосферные явления. Например, 4 марта вокруг солнца появилось гало, состоящее из круга, который светился призматическими цветами. “На этом круге были отчетливо видны три пархелии, или ложных солнца; первое находилось прямо над солнцем, и по одному с каждой стороны от него, на своей высоте. Призматические оттенки были гораздо более яркими в пархелии, чем в любой другой части круга; но красный, желтый и синий были единственными цветами, которые можно было проследить, причем первый из них неизменно находился рядом с солнцем во всех наблюдаемых явлениях такого рода. От самого солнца несколько лучей белого света, непрерывных, но не очень ярких, простирались в различных направлениях за пределы гало, и эти лучи были более яркими после прохождения через круг, чем внутри него. Это необычное явление оставалось видимым почти два часа”.

19 марта театральный сезон завершился спектаклями “Гражданин” и “Мэр Гарратта”, в которых Пэрри исполнил роли старины Филпота и Мэтью Муга. Самая суровая часть зимы уже закончилась, но лед все еще не проявлял никаких признаков разрушения. Действительно, хотя в апреле и мае большая часть снега растаяла, казалось, что не было никаких шансов ни продолжить путешествие, ни вернуться в Англию. Прошел июнь, но надежды на освобождение не было, и Пэрри начал опасаться, что обречен провести еще одну зиму во льдах, к чему он был плохо подготовлен. Однако ближе к концу июля оттепель начала сказываться на льду гавани, и 1 августа оба корабля смогли сняться с якоря и выйти из залива.

Однако им не суждено было достичь гораздо большего. В течение нескольких недель им мешали встречные ветры и трепали льды, пока, наконец, 23 августа Пэрри не решил, что, поскольку сезон навигации подходит к концу через две недели, ему лучше вернуться в Англию. Соответственно, он приступил к выполнению этого требования, и 29 октября оба корабля благополучно достигли Питерхеда.

ГЛАВА V

ПЕРВОЕ СУХОПУТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ФРАНКЛИНА

Теперь необходимо вернуться к другу и коллеге-исследователю Парри, Джону Франклину, который, как следует помнить, был вызван к лорду Мелвиллу вместе с Парри 18 ноября 1818 года. Результатом этого собеседования стало то, что, в то время как Пэрри был назначен командовать *Геклой* и *Грипером*, Франклину было поручено предпринять не менее важную сухопутную экспедицию по исследованию берегов Североамериканского континента от устья реки Коппермайн на восток.

Членов этой экспедиции было пятеро, и в их число входили сам Франклин, доктор Джон Ричардсон, военно-морской хирург, Джордж Бэк, который плывал помощником капитана на "*Тренте*" с Франклином в 1818 году, Роберт Худ, мичман, и Джон Хепберн, матрос, который должен был выполнять обязанности прислуги. Цель состояла в том, чтобы тщательно обследовать побережье, расставить заметные отметки в местах, в которые могли заходить корабли, и оставить такую информацию о характере побережья, которая могла бы пригодиться Парри, если ему действительно удастся найти северо-западный проход. Франклин также должен был провести серию научных наблюдений, тщательно фиксируя изменения температуры, состояние ветра и погоды, наклон и колебание магнитной стрелки, а также интенсивность магнитной силы. Чтобы его шансы на успех были как можно выше, он был снабжен рекомендательными письмами от управляющих двух крупнейших компаний по торговле пушниной в Британской Северной Америке - Компании Гудзонова залива и Северо-Западной компании, - в которых агентам предписывалось делать все возможное, всеми средствами и всячески продвигать интересы экспедиции.

Первой заботой Франклина по прибытии в Гудзонов залив было отправиться на фабрику в Йорке, где он проконсультировался с рядом официальных лиц, среди которых был мистер Уильямс, управляющий фабрикой, относительно наилучшего способа добраться до устья Коппермайна, где, конечно, должна была начаться серьезная работа его экспедиции. Они твердо придерживались мнения, что ему следует проследовать в Камберленд-Хаус, а оттуда отправиться на север вдоль цепочки постов Компании к Большому Невольничьему озеру.

Этот маршрут практически проходит по воде, хотя волоки, разделяющие различные ручьи и озера, из которых он состоит, почти бесчисленны. Поэтому мистер Уильямс предложил предоставить экспедиции одну из лучших лодок Компании вместе с большим запасом провизии и других вещей, необходимых для путешествия, и это предложение, само собой разумеется, было немедленно принято. К сожалению, когда эти запасы были доставлены на берег, оказалось, что они слишком велики, чтобы поместиться в лодке, так что большую их часть, включая бекон и часть риса, муки, боеприпасов и табака, пришлось оставить, хотя губернатор пообещал отправить их в течение следующего сезона.

Они отправились в путь 9 сентября и обнаружили, что, хотя их путешествие проходило по очень красивым пейзажам, оно было самым трудным из всех описанных. Реки были узкими, извилистыми и полными порогов, в то время как течение часто было настолько быстрым, что об использовании парусов или весел не могло быть и речи, и лодку приходилось тащить на буксире - способ передвижения, который был бы достаточно приятным, если бы берега не были высокими и скалистыми, пересеченными оврагами и притоками ручьев. В дополнение к этому приходилось считаться с бесчисленными волокушами, и, как следствие, продвижение по ним было крайне медленным.

Наконец они добрались до Рок-Хауса, одного из постов Компании Гудзонова залива, и там им сообщили, что впереди их ждут еще более опасные пороги и что лодку придется облегчить, если они хотят добраться до Камберленд-Хауса до наступления зимы. Поэтому Франклин был вынужден оставить там еще большую часть своего груза, приказав переправить его на каноэ "*Атабаска*" как можно раньше в следующем сезоне.

Продолжая свой путь, они добрались до Камберленд-Хауса 23 октября и здесь обнаружили, что на озере уже образуется лед, и узнали, что в это время года они не смогут путешествовать дальше. Соответственно, когда через несколько дней прибыл губернатор Уильямс и предложил провести всю зиму в Камберленд-Хаусе, они с радостью согласились с этой идеей. Однако, обсудив этот вопрос с офицерами двух больших рот, обе из которых занимали посты на озере, Франклин пришел к выводу, что, безусловно, лучшим его планом было бы продвигаться по суше зимой в департамент Атабаска, где только он мог раздобыть проводников, охотников и переводчиков, необходимых для успеха его экспедиции. Соответственно, он попросил мистера Уильямса предоставить ему собак, сани и погонщиков для перевозки его самого и двух его спутников, Бэка и Хепберна. Они отправились в путь 18 января 1820 года и после крайне неприятного путешествия в 857 миль, при таком сильном холоде, что свежеприготовленный чай замерзал в жестяных горшочках прежде, чем они успевали его выпить, 26 марта достигли форта Чепевьян на озере Атабаска. Там Франклин провел несколько месяцев, собирая у индейцев и переводчиков двух рот всю возможную информацию о течении реки Коппермайн и побережье около ее устья. Результаты его исследований были довольно удовлетворительными, и он решил отправить сообщения представителям компаний на Большом Невольничьем озере с просьбой предоставить ему любую информацию, которую они смогут собрать, и нанять несколько индейцев-медников в качестве проводников и охотников.

10 мая появились комары, эти ранние предвестники весны, и Франклин понял, что приближается время двигаться дальше. Однако раздобыть припасы и людей, в которых он нуждался, было нелегко. Провизия, собранная в форте, ненамного превышала фактические потребности жителей, в то время как служащие Компании очень не желали участвовать в его экспедиции, кроме как за грабительское вознаграждение.

13 июля Ричардсон и Худ прибыли на место происшествия, захватив с собой всю провизию, которую они смогли собрать в Камберленд-Хаусе и на острове а-ла-Кросс. Это, однако, мало что значило, поскольку канадские путешественники, принадлежавшие к посту в Гудзоновом заливе, съели весь пеммикан, предназначенный для исследователей, в то время как десять мешков с провизией, которые они захватили на последнем посту, оказались настолько заплесневелыми, что их пришлось выбросить. Следовательно, путешественники были вынуждены отправиться в путь очень плохо экипированными в том, что касалось припасов. Однако отложить их отъезд не было никакой возможности, поскольку форт Чипевьян в то время не располагал достаточными средствами к существованию для столь большого отряда. Соответственно, припасы были распределены по трем каноэ, которыми снабдили Франклина, и 18 июля он отправился в путь со своим отрядом, который теперь состоял из четырех офицеров, шестнадцати канадских путешественников, двух переводчиков и грозного Хепберна.

В конце месяца они добрались до форта Провиденс, где их встретил мистер Вентцель, агент Северо-Западной компании, который предложил нанять для них охотников и сам должен был сопровождать их до реки Коппермайн. Переговоры с группой охотников под командованием некоего Акайчо, или Большой Ноги, вскоре были успешно завершены, и хотя индейцы были немного разочарованы, узнав, что великие английские знахари не смогли вернуть к жизни некоторых умерших членов их племени - по слухам, достижение их новых друзей, на которое они возлагали большие надежды, - вскоре они были покорены различными дешевыми медалями и другими мелкими подарками и пообещали трудиться от всего сердца и души на благо экспедиции. 2 августа группа отправилась в путь, теперь слегка дополненная дополнительным

переводчиком Мишелем, ирокезом, мистером Вентцелем и женщинами трех путешественников, которые должны были сшить обувь и одежду для мужчин, пока они будут находиться на зимних квартирах. 19 августа они достигли места, на котором поселились индейцы, как наиболее подходящего для зимовки.

Теперь были все признаки того, что скоро наступит зима, поэтому Франклин приказал своим людям заняться строительством склада и послал своих охотников-индейцев добыть столько свежего мяса, сколько они смогут. Охотники, однако, оказались всего лишь сломанным тростником. Во время экспедиции Акайчо слышал о смерти своего шурина, и вся его группа, по-видимому, была настолько потрясена печальным известием, что провела несколько дней в стенаниях и причитаниях, в результате чего им удалось убить только пятнадцать оленей. Более того, эта тяжелая утрата семьи потребовала переселения другой части племени Акайчо, которая должна была запастись провизией на берегу Коппермайна, в место, расположенное в нескольких милях от предполагаемого маршрута.

К полному замешательству Франклина, Акайчо наотрез отказался сопровождать его в предварительной экскурсии к Коппермайну, заявив, что в это время года такое путешествие было бы крайне опасным. Описав его ужасы и опасности в высшей степени живописным языком, он далее выполнил свою роль утешителя Иова, сказав, что если Франклин действительно вознамерился отправиться в путешествие, то, конечно, долг индейцев - оказать ему всю возможную помощь. Поэтому он позволил некоторым младшим членам своего племени сопровождать его, добавив, что с того момента, как они отправятся в путь, он и его родственники будут оплакивать их как умерших. Однако, несмотря на пессимизм Акайчо, экспедиция вернулась, не потеряв ни одного из своих членов, и причитания индейца были совершенно напрасны.

К 20 октября строительство дома было завершено, и компания переехала. Это было бревенчатое здание 50 футов в длину и 24 фута в ширину, состоящее из прихожей, трех спален и кухни. Она не была совсем уж непроницаемой для холодных ветров, потому что глина, которой были обмазаны стены, потрескивалась по мере того, как ее надевали, и свободно пропускала воздух; однако по сравнению с палатками она была роскошной. Погода теперь была суровая, и сезон охоты закончился. Склад был довольно хорошо укомплектован, в то время как туши восьмидесяти оленей были сложены на разном расстоянии от дома *en cache*, то есть прикрыты тяжелыми грудями дерева и камней, чтобы волки и росوماхи не могли до них добраться. Франклина, однако, все больше беспокоила нехватка боеприпасов и табака. Первое было, конечно, абсолютно необходимо для самого существования партии, в то время как канадцы, которые были заядлыми курильщиками, предусмотрели щедрое снабжение последним. Однако должностные лица двух компаний не выполнили своих обещаний и не передали ему товары, которые они обязались предоставить. Единственным возможным решением возникшей проблемы было отправить нескольких членов отряда обратно за припасами, и, соответственно, 18 октября Бэк и Вентцель с двумя индейцами и двумя канадцами отправились в долгое путешествие в форт Провиденс.

Первый отряд этого отряда вернулся 23 декабря, но последний появился только в середине марта, пройдя пешком более 1000 миль. Некоторое представление о трудностях, с которыми сталкивался Бэк, можно составить из фактов, что он часто проводил два-три дня без еды и что

ему приходилось спать в лесу, не прикрываясь ничем, кроме одеяла и оленьей шкуры, в то время как термометр показывал 40 °, а однажды и 57 ° ниже нуля. Он обнаружил, что поставки не были переправлены просто из-за грубого пренебрежения некоторыми должностными лицами двух торговых компаний. Один из офицеров "Гудзонова залива", например, будучи не в состоянии нагрузить свое каноэ припасами, которые были вверены его попечению, без промедления свалил их в кучу на берегу и оставил там, совершенно невзирая на страдания, которые это действие, вероятно, причинило экспедиции. В конце концов, однако, партия получила достаточное количество припасов, чтобы избавить их от опасности немедленной нужды.

Основная работа экспедиции должна была начаться в июне, и 4-го числа первая группа под командованием доктора Ричардсона выступила из форта Энтерпрайз сухопутным путем на север. Десять дней спустя стартовала вторая группа с двумя каноэ, прицепленными к поездкам, намереваясь спуститься на воду Уинтер-Лейк, которое находилось неподалеку. Почти сразу за ними последовала третья группа под командованием Франклина, которая привезла с собой инструменты, остальные припасы и небольшой запас вяленого мяса. Казалось, судьба с самого начала была против экспедиции, потому что, когда Франклин прибыл с группой гребцов на каноэ на озеро Мартин, он обнаружил, что охотники убили только двух оленей, и что, хотя они были *спрятаны* в тайнике, их обоих съели росوماхи. Хуже того, когда он присоединился к Ричардсону 21-го числа, он узнал, что Акайчо и его сын израсходовали все свои боеприпасы и им совершенно нечем было похвастаться. Доктору с помощью двух его охотников, к счастью, удалось раздобыть и приготовить 200 фунтов. сушеного мяса, но это были практически все запасы, которые у них были для долгого путешествия.

К 12 июля они достигли границ территории эскимосов, и индейцы, находившиеся в состоянии постоянной войны с этими туземцами, наотрез отказались идти дальше; поэтому все, что Франклин мог сделать, это отпустить их, предварительно взяв с них торжественное обещание оставить в форте Энтерпрайз хороший запас провизии на случай их возвращения. Через несколько часов они достигли моря, и здесь Франклин расстался с Вентцелем и двумя канадцами, сократив таким образом свой отряд до двадцати человек. Его план состоял в том, чтобы исследовать побережье как можно дальше к востоку от Коппермайна. Если позволят условия, он вернется к реке; если нет, он намеревался двинуться на север через каменистую пустыню, известную как Бесплодные земли, и направиться к форту Энтерпрайз. Вентцеля попросили проследить, чтобы в форте был обеспечен достаточный запас мяса для группы по ее возвращении.

Отряд из двадцати человек оказался теперь в устье реки Коппермайн, в 334 милях от своей штаб-квартиры, и провизии у него хватило только на пятнадцать дней. 21 июля они спустились на воду два своих хрупких каноэ и отправились в путешествие на восток. Вряд ли нам нужно вдаваться в подробности этого путешествия. То, что это было опасно, само собой разумеется, поскольку тонкие борта их судов обеспечивали лишь самую недостаточную защиту от масс льда, с которыми они постоянно сталкивались. Однако в течение пяти недель они продвигались вперед, проводя наблюдения и давая названия всем основным мысам, островам и бухтам на протяжении 650 миль вдоль побережья. 16 августа, когда они снова достигли мыса Терна, расположенного на 68 ° 18' северной широты. 109 ° 25' западной долготы, Франклин решил, что пора возвращаться. Открытый сезон подходил к концу, каноэ находились в ужасном состоянии, а нехватка провизии была такова, что вызывала серьезное беспокойство. На ранней части

путешествия переводчики, Сен-Жермен и Адам, очень успешно обращались с ружьем, но их сумки постепенно становились все меньше и меньше, дело, конечно, в том, что они всегда относились к экспедиции с сильным неодобрением и стремились заставить ее вернуться.

Следовательно, каноэ развернулись и после весьма опасного путешествия 25 августа вошли в реку Худ. Река, к сожалению, была слишком мелкой и быстрой, чтобы позволить им плыть дальше по воде, поэтому Франклин разобрал свои каноэ на части и соорудил из подручных материалов два каноэ поменьше, каждое из которых было легко переносным. К последнему дню месяца эти приготовления были закончены, и снаряжение, состоявшее из боеприпасов, сетей, топориков, ледорубов, астрономических инструментов, трех котлов, двух каноэ и палатки, было разделено между членами отряда, каждому из которых предстояло нести ношу весом около девяноста фунтов.

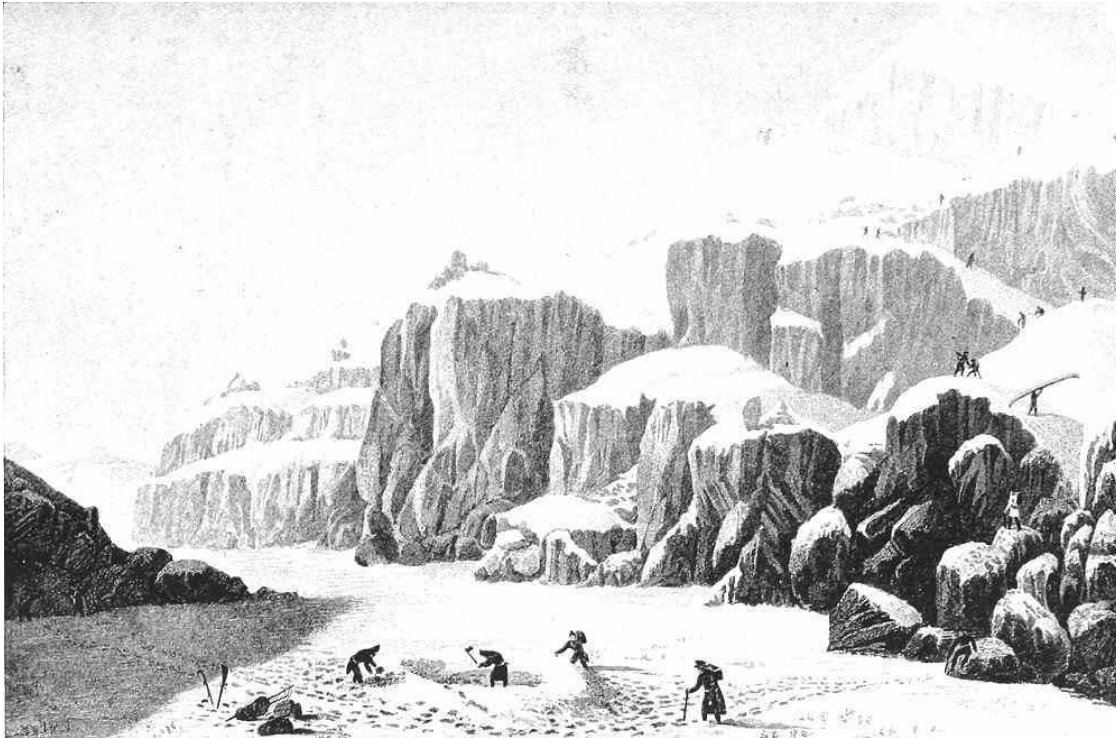
Первые несколько дней своего путешествия они следовали по течению Худа, но вскоре река повернула на запад, и оказалось необходимым направиться вглубь страны через безлюдные бесплодные земли, единственной рекомендацией которых было то, что они были сравнительно равнинными и что тяжело нагруженный отряд был избавлен от необходимости спотыкаться на холмах и спускаться в долины, подобные тем, что тянулись вдоль течения ручья. Кроме того, земля, по которой им предстояло путешествовать, была настолько непривлекательной, насколько это можно было себе представить. На многие мили впереди и по обе стороны от них простиралась обширная каменистая пустошь, на которой не было видно ни следа живого существа. Растительности там было мало или вообще не было, дрова бросались в глаза своим отсутствием, и лишь в самых редких случаях они могли позволить себе такую роскошь, как разведение костра. Перспектива действительно была крайне непривлекательной.

Они пробыли всего один день в пути по этой неприступной стране, когда до них дошла ужасная истина: зима наступила необычайно рано и, как следствие, их опасности и страдания увеличились во сто крат. Первое известие об этом принес им ужасный шторм, который поднялся ночью и продолжал дуть с такой силой, что для них было бесполезно пытаться бороться с ним, и у них не было другого выбора, кроме как оставаться в своих палатках. Два дня они лежали, завернувшись в одеяла, дрожа от холода и терзаемые приступами голода, потому что их провизия была почти исчерпана, и у них почти ничего не осталось, кроме небольшого количества портативного супа и маранта, которые они были обязаны готовить с особой тщательностью. К утру 7-го шторм немного утих, но холод все еще был сильным. Однако им пришлось выбирать между двумя альтернативами. Либо они должны были продвигаться вперед в зубах урагана, либо замерзнуть насмерть там, где лежали, и первое, естественно, казалось предпочтительнее. Несмотря на тяжелую ношу, при самых благоприятных обстоятельствах они могли двигаться со скоростью не более мили в час, но теперь их продвижение было бесконечно медленным, потому что земля была покрыта снегом глубиной в фут, а болота и топи покрылись тонким слоем льда, который часто проваливался под ними.

Шторм все еще бушевал с такой силой, что канадцев, которые по очереди несли лодки, часто уносило ветром, и большая из двух лодок вскоре была разбита вдребезги. Из того, что Франклин знал о характере путешественников, он был склонен полагать, что несчастный случай ни в коем случае не был простым несчастным случаем, а что каноэ было сломано намеренно, чтобы сэкономить труд по дальнейшей транспортировке. Однако он мог извлечь максимум пользы

только из неудачного дела, поэтому развел костер из обломков и сварил на нем остатки маранта и суп.

Так они тащились много утомительных дней, питаясь, насколько могли, случайной куропаткой и разнообразием съедобного лишайника под названием *рубек де рош*, который рос на валунах — скудная пища для двадцати умирающих с голоду мужчин. Более того, лишайник, хотя и утолял на некоторое время муки голода, был чрезвычайно горьким на вкус и положительно ядовитым для нескольких членов несчастной группы.

ПЕРЕСЕКАЮ БЕСПЛОДНУЮ ЗЕМЛЮ
С РИСУНКА КАПИТАНА. Назад

Их физические страдания с каждым днем становились все ужаснее. Голод был не единственным испытанием, с которым им приходилось бороться, поскольку их путь постоянно пересекали болота, через которые им приходилось переходить вброд, а поскольку термометр всегда был ниже точки замерзания, их мокрая одежда мгновенно замерзала и становилась жесткой, как доски, что делало ходьбу еще более болезненной, чем когда-либо. Раз или два им посчастливилось наткнуться на стадо овцебыков или заблудившегося оленя, но запасы были совершенно неадекватны спросу, и по большей части им приходилось питаться *рошской требухой*, которую вряд ли хоть один член маленького отряда мог теперь съесть без того, чтобы не заболеть. 10 сентября они набрали на большое озеро, и угасающие надежды Франклина возродились при мысли о возможности пополнить свой провиант запасом рыбы. Однако, к своему ужасу, теперь он узнал, что канадцы с преступным эгоизмом выбросили сети и сожгли поплавки, чтобы уменьшить бремя, которое им приходилось нести, - поступок, который был тем более удивительным, что в качестве путешественников для торговых компаний они часто

оказывались в ситуациях, когда им приходилось добывать средства к существованию рыбной ловлей.

Однако эти канадцы, за исключением человека по имени Перро, оказались ужасной занозой в боку Франклина с начала и до конца путешествия. Они совершили свой кульминационный акт безумия, когда уничтожили второе каноэ, которое, хотя и было очень сумасшедшим, было единственным средством передвижения по рекам и озерам. Эта потеря была наиболее серьезно ощутима, когда немного позже отряд подошел к берегу реки Коппермайн и обнаружил, что не может перебраться на другой берег. Драгоценные дни были потрачены впустую на попытки соорудить плот или найти брод, и все это время они были вынуждены питаться гнилой тушей оленя, провалившегося в расщелину в скале прошлой весной. Плоты и броды терпели неудачу, Ричардсон предпринял доблестную попытку переплыть реку с веревкой вокруг пояса и, несмотря на леденящий холод воды, почти добрался до другого берега. Затем силы покинули его, и он был на волосок от того, чтобы утонуть. Его вытащили на берег как раз вовремя, чтобы спасти ему жизнь, но последствия своего приключения он ощущал до конца следующей весны. Наконец, после неоднократных попыток, всей группе удалось переправиться на каноэ, сделанном из раскрашенного холста, в который они завернули свои постельные принадлежности, но судно было настолько хрупким, что могло перевозить только одного человека одновременно.

Вернувшись, трое канадцев отправились вперед, чтобы разыскать индейцев и убедиться, что в Форте все готово. Еще один день остальная часть отряда боролась, добывая себе пропитание, насколько это было возможно, из лишайника и своей старой обуви. Вскоре, однако, стало очевидно, что Худ и двое канадцев, Креди и Вейлан, настолько ослабели, что не могли идти дальше, и было решено, что отряд должен снова разделиться, а более слабые члены должны остаться с Ричардсоном и Хепберном, чтобы присмотреть за ними, в то время как Франклин и несколько его товарищей продвигались к Форту. В течение следующего дня мы достигли небольшой заросли ив, и здесь было решено разбить лагерь. Канадцы, однако, не смогли пробиться даже так далеко и остались позади в снегу. “Были некоторые слабые надежды на то, что Креди переживет шторм, - говорит Франклин, - поскольку его снабдили хорошим одеялом и съели немного кожи”.

Едва Франклин тронулся в путь, как трое из его путешественников - Беланже, Перро и Фонтано, а также ирокез Мишель - сломались и были вынуждены вернуться в лагерь в ивняках. Со своими четверьмя оставшимися товарищами он упрямо шел вперед, и наконец, к его невыразимому облегчению, показалась цель его путешествия. Но всем надеждам, которые он питал на избавление от страданий себя и своих людей, было суждено рухнуть, ибо они наткнулись на Форт только для того, чтобы найти его безрадостным и заброшенным, без запасов провизии и без каких-либо указаний на местонахождение индейцев. Бэк добрался до Форта двумя днями ранее и оставил записку, в которой сообщал, что отправился на поиски Акайчо и его медлительных охотников, но, кроме этого, не было никаких признаков того, что в дом заходили с тех пор, как Франклин был там в последний раз.

Словами невозможно описать горькое разочарование этих храбрых людей, которые после долгой и упорной борьбы с невзгодами оказались лицом к лицу со смертью, не менее страшной, чем та, что угрожала им на Бесплодной Земле. За исключением нескольких оленьих шкур, которые были выброшены как отбросы во время их прежнего пребывания в Форте, не было

ничего, чем они могли бы поддерживать жизнь, в то время как зимние штормы нанесли такой ущерб стенам и окнам дома, что они свободно пропускали горький воздух, и температура в гостиной колебалась от 15 ° до 20 ° ниже нуля.

Им ничего не оставалось делать, как терпеть свои страдания, насколько это было возможно, и ждать помощи от вероломного Акайчо и его охотников. Этому облегчению, однако, пока не суждено было наступить, поскольку два дня спустя они получили записку от Бека, в которой говорилось, что он не смог найти индейцев, и содержалась просьба о дальнейших инструкциях. Каким бы слабым он ни был, Франклин теперь почувствовал, что пришло время действовать, и, соответственно, решил отправиться в форт Конфиденс в сопровождении двух своих людей, Августа, переводчика-эскимоса, и Бенуа, одного из путешественников. Однако, пробыв в пути всего два дня, он имел несчастье порвать один из своих башмаков и был вынужден вернуться в свою неуютную хижину, предоставив двум своим спутникам продвигаться вперед изо всех сил. Возможно, это было и к лучшему, что он так поступил, потому что, добравшись до Форта, он обнаружил, что двое канадцев, которых он оставил позади, так ослабели, что смирились с тем, что казалось им неизбежным, и легли умирать. Однако великолепный пример Франклина придал им новую отвагу, и ценой невероятных усилий им удалось сохранить жизнь в своих телах, хотя теперь они были настолько слабы, что, когда стадо оленей появилось в полумиле от них, они были совершенно неспособны застрелить их.

29-го числа, когда они сидели на корточках у жалкого костра, они с удивлением услышали голоса в соседней комнате. Их первой мыслью было, что индейцы наконец пришли им на помощь. Мгновением позже вошли Ричардсон и Хепберн.

Прибытие этих друзей вселило новую надежду в голодающих людей в форте Энтерпрайз, поскольку Хепберн был сильнее остальных, и были все шансы, что он сможет найти им какие-нибудь средства к существованию. Но при виде этих двух мужчин, стоящих там в одиночестве, сердце Франклина похолодело. Что, спросил он, стало с Худом, Кредитом, Мишелем и Вайаном? Ответ, который он получил на следующий день, оказался ужаснее, чем он мог ожидать из-за своих худших опасений. Вкратце история Ричардсона выглядела так.

Утром 9 октября, то есть через два дня после того, как Франклин отправился в форт Энтерпрайз, Мишель, ирокез, вернулся в лагерь один с известием, что Беланжер, с которым он отправился в путь, бросил его по дороге. Однако были все основания подозревать, как из истории, которую он им рассказал, так и из его последующего поведения, что он покончил с канадцем и что он выдумал эту историю, чтобы скрыть ужасные последствия своего преступления. С этого времени его поведение становилось все более и более подозрительным. Он стал угрюмым и угрюмому, отказывался ходить на охоту, а если и ходил, то только один, прихватив с собой топор, в отличие от охотника, который пользуется своим ножом только тогда, когда убивает оленя. “Этот факт, ” говорит Ричардсон, - по-видимому, указывает на то, что он взял его с целью нарезать что-то, что, как он знал, было заморожено”. Наконец, совершив кульминационный поступок, он подтвердил подозрения, которые уже зародились в умах Ричардсона и Хепберна, поскольку в воскресенье, 20 октября, оставшись наедине с Худом, он намеренно выстрелил своему спутнику в голову.

В их слабом состоянии ни врач, ни матрос, конечно, не могли без промедления отомстить убийце, хотя самосохранение требовало этого. Соответственно, они похоронили жертву Мишеля, и 23-го числа эта группа из трех человек — поскольку никому из остальных не удалось добраться до лагеря — решила отправиться в Форт. Теперь стало настолько очевидно, что ирокез намеревался, чтобы двое его товарищей разделили судьбу его бывших жертв, что для них оставался только один выход. Соответственно, Ричардсон воспользовался возможностью, когда Мишель не ожидал нападения, выстрелить ему в голову из пистолета.

Еще через шесть дней неописуемых страданий они добрались до форта только для того, чтобы, как мы видели, застать Франклина и канадцев в не лучшем положении, чем их самих. В течение следующих нескольких дней канадцы Пелтье и Самандре сдались, и их друзья неизбежно последовали бы за ними вскоре, если бы 7 ноября не прибыла помощь. В тот день появились три индейца, которых нашел Бэк, и, хотя прошло, конечно, много времени, прежде чем к страдальцам вернулись здоровье и силы, их бедам практически пришел конец. Они покинули форт Энтерпрайз 16 ноября и, путешествуя легкими этапами, 18 декабря достигли острова Лосиный Олень, где к ним присоединился Бэк, который сам прошел через период страшных трудностей и лишений в поисках помощи.

Летом следующего года Франклин вернулся в Англию, проделав ужасное путешествие протяженностью около 5500 миль. Результат его наблюдений, конечно, значительно пополнил мировой запас знаний о тогда еще неизвестных регионах Северной Америки; но у него была бы другая история, которую он мог бы рассказать, если бы соперничество между двумя торговыми компаниями не мешало ему от начала до конца.

ГЛАВА VI

ПОСЛЕДНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ПЭРРИ На СЕВЕРО-ЗАПАД

Теперь мы должны вернуться к Парри, который, как известно, высадился в Англии в октябре 1820 года после того, как сделал ряд ценнейших открытий в проливе Ланкастер. Результаты его путешествия были настолько обнадеживающими, что правительство решило подготовить еще одну экспедицию на следующий год. Однако было вполне естественно предположить, что любые дальнейшие попытки найти северо-западный проход через пролив Ланкастер окажутся безуспешными из-за льда, который, казалось, образовывал абсолютно непроницаемый барьер на западном входе, и поэтому было решено искать проход более южным маршрутом в надежде, что климат будет более умеренным и лед не будет таким препятствием.

В первой экспедиции "*Гекла*" показала себя превосходным кораблем, но "*Грипер*" из-за своих плохих ходовых качеств имел меньший успех. Таким образом, ее место занял "*Фьюри*", на который был назначен сам Парри, в то время как капитан Джордж Фрэнсис Лайон, офицер с большими способностями, который был особенно известен превосходством своих чертежей, был назначен командиром "*Геклы*".

Пэрри был настолько популярен, что едва новость о его назначении была опубликована, как его окружили добровольцы, среди которых были многие участники его предыдущей экспедиции. Среди последних были лейтенанты Хоппнер, Миас и Рид, Джеймс Кларк Росс, мичман, уже имевший значительный опыт арктических путешествий, которому впоследствии было суждено снискать себе славу открытием магнитного полюса; и мистер Эдвардс, бывший хирург Парри. Всего отряд состоял из 118 офицеров и рядовых.

Пэрри вышел в море в конце апреля с инструкциями направиться прямо в Гудзонов пролив. Оттуда он должен был плыть на запад, пока не достигнет какой-нибудь части материковой части Северной Америки. Достигнув побережья, он должен был повернуть на север и обследовать все бухты и заливчики, которые, по-видимому, могли обеспечить проход на запад, таким образом практически продолжив исследовательскую работу там, где она была оставлена капитаном Миддлтоном, который в 1742 году открыл залив Уэджер и проник так далеко на север, что достиг мыса Надежды, недалеко от входа в залив Рипалс.

Он достиг острова Саутгемптон 27 апреля, и после некоторой задержки, вызванной льдами, ему удалось пройти через замерзший пролив и попасть в залив Рипалс. До того дня точная природа залива так и не была определена, и многие считали, что на самом деле это вход в пролив. Однако вскоре Пэрри обнаружил, что на самом деле это бухта, и, соответственно, повернул на север в поисках западного прохода. Берег, вдоль которого он сейчас плыл, был настолько изломан, что его продвижение неизбежно было медленным, и когда наступило начало октября, он оказался не дальше к северу, чем у входа в залив Лайон. Однако работа, которую он проделал за эти шесть недель, хотя и была ужасно утомительной, имела огромную ценность, поскольку он нанес на карту каждую милю береговой линии, которая никогда раньше не исследовалась.

В этом году сезон был уже слишком поздний, чтобы он мог продвинуться дальше, поэтому он отправился в плавание на юго-восток с целью найти удобные зимние квартиры на южной стороне острова Винтер. 8 октября, после опасного плавания во льдах, он нашел бухту, которая казалась превосходно приспособленной для этой цели, и здесь, соответственно, он тоже лег в дрейф и привел все в порядок для долгих зимних месяцев.

О том, как команда тратила свое время, нет необходимости подробно говорить. Были повторены театральные представления, которые оказались столь успешными в предыдущем путешествии, проведены концерты, и было сделано все возможное, чтобы предотвратить этого заклятого врага исследователя Арктики - цингу. В то же время, конечно, научные наблюдения велись без перерыва.

В начале февраля появилась группа эскимосов, и исследователи были поражены, обнаружив, что по соседству с ними выросла целая деревня с быстротой, которая, как обычно считается, является исключительной прерогативой замков из сказок. Объяснение заключалось в том, что при строительстве хижин не использовался ни один материал, кроме снега и льда. Туземцы оказались исключительно дружелюбными и гораздо менее жадными, чем большинство представителей их расы. Как правило, первое эскимосское слово, которому учат непосвященного путешественника, — это “пиллетай” — “дай мне”, - которое срывается с губ туземца всякий раз, когда его взгляд натывается на предмет, которого он раньше не видел.

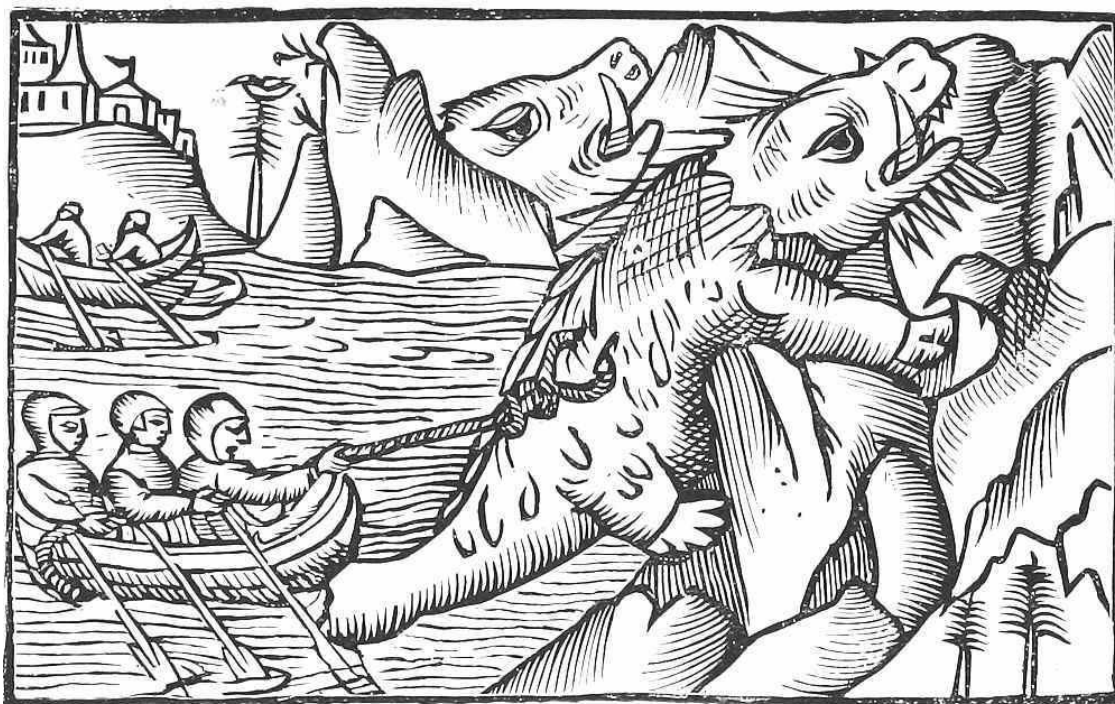
Частью вступительной церемонии было обычное вручение бус и гвоздей. Получатели этих подарков имели обыкновение выражать свою благодарность способом, который вызывал немалое смущение, поскольку, когда им что-либо дарили, они разражались приступами истерического крика или смеха, которые женщины чередовали с периодами плача.

Помимо расширения своих знаний о привычках эскимосов, исследователи получили очень мало информации, которая представляла бы для них какую-либо ценность, и они ничего не узнали о том проходе на запад, который искали. Одной из женщин удалось нарисовать приблизительную карту побережья на несколько миль севернее залива Репалс, и, пытаясь проверить это, капитан Лайон едва не погиб во время снежной бури. В остальном, однако, зима не была отмечена никакими событиями, которые нужно было бы фиксировать. 2 июля 1822 года оба корабля вышли из зимовья и продолжили свой путь на север.

Иногда работа по нанесению на карту побережья, которая, конечно, занимала большую часть их внимания, разнообразилась небольшой охотой на моржей, оказавшейся превосходным видом спорта. Некоторое представление о силе этих существ можно составить из того факта, что во время большого сражения, в котором они участвовали 15 июля, одна из лодок была серьезно повреждена бивнями моржа, в то время как другое из существ, случайно задетое веслом, вырвало его лапами из рук гребца и разломало надвое. Самое крупное из убитых в тот день животных весило пятнадцать с половиной центнеров.

Таким образом, было проведено все лето, а приход зимы застал их как никогда далекими от открытия Северо-Западного прохода. Пэрри провел темные месяцы у берегов острова Иглулик, намереваясь продолжить свою работу следующим летом. Однако вспышка цинги вынудила его изменить свои планы и, прервав путешествие, вернуться в Англию, куда он прибыл в начале октября.

В следующем году Пэрри отправился на свои третьи и последние поиски Северо-Западного прохода. План экспедиции состоял в том, чтобы исследовать залив принца-Регента, но лед был непрочным, а погода - неблагоприятной, в результате чего он едва успел добраться до места своих трудов, как наступила зима. В следующем году ему повезло еще больше, потому что "*Фьюри*" выбросило на берег штормом, и он был вынужден бросить ее на произвол судьбы, забрав ее людей и те запасы, которые смог разместить на борту "*Геклы*". Теперь у него не было другого выбора, кроме как вернуться домой, поскольку, имея так много ртов, которые нужно было прокормить, и так мало, чем их можно было прокормить, он не осмеливался рисковать провести еще одну зиму во льдах. Однако стоит упомянуть, что припасы, оставленные на корабле и на берегу, помогли спастись нескольким более поздним экспедициям.

МОРЖ , УВИДЕННЫЙ ОЛАУСОМ МАГНУСОМ

Отнюдь не наименее ценной информацией, полученной Парри, было то, что, хотя восточное побережье любой земли в арктических регионах почти неизменно покрыто тяжелыми льдами, западное побережье в обычные годы сравнительно свободно — открытием, которым мореплаватели с тех пор пользуются в полной мере.

ГЛАВА VII ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ФРАНКЛИНА По СУШЕ

Ничуть не смущенный ужасными опасностями, с которыми он столкнулся в своем первом путешествии, Франклин, едва вернувшись домой, представил правительству план второй экспедиции, которая, по его замыслу, должна была проследовать “по суше к устью реки Маккензи, а оттуда морем к северо-западной оконечности Северной Америки с совместной целью также обследования побережья между реками Маккензи и Коппермайн”. В то же время была выражена надежда, что, если отряду Парри удастся пробиться к Полярному морю, обе экспедиции окажут друг другу взаимную услугу.

План Франклина нашел одобрение в глазах правительства, и он был немедленно назначен командующим новой экспедицией с полномочиями проводить такие приготовления, которые казались ему надлежащими. Предупрежденный своим предыдущим опытом, он решил не рисковать и соответственно организовал систему снабжения, которая исключала бы всякую возможность голодной смерти, и руководил постройкой ряда лодок, которые были бы лучше способны противостоять жаре плавания в Полярных морях, чем каноэ из бересты, которые он использовал ранее.

Всего лодок было четыре. Три из них варьировались от двадцати четырех до двадцати шести футов в длину, в то время как четвертый, который назывался *Скорлупой грецкого ореха*, имел размеры девять на четыре фута четыре и весил всего восемьдесят четыре фунта, будучи сконструирован таким образом, что его можно было разобрать на части и сложить в пять или шесть свертков.

Отряд состоял из Франклина, лейтенанта Бэка, доктора Ричардсона (помощника геодезиста) и мистера Томаса Драммонда (помощника натуралиста) с четырьмя моряками; и их план кампании должен был заключаться в следующем: они должны были отплыть в Нью-Йорк, а оттуда через ряд озер и рек добраться до Большого Медвежьего озера, где они должны были расположиться на зимовку. Как только начнется сезон, они должны были разделиться на две группы, одна из которых должна была отправиться на запад от устья реки Маккензи и, если возможно, обогнуть Ледяной мыс и встретиться с ее превосходительством *Блоссом* в заливе Коцебу. Другой план состоял в том, чтобы повернуть на восток от реки Маккензи и исследовать побережье до устья реки Коппермайн. Достигнув этой реки, он должен был вернуться к Большому Медвежьему озеру по суше.

Первая часть путешествия прошла без приключений, и 7 августа 1825 года Франклин оказался в Форт-Нормане на реке Маккензи, недалеко от места, где приток реки соединяется с Большим Медвежьим озером. Сезон был еще настолько открыт, что он решил исследовать реку между фортом Норман и морем, прежде чем удалиться на зимние квартиры, поэтому он отправил основную часть экспедиции к озеру с приказом возвести необходимые постройки, в то время как он и мистер Кендалл отправились вниз по течению.

Они мчались вдоль течения с огромной скоростью, и 16 августа достигли острова Эллис, лат. 69° 14' в длину. 135° 56'. Теперь они были на самом берегу Полярного моря и, к своему неопишуемому восторгу, обнаружили, что океан абсолютно свободен ото льда и, судя по всему, вполне судоходен.

В этот момент произошел несколько трогательный инцидент. В 1823 году Франклин женился на мисс Элеоноре Пардон, которой он был абсолютно предан. Пока он готовился к путешествию, его жена заболела, и, чтобы скоротать часы своей болезни, она сшила ему маленький шелковый "Юнион Джек", который подарила ему с наказом никогда не разворачивать его, пока он не водрузит его на берегу Полярного моря. Через несколько дней после того, как он отплыл, она умерла, и он получил известие о своей тяжелой утрате вскоре после того, как достиг Америки. Историю разворачивания ее флага можно пересказать его собственными словами: —

“Мужчины, ” писал он, “ разбили палатку, и я приказал поднять шелковый флаг Великобритании, который моя глубоко опечаленная жена сшила и преподнесла мне в качестве прощального подарка с четким условием, что его нельзя будет разворачивать до того, как экспедиция достигнет Полярного моря. Я не стану пытаться описать свои эмоции, когда он распространился до ветерка — каким бы естественным и, на данный момент, непреодолимым я ни был, я чувствовал, что не имею права, потворствуя собственным горестям, омрачать оживленные лица моих спутников. Поэтому, присоединившись со всей грацией, на которую я был способен, к общему возбуждению, я постарался с соответствующей бодростью ответить на их теплые поздравления по поводу водружения британского флага на этом отдаленном острове в Полярном море ”.

Мужчинам подали дополнительный гог, и Франклин с Кендаллом приготовились отпраздновать это событие небольшим количеством бренди, которое они приберегли специально для этого случая. Однако, к сожалению, канадский гид Батист в пылу волнения снабдил их соленой водой вместо пресной, и им пришлось использовать бренди в более классической форме возлияния, вылитого на землю.

Затем Франклин водрузил флагшток и поместил под ним письмо, содержащее информацию о ближайшей станции Компании Гудзонова залива, которой мог бы воспользоваться Парри в случае, если он достигнет устья реки Маккензи. Сделав это, он отправился в обратный путь к Большому Медвежьему озеру, которого достиг 4 сентября.

Он обнаружил, что зимние квартиры были достроены за время его отсутствия и что они уже были названы Форт Франклин в его честь. Группа была увеличена до пятидесяти человек за счет вновь прибывших, и, поскольку в зимние месяцы им приходилось в значительной степени зависеть от рыбы в качестве пропитания, а рассчитывать на вылов, достаточный для такого количества ртов в одном месте, было бесполезно, поэтому были построены два дополнительных дома в четырех и семи милях от них. В самом Форте постоянно использовалось от пятнадцати до двадцати сетей, и рыбы было так много, что летом и зимой улов составлял в среднем от трехсот до восьмисот в день.

Только однажды, ближе к концу зимы, запасы продовольствия оказались под угрозой срыва, и было сочтено необходимым на некоторое время ограничить рацион группы. К счастью, однако, в критический момент появился олень, и Франклин был избавлен от всех дальнейших тревог. В остальном зима прошла без особых происшествий, и компания жила в полной гармонии, что было не на шутку удивительно, учитывая, что они состояли из представителей таких смешанных национальностей, как англичане, горцы, канадцы, эскимосы, чипевIANцы, собачьи ребрышки, индейцы-зайцы и кри.

20 июня обе группы отправились из Форта в свое исследовательское путешествие. Было решено, что Франклин и его помощники в составе тринадцати человек и переводчика-эскимоса Огастеса будут командовать "*Львом* и "*Опорой*" и обследуют побережье в западном направлении, в то время как доктор Ричардсон и мистер Кендалл с десятью людьми обследуют территорию между реками Маккензи и Коппермайн. Они вместе спускались по реке, пока 4 июля не расстались и не отправились каждый своей дорогой.

7-го числа Франклин достиг устья реки и там наткнулся на группу эскимосов, разбивших лагерь на острове, с которыми он попытался начать переговоры. Все шло очень гладко, пока отступающий прилив не выбросил лодки на мель. Затем, однако, эскимосы, обнаружив, что на борту лодок имеется запас замечательных товаров, подобных которым они никогда прежде и в глаза не видели, решили, что им будет выгоднее заполучить их сразу, чем ждать возможных выгод от будущей торговли. Следовательно, они начали энергичную атаку на лодки, которая продолжалась несколько часов и в ходе которой они завладели значительной частью имущества экспедиции. Отражая атаку, Франклин и его люди оказались в серьезном невыгодном положении, поскольку прекрасно понимали, что если они воспользуются своим огнестрельным оружием, то в конечном итоге поплатятся за это жизнью. Однако, к счастью, они смогли предотвратить потерю своего наиболее ценного имущества, такого как паруса, весла и

астрономические инструменты, и рано утром следующего дня им удалось снова вывести лодки на глубокую воду.

Избавившись наконец от непрошенных гостей, Франклин и его спутники продолжили свой путь на запад. На следующий день они встретились с другой партией эскимосов, которая оказалась более дружелюбной, чем предыдущая, и снабдила Франклина множеством сведений о побережье, вдоль которого он собирался путешествовать. В общем, они были обескураживающими, поскольку сказали ему, что, хотя в непосредственной близости можно ожидать, что лед отойдет от берега, если поднимется южный ветер, дальше к западу он часто прилипал к суше в течение всего лета, и даже если ему повезет найти какие-нибудь протоки, навигация может быть не очень безопасной, поскольку лед постоянно качает. Они выразили свое удивление по поводу того, что исследователи не взяли с собой собак и сани для использования, когда морской путь оказался невозможным. В последующие годы, конечно, выяснилось, что план, предложенный эскимосами, был единственным, с помощью которого можно было добиться какого-либо материального прогресса в Полярных регионах.

Франклин, однако, не был склонен слишком доверять информации эскимосов, поскольку узнал, что в летние месяцы они никогда не уходили далеко от Маккензи и, следовательно, не могли знать слишком много о состоянии более западных морей. Итак, поднялся южный ветер и унес лед прочь от берега, и он двинулся вперед с такой скоростью, какую позволяли несколько изменчивые условия. В течение следующих нескольких дней он открыл и назвал пойнты Сабин и Кинг, остров Хершелл, реку Каннинг и остров Флаксмана, а 10 августа достиг острова Фогги. В этом непривлекательном месте отряд был обречен оставаться до 16-го числа, потому что на них опустился туман и отказался снова рассеиваться. Туман, конечно, является одним из самых опасных врагов арктического мореплавателя, поскольку, когда он загораживает ему курс, он может быть разбит льдиной прежде, чем осознает грозящую ему опасность. Следовательно, им ничего не оставалось, как топтаться на месте на Туманном острове, пока более благоприятная погода не позволит им продолжить путь.

Эта несвоевременная задержка лишила экспедицию всякой надежды на успех. Если бы они не потеряли эти шесть ценных дней, то вполне могли бы присоединиться к передовому отряду, отправленному из ее Величества *Цветка* в залив Коцебу. Как бы то ни было, у них не было другого выбора, кроме как повернуть обратно к Большому Медвежьему озеру, которого они достигли 21 сентября.

По прибытии в Форт Франклин они обнаружили, что доктор Ричардсон, мистер Кендалл и их группа уже вернулись, завершив свою экспедицию успешно. У них тоже были некоторые трудности с эскимосами, но, кроме этого, они не пережили ни одного приключения, заслуживающего упоминания. Они неуклонно плыли вдоль побережья, называя его основные черты по мере того, как проплывали мимо них. Ливерпульский залив, мыс Батерст, залив Франклина, мыс Парри, пролив Долфин и Юнион, а также мыс Крузенштерна - все они обязаны своими названиями этой экспедиции.

Это было на последнем из них, который находится на 68° 23 широты длиной. 113° 45 западной долготы и находится на западной оконечности залива Коронации, что позволяет предположить, что они связали открытия этого путешествия с открытиями, сделанными Франклином в его предыдущей экспедиции. На следующий день (8 августа) они достигли устья реки Коппермайн и там нашли остатки костра, который предыдущая экспедиция Франклина развела перед

отправлением в путь. Река была настолько мелкой, что по ней было невозможно плавать на лодках, которыми они сейчас пользовались, поэтому, оттащив их подальше от любого наводнения и сложив в палатки все припасы, которые им не понадобились, они отправились в обратный путь пешком. Они достигли форта Франклин 18 августа, “после семидесяти одного дня отсутствия, за который мы преодолели по суше и воде 1709 географических или 1980 статутных миль”.

Зима прошла без каких-либо особых происшествий, за исключением нескольких удивительно сильных морозов. Некоторое представление о сильном холоде можно составить из того факта, что 24 января 1827 года, когда температура была 52 ° 2 ниже нуля, мистер Кендалл заморозил немного ртути в форме пули и выстрелил ею из своего пистолета. Это, однако, была не самая холодная погода, которую они пережили, поскольку 7 февраля столбик термометра показывал 58 ° ниже нуля.

Летом 1827 года группа вернулась в Англию после экспедиции, которая, если и не полностью выполнила цель, с которой начиналась, то, несомненно, приобрела некоторые чрезвычайно ценные сведения.

ГЛАВА VIII

ПУТЕШЕСТВИЕ ПАРРИ К СЕВЕРНОМУ ПОЛЮСУ

Нет необходимости особо интересоваться вспомогательным путешествием капитана Лайона в 1824 году. Ему было приказано отправиться в залив Рипалс в *Геклеи* исследовать перешеек, соединяющий полуостров Мелвилл с материком, и побережье за ним. Однако по причинам, известным только ему самому, он попытался добраться до залива, обогнув южное и вверх по западному побережью острова Саутгемптон, вместо того чтобы выбрать более короткий маршрут вдоль северной оконечности острова, которого всегда придерживался Пэрри. В результате его экспедиция едва не сорвалась, и он был вынужден вернуться домой еще до того, как добрался до залива.

Нам также нет необходимости следовать за капитаном Бичи и *"Блоссом"* к проливу Коцебу, где, как мы надеялись, они встретят Франклина и его группу. Часть своего времени он провел в плавании до Ледяного мыса, в то время как баржа, которую он отправил вперед под командованием мистера Элсона на поиски Франклина и его группы, исследовала побережье до мыса Барроу — всего в 146 милях от самой дальней точки Франклина. В остальном, однако, не произошло ничего заслуживающего внимания.

Пройдя мимо них, мы теперь переходим к последнему и, в некотором смысле, величайшему путешествию Парри, которое открыло новую эпоху в исследовании Арктики. Он вернулся из своего третьего путешествия в поисках Северо-Западного прохода в октябре 1825 года, а весной 1826 года предложил лорду Мелвиллу, тогдашнему первому лорду Адмиралтейства, план достижения Северного полюса с помощью санных лодок, которые должны были передвигаться либо по льду, либо через любые участки открытой воды, которые могли бы помешать. Следует

сказать, что эта идея на самом деле возникла у Франклина, который предложил это путешествие несколько лет назад и сам вызвался взять на себя командование им. Однако, поскольку сейчас он находился в своем втором путешествии по Северной Америке, услуги Пэрри были сохранены для участия в экспедиции, которая пользовалась полным благосклонностью Адмиралтейства. В результате он был зачислен в *Несла* 11 ноября 1826 года.

Для того, чтобы цель путешествия была предельно ясна, лучше всего будет процитировать отрывок из официальных инструкций: “По прибытии к северным берегам Шпицбергена, - говорилось в них, - вы остановитесь на какой-нибудь гавани или бухте, в которой может быть размещена *Гекла*, и, должным образом закрепив ее, затем вы должны проследовать на лодках, которые, согласно вашим собственным указаниям, были оборудованы специально для этой службы, прямо на север и приложить все усилия, чтобы достичь Северного полюса; и, сделав такие наблюдения, как указанные в ваших инструкциях для ваших предыдущих плаваний в северных регионах и те, на которые вам укажет Совет Королевского общества, в дополнение к тем, которые подскажет ваш собственный опыт, вы должны позаботиться о том, чтобы вернуться на Шпицберген до наступления зимы и в такой осенний период, который обеспечит, чтобы суда, которыми вы командуете, не замерзли и, следовательно, не были вынуждены там зимовать”.

Упомянутые санные лодки имели несколько необычную конструкцию и в целом были очень хорошо приспособлены для той цели, для которой они предназначались. Они были плоскодонными и имели 20 футов в длину и, в наибольшей части, 7 футов в ширину. На каркас из ясеня и гикори был натянут лист гидроизоляции макинтоша, покрытый дегтем. Снаружи был уложен сначала слой тонкой еловой обшивки, затем лист прочного войлока и, наконец, тонкая дубовая обшивка. По обе стороны киля были прикреплены прочные, окованные сталью полозья, а к передней части полоза был прикреплен отрезок кожаного троса, который можно было использовать для перетаскивания лодки по льду. Снаряжение также включало легкую бамбуковую мачту длиной 19 футов, дубленый утиный парус, который также мог служить тентом, распорку, багор, четырнадцать весел и рулевое весло.

Экспедиция отправилась в плавание 4 апреля 1827 года, а 17-го *"Гекла"* была у Хаммерфеста, порта на острове Сорое, у побережья Лапландии. Здесь ей предстояло вызвать несколько ручных северных оленей, которые, как надеялись, пригодятся для буксировки лодок по льду. Однако, как оказалось, их услуги не потребовались. К середине мая они достигли Шпицбергена, и теперь месяц ушел на поиски подходящей гавани для *"Геклы"*. Большинство бухт, которые они миновали, были настолько затянuty льдом, что добраться до них было совершенно невозможно; но, наконец, на северном побережье Западного Шпицбергена они наткнулись на глубокое углубление, названное Треуренбургским заливом, которое превосходно подходило для их цели. Здесь они закрепили *"Геклу"* и приготовились отправиться в свое путешествие к Северному полюсу.

Лодки были загружены провизией на семьдесят один день, и днем 21 июня они отправились в путь. Было решено оставить оленей здесь, поскольку лед, как видно из вороньего гнезда, был таким неровным и бугристым, что от них не могло быть никакой пользы. Погода стояла прекрасная и ясная, лодки показали себя вполне мореходными, и в назначенное время они миновали остров Литтл-Тейбл, последний клочок суши, который им предстояло увидеть в течение нескольких недель.

Пока они плыли по открытому морю, их продвижение было достаточно легким, и только когда они достигли льда, начались трудности. Они ожидали, что первая часть их путешествия будет трудной, и, конечно, не были разочарованы, поскольку обнаружили, что их дорога пролегает по небольшим неровным участкам льда, отделенным друг от друга лужами воды. Каждое из этих озер приходилось пересекать три или четыре раза, так как всегда приходилось разгружать лодки, вытаскивая их из воды, а затем, после того как они с бесконечным трудом перетаскивали их через пропасти и вверх и вниз по огромным ледяным торосам, люди должны были вернуться к месту, откуда они отправились в путь, за одеждой и едой. Вследствие этого их продвижение было чрезвычайно медленным и утомительным, и за первый день пути они прошли всего две с половиной мили на север.

Пэрри решил путешествовать исключительно ночью, и на то были разные причины. Конечно, арктическим летом темноты вообще не бывает, но ночью солнце было менее ярким, и, как следствие, снег был более плотным, в то время как яркий свет, который днем был настолько сильным, что вызывал воспаление глаз, был менее угнетающим. Кроме того, благодаря сну в теплое время года у них была возможность высушить свою рабочую одежду, которая, как правило, промокала насквозь из-за барахтанья в лужах воды.

Они надеялись, что, пройдя это предварительное поле битого льда, они достигнут ровного слоя, по которому смогут передвигаться сравнительно легко, но со временем условия, казалось, ухудшались, а не улучшались, потому что утром 26-го начался сильный дождь, в результате чего исследователи вскоре промокли насквозь, и почти половина поверхности льда, по которому им предстояло идти, была покрыта небольшими лужицами. С тех пор дожди шли почти постоянно, и Пэрри был первым, кто заметил, что климат этих отдаленных полярных регионов на самом деле мягче, чем климат северных берегов Америки, расположенных на 7-15 ° южнее.

Дождь часто сменялся туманом, а в довершение трудностей путешествия они обнаружили, что большая часть поверхностного льда, по которому им приходилось передвигаться, состояла из вертикально расположенных игольчатых кристаллов, которые с наступлением сезона давали очень плохую опору для ног и резали ботинки.

Один день был очень похож на другой в этом самом трудном путешествии. Вечеринка обычно поднималась около восьми часов вечера похотливым гудроном, трубившим в горн к побудке. После прочтения молитв мужчины меняли свои меховые спальные костюмы на походную одежду, которая, как правило, все еще была насквозь мокрой или намерзла. Покончив с этим, они завтракали какао и бисквитами и, нагрузив сани, приступали к дневной работе. Их путь был весьма разнообразным, но всегда оставался трудным. Иногда им приходилось тащить лодку изо всех сил по почти перпендикулярным глыбам льда. Иногда им приходилось пробираться по снежному илу, в котором они увязали так глубоко, что однажды им потребовалось два часа, чтобы преодолеть сотню ярдов. Иногда заводи и каналы, отделявшие ледяные глыбы одна от другой, были шириной не более половины длины лодки, и провизию приходилось переправлять на ледяных глыбах, что было крайне затруднительно, поскольку в случае несчастного случая вся группа была бы обречена на голодную смерть.

После пяти-десятичасовой работы, в течение которой они проходили четыре-пять миль, они останавливались на ночь или, точнее, на день и, переодевшись в сухую одежду, приступали к необходимому ремонту, ужинали и отправлялись спать.

По мере того как они продвигались на север, их продвижение, казалось, становилось все медленнее и медленнее. Пэрри уже давно оставил всякую надежду достичь Северного полюса, но он решил, если возможно, дотронуться до 83-й параллели и таким образом выиграть награду в 1000 фунтов стерлингов, предложенную правительством, но он не был готов к ужасному разочарованию, с которым столкнулся в конце июля. 20-го числа он установил путем наблюдений, что его широта была всего $82^{\circ} 36'$, или менее чем в пяти милях к северу от того места, где он находился в полдень 17-го, хотя он был уверен, что они проехали по меньшей мере двенадцать миль. В течение следующих нескольких дней результат наблюдений всегда был одним и тем же, и он неизменно оказывался в нескольких милях к югу от точки, к которой, как он полагал, привело его вчерашнее путешествие. Поэтому он был вынужден прийти к выводу, что лед, по которому он двигался, неуклонно дрейфовал на юг и что он терял в течение дня большую часть земли, пройденной за ночь. Итак, достигнув широты $82^{\circ} 45'$, точки, которая никогда ранее не достигалась и являлась рекордом за сорок пять лет, он решил повернуть назад. Теперь он находился всего в 172 милях от *Геклы*, и из этих 100 миль приходилось на путешествие по воде, прежде чем достичь льда. Но поскольку большая часть из 72 миль по льду была пройдена по меньшей мере три, а иногда и пять раз, пройденное ими расстояние составляло около 580 географических или 688 статутных миль, что почти точно соответствует расстоянию от *Геклы* до Полюса по прямой.

Обратный путь начался 27 июля, а 21 августа они достигли *Геклы*, не встретив никаких препятствий. Они отплыли домой 28 августа, а 29 сентября Пэрри отправился с докладом в Адмиралтейство, где, как ни странно, встретил Франклина, который вернулся из своего путешествия по Северной Америке ровно в тот же день.

Пэрри встречали с энтузиазмом, куда бы он ни поехал, и в Англии и на Континенте его осыпали почестями. Но с этого момента он покидает наше повествование, поскольку больше никогда не плавал в Полярные моря.

ГЛАВА IX

ПРИКЛЮЧЕНИЯ РОССА На “ВИКТОРИ”

Идея открытия северо-западного прохода, хотя и временно затмевалась огромными усилиями Парри достичь Северного полюса, ни в коем случае не была отвергнута, и в 1828 году, вскоре после возвращения Полярной экспедиции, капитан Джон Росс обратился к правительству с планом маршрута, о котором так долго мечтали, через залив Принс-Риджентс. Следует помнить, что Росс ранее имел некоторый опыт арктического мореплавания, поскольку в 1818 году он отправился с *Изабеллой* и *Александром* в плавание через Баффинов залив, причем Пэрри был его заместителем. В этом случае он отличился, придя к поспешному выводу, что пролив Ланкастер-Саунд не имеет выхода к морю, и, возможно, из-за этой ошибки правительство не сочло нужным принять его новое предложение.

Однако благодаря щедрости своего друга мистера Феликса Бута он смог в 1829 году купить и оснастить колесный пароход под названием *Victory*, который ранее использовался как пакетбот, курсирующий между Ливерпулем и островом Мэн.

В те дни, конечно, паровое судоходство находилось на самых ранних стадиях своего развития, и эксперимент по плаванию по арктическим морям на лодке, приводимой в движение новой движущей силой, еще не был опробован. Недостатков у весел во льду было много и они были очевидны, но они были сведены к минимуму благодаря остроумному приспособлению, благодаря которому весла можно было поднимать из воды за минуту; в то время как *Victory* также была так оборудована, что при необходимости ее можно было использовать как парусное судно.

Как только стало известно о подготовке экспедиции, Росс получил предложения о службе от многих опытных арктических мореплавателей, среди которых были лейтенант Хоппнер, бывший коллега Парри, и капитан Бэк, друг и компаньон Франклина. Однако он уже выбрал своего племянника, лейтенанта Джеймса Кларка Росса, своим заместителем по командованию и, как следствие, не мог принять их предложения.

"*Виктори*" подняла паруса 23 мая 1829 года, и вскоре выяснилось, что ей повезло, что она снова подняла паруса, поскольку механизмы, имевшие самое грубое описание, постоянно выходили из строя и, постепенно, были в конечном итоге отвергнуты и выброшены.

Пролив Ланкастера был достигнут без каких-либо серьезных приключений, и 10 августа "*Виктори*" обогнула мыс Йорк и вошла в залив Принс-Риджентс. Затем Росс направился к западному берегу и вскоре был недалеко от того места, где во время предыдущей экспедиции Парри была потеряна "*Фьюри*". Погода была плохая, но в конце концов ему удалось совершить посадку в четверти мили от этого злополучного места. От самого "*Фьюри*" не было видно и следа, но берег был усеян углем, а в офицерской столовой, которую Парри построил перед отплытием, хранилось множество припасов, которые оказались неоценимыми для нынешней группы исследователей. Медведи, очевидно, уделяли свое внимание содержимому склада, но они не смогли ничего приготовить из мясных консервов и овощей, которые, несмотря на четырехлетнее пребывание на непогоде, были в отличном состоянии сохранности.

У "*Виктори*" изначально был запас провизии на тысячу дней, и поскольку он уже довольно щедро израсходовал свои запасы, Росс решил восполнить дефицит из запасов, оставленных "*Фьюри*". В результате они взяли на борт достаточно припасов и провизии, чтобы укомплектовать свое снаряжение на два года и три месяца, и отплыли на юг.

15 августа они миновали мыс Гарри, самую дальнюю точку побережья, когда-либо обнаруженную. С этого момента, конечно, они посвятили себя нанесению на карту и обозначению основных черт побережья, вдоль которого плыли; и со временем они достигли того, что им показалось непрерывным участком суши, который они назвали Бутия, в честь мистера Феликса Бута, снарядившего экспедицию.

Было ли это невезением или недостатком проницательности, трудно сказать, но несомненно то, что Росс, казалось, всегда был обречен упустить приз, к которому стремился. Во время своего предыдущего путешествия он ошибочно принял пролив Ланкастер за залив, и, как следствие, слава, которую он мог бы получить от его открытия, вместо этого досталась Парри. Но в этот раз ему повезло еще больше, поскольку, незадолго до того, как он достиг Бутии, он миновал пролив Белло, который, как впоследствии обнаружил Кеннеди, ведет прямо в Северное Ледовитое море, фактически тот самый Северо-Западный проход, который он искал. Однако он снова упустил свой шанс и, не сумев распознать в нем пролив, назвал его Хазард-Инлет и продолжил

свой путь, не имея ни малейшего представления об открытии, которое он мог бы сделать, если бы взял на себя труд изучить этот залив чуть внимательнее.

Вскоре после этого "*Виктори*" занесло льдом, и ее путешествие стало одним из самых опасных в описании. Снова и снова казалось, что ей грозит неминуемая опасность быть потопленной, но ей всегда удавалось выкарабкаться, и в конце концов, 1 октября Росс оказался в бухте, которая, казалось, была создана природой для его зимовки.

Здесь, соответственно, он решил остаться, и вскоре его судну придали форму корабля для того, что в конечном итоге оказалось самым длительным пребыванием, когда-либо совершенным исследователем в арктических регионах до тех пор. Действительно, только по прошествии четырех зим отряд смог покинуть эту унылую часть света, и даже тогда они были вынуждены покинуть свой корабль и пересесть в лодки.

В течение первой зимы произошло очень мало заслуживающего внимания. Монотонность этого чрезвычайно скучного сезона была, однако, нарушена появлением группы эскимосов, которые проявили себя вполне дружелюбно, за исключением одного случая, когда они чуть не перебили половину отряда, потому что вообразили, что стали причиной смерти одного из членов своего племени с помощью колдовства. Белые люди, кстати, завоевали свою зловещую репутацию довольно любопытным образом. Один из эскимосов имел несчастье потерять ногу во время стычки с медведем. Корабельный плотник, видя, насколько сильно искалечен этот человек, предусмотрительно снабдил его деревянной ногой, к изумлению и радости его самого и товарищей, которые вообразили, что их новые друзья, должно быть, обладают какими-то совершенно экстраординарными способностями, раз могут снабдить безногого новыми средствами передвижения. Один из них был настолько очарован изобретательностью плотника, что, слегка повредив одну из своих ног, предположил, что было бы не лишним, если бы ему снабдили новую. Однако, получив информацию о том, что сначала необходимо будет отключить другого, он отнесся к этому плану с меньшим энтузиазмом.

Стремясь получить от эскимосов такую географическую информацию, какой они могли обладать, Росс часто приглашал их целыми группами на ужин в свою хижину. Однако они не слишком благосклонно относились к английской кухне. К соленому мясу, пудингу, рису или сладостям они относились с отвращением, и единственными блюдами английской диеты, к которым они прикасались, были суп и лосось, которые они запивали растительным маслом, а вино оказалось им совсем не по вкусу.

Только 17 сентября *Victory* снова оказалась на плаву в открытой воде, но ее освобождению суждено было продлиться недолго, поскольку после двухнедельного дрейфа исследователи обнаружили, что 30 сентября они снова замерзли всего в нескольких милях от места, где провели предыдущую зиму.

В течение нескольких месяцев по колебаниям компаса и наклону магнитной стрелки было совершенно очевидно, что они находятся совсем рядом с этим таинственным центром земного магнетизма, Северным магнитным полюсом, и Росс пришел к выводу, что его нынешнее вынужденное пребывание среди льдов может быть с пользой использовано для точного определения точки. Соответственно, в конце мая 1831 года младший Росс отправился в путь с отрядом, вооруженный инструментами, необходимыми для совершения открытия, которое занимало мысли Пэрри во время его предыдущего путешествия. Они двигались на запад по

дикой местности Бутия и в восемь часов утра 1 июня поняли, что обнаружили объект своих поисков.

В самом месте не было ничего, что отличало бы его от окружающей местности, но горизонтальные иглы, подвешенные самым деликатным из возможных способов, оставались абсолютно неактивными, в то время как величина наклона, зафиксированная погружной иглой, составляла $89^{\circ} 59'$, или в пределах одной минуты от вертикальной.

Окончательно придя к выводу, что он действительно стоит на Магнитном полюсе, Росс поднял британский флаг и вступил во владение им и прилегающей территорией от имени Великобритании и короля Вильгельма IV. Затем он соорудил пирамиду из камней, в которую закопал канистру с записью об открытии, и, определив широту $70^{\circ} 5'$ северной широты и долготу $96^{\circ} 43'$ Западной долготы, отправился в обратный путь, который прошел без приключений.

Надеялись, что *Victory* сможет выйти в открытое море в конце августа, и к 27-му залив практически освободился ото льда. Но путешественников снова постигло разочарование, так как поднялся неблагоприятный ветер, и, прежде чем судно проехало много миль, его занесло в небольшую бухту, где оно быстро замерзло.

К середине января 1832 года стало совершенно очевидно, что, если члены отряда хотят когда-либо вернуться в Англию живыми, они должны приложить к этому все усилия; ибо разразилась цинга, и здоровье его людей настолько пошатнулось, что они оказались перед неприятной перспективой умереть один за другим в этих суровых регионах. Соответственно, Росс решил отказаться от *Победы* и сесть в лодки.

Опыт, однако, научил его, что было бы безумием надеяться добиться какого-либо существенного прогресса за очень короткое время, в течение которого море в этом районе, казалось, освободилось ото льда. Итак, были приготовлены сани, и зимние месяцы прошли в перетаскивании лодок по льду в направлении Фьюри-Бич. Силы людей были сильно подорваны болезнью, и тяготы их путешествия были ужасающими. Однако это был их единственный шанс выжить, и они упорно брели вперед. Они покинули "*Виктори*" 29 мая и только 2 июля оказались на берегу Фьюри после невероятно трудоемкого путешествия, которое по прямой составляло более трехсот миль, но которое в их случае значительно удлинялось из-за того, что объединенных сил всей группы часто хватало только на то, чтобы тащить по одной лодке за раз, и им постоянно приходилось преодолевать каждый участок своего путешествия по два или три раза.

По прибытии на Фьюри-Бич они построили себе дом, который называли Сомерсет-Хаус, и поселились там, ожидая таяния льда. Однако еще раз они были обречены на разочарование. В начале августа они отплыли на север, в открытое море, но почти сразу же были снова выброшены на берег льдами, и хотя они предприняли еще одну попытку спастись, она не увенчалась большим успехом.

Поэтому ничего не оставалось, как извлечь максимум пользы из неудачного дела и вернуться на зиму в Сомерсет-Хаус. К счастью, на "*Фьюри*" оставалось еще много припасов, и, следовательно, им не грозила опасность умереть с голоду, но вполне можно представить, что разочарование было крайним и что перспектива быть вынужденными провести арктическую зиму в хижине, которая была лишь плохо защищена от непогоды, не прельщала.

Однако их неприятностям приближался конец, поскольку следующим летом лед в заливе растаял, и исследователи смогли покинуть страну, в которой провели четыре утомительные зимы. Отплыв 14 июля, они были подобраны 26-го китобоем, которым, как ни странно, когда-то командовал сам Росс, - *"Изабеллой"* из Халла. Лишь с некоторым трудом им удалось убедить помощника капитана лодки, вышедшей им навстречу, что это не их собственные призраки, поскольку отряд уже давно считался пропавшим. Однако, когда эта трудность была успешно преодолена, их взяли на борт, и в конце концов они прибыли домой в середине октября.

Россу не удалось достичь цели своего путешествия, отчасти, возможно, из-за собственной глупости, поскольку, как мы уже указывали, одно время он был на волосок от того, чтобы найти Северо-Западный проход. Но его экспедиция принесла самые ценные результаты, поскольку его племянник Джеймс Кларк Росс не только обнаружил Магнитный полюс, но и нанес на карту около шестисот или семисот миль береговой линии по обоим берегам Бутии и сделал несколько чрезвычайно полезных записей о климатических условиях Северо-Восточной Америки.

Если он так и не получил полной оценки своей работы, возможно, это его собственная вина, поскольку он стал самым непопулярным командиром, и, если мы можем судить по постоянному пессимизму его дневников, он, должно быть, был самым удручающим товарищем в арктических регионах. Следовательно, большая часть *славы* была отдана его племяннику, который, без сомнения, был лично ответственен за открытие Магнитного полюса, но который, в конце концов, был всего лишь участником экспедиции своего дяди и действовал полностью по приказу и указаниям своего дяди.

ГЛАВА X ДВА ПУТИ НАЗАД

Продолжительное отсутствие Росса и его спутников, естественно, вызвало у их друзей дома сильнейшее беспокойство. Многие, полагая, что ни один англичанин не сможет пережить четыре зимы подряд в негостеприимных арктических регионах, считали их мертвыми. Однако были и другие, которые, зная об изобилии припасов на пляже Фьюри, лелеяли надежду, что, возможно, все еще живы, и среди них был мистер Джордж Росс, близкий родственник командира *"Виктори"*.

Мистер Росс полагал, что, если бы удалось найти человека, который был бы готов возглавить экспедицию через Северную Америку, а оттуда к берегу Фьюри, экипаж *"Виктори"* можно было бы спасти или, во всяком случае, получить какую-то определенную информацию об их судьбе. Таким человеком был капитан Джордж Бэк, спутник Франклина как на *"Тренте"*, так и в двух его сухопутных экспедициях. Именно в июне 1832 года Бэк впервые услышал о планируемой экспедиции и немедленно предложил свои услуги, которые были так же быстро приняты. Правительство проявило к предприятию такой большой интерес, что в значительной степени оплатило его расходы, остальные необходимые средства были легко получены по государственной и частной подписке.

Тем временем Компания Гудзонова залива не замедлила выразить свое сочувствие. Ее агенты были проинформированы о том, что экспедиция, вероятно, отправится следующей весной, и им было приказано облегчить ей путь, в то время как две лодки, два каноэ и 120 мешков пеммикана были предоставлены в распоряжение Бека, который также был уполномочен взимать взносы провизией и припасами на любой из станций Компании.

План кампании должен был заключаться в следующем. Проведя зиму 1833-34 годов на Большом Медвежьем озере, экспедиция должна была предпринять попытку плавания по великой и доселе неисследованной реке, которая брала начало немного восточнее. Эта река была известна индейцам под неприятным для слуха названием Тлеу-и-чон-дессет, что в переводе означает просто Великая Рыбная река. О нем не было известно ничего определенного, но считалось, что оно впадает либо в восточную оконечность Полярного моря, либо в саму бухту Принца-Регента. Оттуда оставалось всего 300 миль до Фьюри-Бич, куда, как было хорошо известно, Росс намеревался заехать за припасами. Будет видно, что этой экспедиции предстояло открыть совершенно новые земли, и была надежда, что Бэк, которого должны были сопровождать мистер Ричард Кинг, известный натуралист, и восемнадцать человек, сделают несколько ценных научных открытий.

До Большого Невольничьего озера добрались без приключений, и, поскольку сезон был еще ранний, Бэк решил отправиться в предварительную экспедицию на поиски истока Великой Рыбной реки, который до сих пор не был должным образом обнаружен. Он обнаружил, что его задача была отнюдь не легкой, поскольку его путь лежал через цепь рек и озер, включая бесчисленные переправы, в то время как, в довершение ко всем его неприятностям, его переводчик заболел, а двое его товарищей-индейцев дезертировали. Однако 31 августа ему удалось достичь реки, которую он искал, и, хотя сезон был уже слишком поздний, чтобы проводить расширенные исследования, он смог выяснить, какая конструкция лодки потребуется для спуска в следующем году. Сделав это, он направился обратно к месту на Большом Невольничьем озере, которое было выбрано для зимовки отряда.

Здесь он обнаружил, что строительство их жилья идет быстрыми темпами. Каркас дома уже был возведен, было налажено рыболовство, которое давало обильный запас продовольствия, в то время как индейцы уже начали стекаться в форт Релайанс, как Бэк назвал свои зимние квартиры. Следует сказать, что индейцы этой страны имели врожденное нежелание быть обремененными больными и престарелыми членами своего племени и имели привычку верить их заботам ближайшего белого человека - разновидность демпинга, против которого невозможно было принять никаких защитных мер. В результате Бэк вскоре оказался на попечении нескольких беспомощных иждивенцев, которым тем более не были рады, что промысел со временем не увенчался безоговорочным успехом, а запасы продовольствия иссякли.

Последнее несчастье туземцы приписали просто и исключительно злонамеренным махинациям каменной обсерватории, которую исследователи возвели в Форте. Использование астрономических инструментов, которые там находились, было совершенно за пределами их понимания, и в результате они приняли то, что их неискушенным умам казалось единственным рациональным объяснением, а именно, что они были каким-то образом связаны с колдовством. Это мнение укрепилось в свидетельствах двух канадских путешественников, которые, случайно заглянув в обсерваторию в тот момент, когда Бэк и Кинг наблюдали за падением магнитной

стрелки, немедленно рассказали своим спутникам, что застали белого вождя за тем, как он вызывал дьявола.

Не раз в течение зимы запасы продовольствия оказывались под угрозой срыва. Отряд, однако, был спасен от голодной смерти Акайчо, старым вождем Коппермайнов, который своевременно появился с запасом свежего мяса. И все же бедственное положение в Форте часто было очень серьезным, поскольку не только не хватало продовольствия, но и зима была одной из самых холодных за всю историю наблюдений. Термометр часто показывал 70 ° ниже нуля, в то время как некоторое представление о трудностях, связанных с омовением, можно составить из того факта, что однажды, когда Бэк был вынужден умыться на расстоянии трех футов от огня, его волосы покрылись льдом, прежде чем он успел их высушить.

Ближе к концу апреля в Форт прибыл гонец с новостями, которые существенно изменили планы Бека, поскольку он привез с собой выдержки из *Times*, в которых говорилось о благополучном возвращении Росса и его отряда. Однако ему все еще предстояла исследовательская работа, поэтому в конце июня он отправился к Великой Рыбной реке, куда уже были отправлены плотники для постройки лодок, пригодных для выхода в море.

Спуск по реке фактически начался 27 июня, и был одним из самых захватывающих путешествий за всю историю наблюдений. Течение постоянно прерывалось порогами, водопадами и скалами, и если бы Бэк не получил лучника и рулевого с исключительными нервами и ловкостью в лице Синклера-полукровки и М'Кея - горца, беда настигла бы его отряд еще до того, как он ушел далеко в путь.

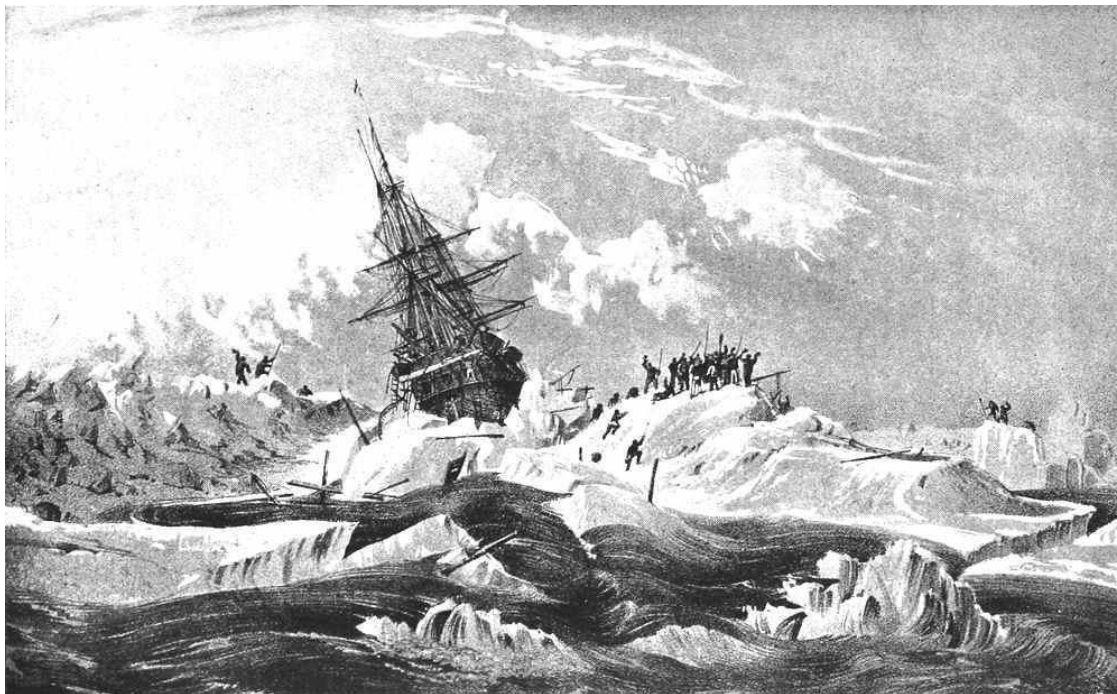
О М'Кее рассказывается характерная история, которая вполне заслуживает цитирования. В особенно критический момент, когда лодку несло вниз по одному из самых опасных порогов, которые экспедиции приходилось преодолевать, сломалось весло, и лодка и ее пассажиры были на волосок от того, чтобы их немедленно швырнуло в ужасающее падение. Ситуация оказалась совершенно невыносимой для одного члена экипажа, который начал громко звать о Божественной помощи. Однако его прервал М'Кей, который крикнул ему голосом, который был слышен даже сквозь рев воды: "Разве сейчас время для молитвы? Гребите правым веслом!"

После опаснейшего путешествия, во время которого они преодолели 530 миль и преодолели не менее восьмидесяти трех водопадов, порогов и каскадов, Бэк и его группа в конце июля достигли устья реки Грейт-Фиш. Однако его надежды на то, что ему удастся проникнуть на запад до мыса Тернагейн, были обречены на разочарование, поскольку берег был настолько затянут льдами, что о навигации не могло быть и речи. Подождав несколько дней в надежде, что море очистится, он решил вернуться домой, поэтому, дав название Земле короля Вильгельма большому острову, который лежал напротив устья реки, он отправился в обратный путь 21 августа, достигнув места назначения 17 сентября, а на следующий год вернулся в Англию. Следует добавить, что в честь этого путешествия название реки было изменено на Бэк-Ривер.

Бэку не суждено было долго оставаться в бездействии, поскольку в 1836 году правительство отправило его на поиски прохода из бухты принца-Регента в Полярное море, если такой проход существовал. Согласно его инструкциям, он должен был направиться к заливу Уэджер или Рипалс-Бей на "*Терроре*", который был специально оборудован для этого путешествия и на котором находилась великолепная компания, включая Роберта Макклюра, будущего первооткрывателя Северо-Западного прохода, и Грэма Гора, одного из спутников Франклина в

его последней и роковой экспедиции. Там ему предстояло провести зиму, а на следующий год он должен был пересечь перешеек, соединяющий полуостров Мелвилл с материком, и продолжить свой путь к мысу Тернаган.

К сожалению, ему не суждено было даже добраться до места боевых действий. Еще до того, как она достигла острова Саутгемптон, "Террор" был пойман стаей, и все попытки капитана снова освободить ее были тщетны. С этого времени положение экипажа постоянно подвергалось опасности. Северные ветры обрушили на нее лед со страшной силой, и, если бы она не была исключительно крепкого телосложения, ее, должно быть, разнесло бы на куски. Как бы то ни было, засовы на корабле заскрежетали, а обшивка затрещала, пока не оказалось необходимым удерживать судно с помощью цепей, пропущенных под килем.

РАЗРУШЕНИЕ ЛЬДА ВОКРУГ "ТЕРРОРА"
С РИСУНКА КАПИТАНА СМИТА. СМИТ

По мере того как тянулась зима, положение становилось все хуже, поскольку опасность, исходящая от льда, не только не проявляла признаков уменьшения, но и разразилась цинга, и несколько человек умерли от этой ужасной болезни. Долгие и томительные месяцы команда жила под самой тенью смерти, и только в начале мая, когда "Ужас" подошел к устью Гудзонова пролива, они осмелились питать какие-либо надежды на окончательное спасение. Наконец, однако, лед оторвался от бортов корабля, и он снова оказался на плаву, но в таком ужасном состоянии, что был никоим образом не пригоден для плавания через Атлантику. Однако цепные тросы были пропущены под ней и прикреплены к кольцевым болтам на шканцах, и, таким образом, податанный корабль благополучно завершил путешествие, достигнув британских вод 3 сентября.

ГЛАВА XI

ОТКРЫТИЯ ДИЗА И СИМПСОНА

Тем временем исследование берегов Северной Америки шло быстрыми темпами. В то время, когда "*Террор*" направлялся к Гудзонову проливу, ситуация была такой. Бичи, начав с запада, нанес на карту побережье до Пойнт-Барроу. Ни один белый человек еще не обследовал побережье от Пойнт-Барроу до рифа Ретурн, протяженностью около 150 миль. Экспедиции Франклина и Ричардсона, однако, покрыли все расстояние между рифом Возвращения и мысом Тернагейна, но береговая линия между этим мысом и устьем Грейт-Фиш, или Бэк-Ривер, все еще оставалась неизведанной, как и берег Полярного моря к востоку от Грейт-Фиш-Ривер. Именно последнему названному участку береговой линии придавалось наибольшее значение, поскольку считалось, что поиски, вполне возможно, выявят существование водного пути между Риджентс-Инлет и Полярным морем. Поскольку в этом направлении предстояло проделать так много работы, в 1836 году Компания Гудзонова залива решила отправить экспедицию за свой счет, "чтобы попытаться завершить открытие и обследование северных берегов Американского континента". Командование экспедицией было передано двум офицерам Компании, мистеру Питеру Уоррену Дизу и мистеру Томасу Симпсону. Диз сопровождал Франклина в его экспедиции 1825-26 годов, и, учитывая его выслугу лет на службе в Компании, командование отрядом было поручено ему. Симпсон был всего лишь младшим должностным лицом, но он был человеком такого огромного энтузиазма и способностей, что, по сути, не прошло и нескольких недель, как он стал фактическим руководителем, и самые важные открытия, сделанные экспедицией, действительно должны быть приписаны ему.

Согласно официальным инструкциям, отряд, который должен был состоять из двенадцати человек в дополнение к двум офицерам, должен был проследовать к озеру Атабаска и перезимовать либо в форте Чипевриан, либо в форте Резолюшн. Лето 1837 года должно было быть посвящено исследованию береговой линии между устьем реки Маккензи, которая должна была вывести их к морю, и Пойнт-Барроу. С наступлением зимы отряд должен был отправиться к Большому Медвежьему озеру, откуда летом 1838 года спуститься по реке Коппермайн с целью связать открытия Франклина с открытиями Бэк.

Во исполнение этого плана Диз отправился к озеру Атабаска в конце июля, в то время как Симпсон, который был человеком необычайной энергии, отправился на юг, в поселок Ред-Ривер, с целью подтянуть свои познания в астрономии, совершенно не смущенный тем фактом, что ему придется проделать весь свой путь к озеру Атабаска — расстояние в 1277 миль — пешком, глубокой зимой, по пересеченной и непроходимой пустоши. Именно такой энергии он во многом был обязан своим успехом. Часто во время своих последующих поездок он совершал подвиги, которые до сих пор считались абсолютно невозможными, в то время как он неизменно путешествовал со скоростью, к которой никто из его предшественников никогда не приближался. Он преодолел все расстояние между поселением Ред-Ривер и озером Атабаска за шестьдесят два дня; и что делает это достижение еще более примечательным, так это то, что он неизменно настаивал на том, чтобы самому "прокладывать дорогу" — другими словами, он шел впереди группы, чтобы размечать тропу в снегу. Эта задача настолько сложна, что, как правило, каждый член группы выполняет ее по очереди в течение часа.

Зима в форте Чипевриан была в основном занята постройкой двух лодок, которые должны были доставить группу в Полярное море. *Castor* и *Pollux*, как их называли, были легкими суденышками

из клинкера с 24-футовым килем и 6-футовой шириной, несущими по два паруса на каждом. Они были должным образом спущены на воду в конце мая, и 1 июня отряд отправился в путь к морю. Из форта Норман четверо мужчин были отправлены на Большое Медвежье озеро, чтобы построить зимние квартиры, наладить рыболовство и сделать все необходимые приготовления к возвращению отряда.

Путешествие по реке Маккензи прошло без приключений, и 9 июля отряд оказался на берегу Полярного моря. Следующие две недели были потрачены на проверку открытий Франклина, но 23 июля они достигли рифа Возвращения и там начали открывать новые страны. Туман, гололед и неблагоприятные ветры теперь делали их продвижение довольно медленным, и Симпсон опасался, что, если условия не улучшатся, они не доберутся до Пойнт-Барроу до наступления зимы. Соответственно, он решил настаивать на этом и, выбрав пятерых человек для сопровождения, отправился проделывать оставшуюся часть пути пешком. Погода была пронизывающе холодной, с пронизывающим северо-восточным ветром и густым туманом. Побережье, кроме того, было пересечено бесчисленными солеными протоками, через которые приходилось переходить вброд, и условия в целом были настолько неприятными, насколько это можно было себе представить.

Однако на второй день путешествия, когда они прошли около тридцати миль, им посчастливилось наткнуться на эскимосский лагерь. Здесь Симпсону удалось позаимствовать “омиак”, или большое семейное каноэ, оказавшее такую материальную помощь, что вскоре их путешествие подошло к концу.

Теперь первая часть их экспедиции была благополучно завершена, поскольку они обследовали все 150 миль береговой линии между Ретурн-рифом и Пойнт-Барроу, связав таким образом открытия Бичи и Франклина. Таким образом, им ничего не оставалось, как пройти по реке Маккензи к Большому Медвежьему озеру, которого они должным образом достигли 25 сентября.

Зима прошла без каких-либо происшествий. Обычные индейцы, конечно, стекались в Форт и ожидали, что англичане их накормят. К счастью, однако, провизии было в избытке, и отряду, в отличие от некоторых предыдущих экспедиций, никогда не грозила голодная смерть, несмотря на огромный аппетит, которому радовалось большинство его членов. Сильный холод этого климата делает обильный запас животной пищи абсолютно необходимым, и ежедневный рацион, выдаваемый каждому человеку, составлял 10 или 12 фунтов оленины или, если их удавалось раздобыть, четыре или пять целых рыб весом от 15 до 20 фунтов. Даже этого некоторые члены партии сочли недостаточным.

Как только началось лето, Симпсон и его спутники отправились в свое путешествие к реке Коппермайн. Их путь лежал вверх по реке Диз и через Мрачные озера, и, поскольку лед еще не успел растаять, путешествие сопровождалось немалыми трудностями. Однако Симпсон со свойственной ему предприимчивостью прочно закрепил свои лодки на прочных железных санях и, подняв паруса, с хорошей скоростью понесся по озерам, к огромному изумлению туземцев.

Добравшись до Коппермайна, они обнаружили, что он сильно вздулся от тающего снега и усеян рыхлым льдом. Задержка, однако, была невыносима для исследователей, и они решили как можно скорее спуститься к морю. Судходство было чрезвычайно опасным, так как река

неслась вниз между гигантскими пропастями, у подножия которых с ошеломляющей яростью бушевали буруны и пенились. Отчет Симпсона о съемках "Эскейп Рапида", к которому они добрались в полдень первого дня своего путешествия, стоит процитировать, поскольку он показывает, с какими трудностями им пришлось столкнуться: "Одного взгляда на нависающие скалы, - говорит он, - хватило, чтобы понять, что другого выхода, кроме как спускаться вниз с полным грузом, у нас не было. В одно мгновение мы оказались в водовороте, и, прежде чем мы успели опомниться, мою лодку понесло к изолированной скале, которую кипящая волна почти скрыла. Преодолеть его снаружи было уже невозможно; нашим единственным шансом было пробежать между ним и высоким восточным утесом. Слово было передано, и каждый вздох затих. Поток, низвергавшийся на нас с края пропасти высотой более ста футов, смешивался с брызгами, поднимавшимися вверх от стремнины, образуя потрясающий ливень. Проход был шириной около восьми футов, и ошибка в один фут привела бы к мгновенному разрушению. Когда, направляемая непревзойденным мастерством Синклера, лодка благополучно пронеслась сквозь эти челюсти смерти, невольно раздались радостные возгласы. Нашим следующим побуждением было обернуться, чтобы посмотреть на судьбу наших товарищей. Они воспользовались опасностью, которой мы подверглись, и вовремя обошли предательскую скалу. Волны там были еще выше, и на некоторое время мы потеряли наших друзей из виду. Когда они вынырнули, первым видимым объектом был лучник, извергающий часть набежавшей волны, которую он проглотил, и выглядевший наполовину утонувшим. Мистер Диз впоследствии рассказал мне, что брызги, которые полностью окутали их, образовали вокруг лодки великолепную радугу".

Они достигли берегов Полярного моря 1 июля, и здесь их ждало разочарование. Зима выдалась на редкость продолжительной и суровой, и, как следствие, берега самого моря были настолько покрыты льдом, что навигация была практически невозможна. Они медленно продвигались вперед, но обнаружили, что залив Коронации и пролив Мелвилл полностью покрыты сплошным льдом, и к 19 августа, когда время их возвращения стремительно приближалось, им все еще не хватало трех миль до самой дальней точки, достигнутой Франклином.

У них не было никаких шансов продвинуться дальше на лодках, но Симпсон был полон решимости ступить на землю, по которой никогда не ступала нога европейца, поэтому с отрядом из семи человек он отправился в десятидневный поход на восток. Путешествие было очень болезненным, поскольку путь пролегал в основном по рыхлым камням и пересекался бесчисленными ручьями. Однако их труды были хорошо вознаграждены. Судя по образованию суши, вдоль которой он путешествовал, Симпсон опасался, что береговая линия Полярного моря не была непрерывной. Однако 23 августа он достиг высокого мыса, поднявшись на который, обнаружил, что на самом деле просто путешествовал вдоль южного берега пролива. Под его ногами расстиралось огромное море, уходящее на восток, насколько хватало глаз, в то время как на севере он видел обширную землю, которой дал название Земля королевы Виктории.

Проехав несколько миль на юго-юго-восток, экспедиция была вынуждена отправиться в обратный путь, поскольку пять дней, отведенных на исходящее путешествие, уже истекли. 29-го они присоединились к остальной части отряда в Боутхейвене, а 4 сентября начали путешествие вверх по реке Коппермайн. До сих пор восхождение на Коппермайн на лодке считалось невозможным. Симпсон, однако, решил доказать обратное, и с бесконечным трудом ему удалось благополучно протащить лодки по всем порогам. 5 сентября они достигли места

примерно в четырех милях ниже впадения реки Кендал, которое, по их мнению, было ближайшим пунктом к форту Конфиденс. Здесь, соответственно, они вытащили лодки из воды и, оставив их высоко и сухо в лесу, пешком вернулись на свои зимние квартиры, достигнув цели своего путешествия 14 сентября.

Там все было приведено в полную готовность к долгой зиме. Здания были приведены в порядок, у индейцев было закуплено некоторое количество вяленой оленины, выловлено и вяленое мясо нескольких тысяч рыб. Следовательно, нужда им не грозила, и они проводили время в относительном комфорте, пока июнь не избавил их от морозов. Как только появилась возможность, они отправились к тому месту на Коппермайне, где оставили *Кастора* и *Поллукса*, и в назначенное время достигли Полярного моря.

В первую неделю или около того их прогресс был довольно медленным. Сезон был, однако, гораздо более открытым, чем в предыдущем году, и, добравшись до залива Коронации, они, к своему великому удовольствию, обнаружили, что он идеально судоходен. С этого момента они быстро двинулись дальше. Ночью 20-го они остановились в Боутхейвене, а оттуда, благодаря попутному ветру, быстро прошли вдоль западного побережья полуострова Кент к мысу Франклина, которого достигли ровно на месяц раньше, чем группа Симпсона достигла его в предыдущем году. Здесь им снова улыбнулась удача, ибо они нашли открытый водный пролив шириной в две мили, по которому весело покачивались лодки. 26-го они достигли мыса Александер, а затем, обогнув восточную оконечность полуострова Кент, побежали вдоль берега, который ранее были вынуждены пересекать пешком, по пути открыв и назвав остров Мельбурн и мыс Роксборо.

10-го числа они вошли в пролив, который теперь называется именем Симпсона, и именно тогда поняли, что находятся на грани того, чтобы связать открытия Франклина с открытиями Бека, поскольку быстрый прилив с востока подсказал им, что они вот-вот войдут в открытое море, в которое извергает свои воды Великая Рыбная река. 13-го числа все сомнения на этот счет рассеялись, поскольку, обогнув очень острый мыс, они увидели перед собой песчаную пустыню, которая, как они знали, была Огл-Пойнт Бэкса.

Достигнув устья Большой Рыбной реки, они практически достигли цели своей экспедиции. Симпсон, однако, ни в коем случае не был расположен почивать на лаврах, и он решил приложить усилия, чтобы выяснить, связан ли североамериканский континент с Бутия Феликс или же пролив соединяет залив Бутия с Северным Ледовитым морем. Соответственно, с присущей ему энергией он отобрал трех добровольцев и отправился в короткое исследовательское путешествие на одной из лодок. Однако ему не суждено было преуспеть в своих поисках, ибо 20-го числа неблагоприятный ветер вынудил его укрыться в небольшой реке, которую он назвал в честь *Кастора* и *Поллукса*. Пытаться двигаться дальше было бы безрассудством и вполне могло привести к потере всего отряда. Соответственно, определив свою позицию как 68° 28 северной широты, лонг. 94° 14 западной долготы, он повернул назад и достиг мыса Британия, где остался Диз, 20 августа.

Они решили разнообразить свое путешествие домой, проплыв вдоль побережья Земли Виктория, которая, конечно же, никогда не была исследована. Они достигли ближайшей точки, которую называли мысом Колборн, 6 сентября. 7-й и 8-й были потрачены на плавание через две большие бухты, которым они дали названия Кембриджский и Веллингтонский заливы, а 9-го они были почти напротив мыса Франклина, от которого берег американского континента находился

тогда примерно в двадцати милях. На следующий день они направились к мысу Барроу, исследовав около 156 миль новой страны.

Подъем на Коппермайн был трудным, так как наступила зима, и лед на скалах давал очень плохую опору людям, буксировавшим лодки. Путешествие, однако, прошло в безопасности, и 25 сентября они достигли форта Конфиденс. Оттуда они направились в форт Симпсон, где руководитель экспедиции предложил провести следующие несколько недель за составлением отчета о своих путешествиях и открытиях. Они были завершены ко 2 декабря, когда он отправился на свою станцию в Ред-Ривер-Сеттлментмент, куда добрался 2 февраля, пройдя пешком 1900 миль за эти шестьдесят один день.

Этому путешествию суждено было стать последним, которое предпринял неутомимый молодой путешественник, ибо через несколько месяцев он лежал в могиле. Точные обстоятельства, приведшие к трагической гибели одного из самых блестящих и увлеченных исследователей, когда-либо существовавших в Англии, так и не были должным образом установлены, и никто так и не узнал, был ли он убит или покончил с собой.

Вкратце, история такова: губернатор Компании Гудзонова залива в то время был родственником исследователя, который, однако, был не слишком хорошо расположен к нему. Хотя экспедиция достигла больших успехов, губернатор Симпсон, по-видимому, считал, что она должна была достичь большего; и в одном из своих писем ее руководителю он выразил сожаление по поводу того, что экспедиция не была готова провести еще один год в арктических регионах с целью продолжения своих открытий в направлении Фьюри и пролива Гекла. Поскольку младший Симпсон уже сообщил ему в одном из своих писем, что его люди совершенно измотаны, а провизия истощена, тон, принятый губернатором, кажется явно неразумным. То, что его родственник был полностью готов продолжить свои исследования, было очевидно из сделанного им предложения возглавить еще одну экспедицию на север в следующем году с целью обследования Бутия Феликс и, если возможно, пройти через проливы Фьюри и Гекла и таким образом добраться до Гудзонова залива. Это предложение было, однако, полностью проигнорировано губернатором Симпсоном, который, действительно, дал понять молодому исследователю, что, если будет организована еще одна экспедиция, командование будет передано кому-то другому.

Симпсон был очень задет отношением губернатора и написал ему довольно резкое письмо по этому поводу, в результате чего ему было приказано немедленно отправляться в Англию. Полемика, по-видимому, действительно очень серьезно повлияла на здоровье исследователя, и из некоторых писем, которые он написал губернатору, очевидно, что он страдал от сильного душевного волнения. Если бы он только знал об этом, у него были все шансы продолжить свою превосходную работу исследователя, поскольку письмо, которое он написал директорам Компании Гудзонова залива с предложением совершить новое исследовательское путешествие через Бутийский залив, было ими весьма благосклонно рассмотрено, и они написали ему официальный ответ, назначив его командующим новой экспедицией в течение нескольких дней после того, как он отправился домой из поселка Ред-Ривер.

Он попрощался со своими друзьями 6 июня 1840 года и отправился в направлении Сент-Питерса с отрядом, который состоял из Джеймса Брюса из поселения Ред-Ривер, отца и сына по фамилии Легро и Джона Берда. Показания Брюса под присягой относительно событий, произошедших во время путешествия, сводятся к следующему. 14 июня Симпсон казался

беспокойным и больным. Он часто выражал желание вернуться в поселок Ред-Ривер и уговаривал остальных отправиться с ним. Казалось, он не страдал какими-то особыми жалобами, но, тем не менее, хотел проконсультироваться с врачом и сказал своим спутникам, что, боюсь, долго не проживет. Ближе к вечеру Брюс, Берд и старшие Легро были заняты установкой палатки, стоя спиной к своему лидеру. Внезапно Брюс услышал выстрел и, оглянувшись, увидел, что Симпсон застрелил Берда, который упал замертво на месте. Затем Симпсон направил свой пистолет на старшего Легро и выстрелил в него, смертельно ранив, хотя смерть наступила не сразу. Когда они достаточно оправились от ужаса и изумления, Брюс и младший Легро подошли к Симпсону, который сказал им, что ему стало известно, что Берд и Легро составили заговор с целью убить его ночью из-за его бумаг, и что он действовал только в целях самообороны. Перед смертью Легро отрицал существование какого-либо подобного заговора, и по сей день неизвестно, были ли у Симпсона какие-либо основания для своих подозрений.

Молодой исследователь все еще стоял со своим ружьем в руке, а Брюс и младшие Легро, очевидно, опасаясь, что они могут разделить судьбу своих товарищей, сели на лошадей и поехали обратно, чтобы найти другую, более многочисленную группу путешественников, которых они оставили накануне и которые разбили лагерь в нескольких милях назад. Добравшись до своих друзей, они подняли тревогу, и к ним присоединились пятеро мужчин, которые вернулись на место убийства. Подойдя к повозке, возле которой стоял Симпсон, они окликнули его по имени. Единственным ответом, который они получили, был выстрел из пистолета и свист пули. То, что Симпсон застрелился, было неизбежным выводом, но, чтобы напугать его, если он еще жив, они выстрелили из ружей, когда приблизились к повозке. Однако эта предосторожность оказалась излишней, поскольку, подойдя ближе, они обнаружили, что Симпсон выстрелил себе в голову. Тела троих мужчин - Симпсона, Легроса и Берда - были тут же похоронены в одной могиле.

Такова история, рассказанная Брюсом, но невозможно поручиться за ее правдивость, поскольку не было никаких подтверждающих доказательств, поскольку младший Легро никогда не подвергался допросу. Принимая во внимание состояние здоровья Симпсона в то время, более чем вероятно, что он действительно верил, что действовал только в свою защиту в shooting Bird и Legros. Но погиб ли он от своей руки, или его застрелил Брюс или кто-то из вернувшихся с ним людей, сказать невозможно.

ГЛАВА XII

ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ФРАНКЛИНА

Провал экспедиции Бэка на "*Терроре*", не сумевшей достичь чего-либо важного, оказался настолько обескураживающим для правительства, что на некоторое время оно отказалось от любых дальнейших попыток обнаружить Северо-Западный проход и вместо этого обратило свое внимание на Антарктиду. Однако блестящий успех путешествия Диза и Симпсона вдоль берегов Полярного моря придал новый импульс общественному интересу к исследованию Арктики; поэтому, когда "*Эребус*" и "*Террор*" вернулись из своего путешествия в Антарктиду, власти благосклонно прислушались к заявлениям Королевского географического общества и ряда

ученых, которые были заинтересованы в этой работе, и решили снова снарядить их для экспедиции в Полярные моря.

Последние семь лет Франклин исполнял обязанности губернатора Тасмании, но он вернулся примерно в то время, когда обсуждался вопрос о новой экспедиции, и, естественно, было сочтено, что ему, как старшему исследователю Арктики, следует передать командование. Лорд Хаддингтон, в то время первый лорд Адмиралтейства, поначалу довольно осторожно предлагал ему это, думая, что после своей долгой и блестящей карьеры он, вполне возможно, пожелает провести остаток своих дней в покое дома. “Я мог бы найти веское оправдание для того, чтобы не отпускать вас, сэр Джон, - сказал он, - в слухах, которые сообщают мне, что вам шестьдесят лет”. “Нет, нет, милорд, ” воскликнул Франклин, “ мне всего пятьдесят девять!” Итак, ко всеобщему удовольствию, назначение состоялось должным образом.

The Эребус и *Террор* были оборудованы для обслуживания всем самым современным оборудованием. Оснащенные двигателями мощностью в двадцать лошадиных сил и вспомогательными винтами, они были первыми арктическими судами, применившими открытие пара на практике, поскольку двигатели *Victory*, как мы видели, были настолько примитивными, что от них пришлось отказаться. Вполне естественно, что власти были завалены заявлениями о назначении на корабли, и, в результате, они смогли отобрать для службы нескольких наиболее способных офицеров военно-морского флота, среди которых были командер Фицджереймс, прошедший китайскую войну; Крозье и Грэм Гор, служившие под началом Пэрри и Росса; Фэйрхольм, Ходжсон и Де Векс.

Официальные инструкции Франклина заключались в том, чтобы пройти через пролив Ланкастера со всей возможной поспешностью, не теряя времени на изучение проходов на север, и, достигнув мыса Уокер, повернуть на юг и восток с целью найти путь к Берингову проливу. Если ни один из этих двух маршрутов не окажется практически осуществимым, он должен был отправиться на север вверх по каналу Веллингтон на второе лето.

Два корабля вышли из Темзы 19 мая 1845 года и вскоре были уже на пути к Баффинову заливу. Большею частью того, что мы знаем о начале путешествия, мы обязаны командеру Фицджереймсу, замечательному корреспонденту, который в серии писем миссис Конингем дал несколько характерных черт своих спутников, которые стоит сохранить. Вот отрывок, который относится к Франклину. “Мне нравятся серьезные люди. Сэр Джон Франклин прочитал сегодня церковную службу и проповедь так прекрасно, что я бросаю вызов любому человеку, который не почувствует силу того, что он передаст. Первое воскресенье, которое он прочел, было за день или два до нашего отплытия, когда присутствовали леди Франклин, его дочь и племянница. Все были поражены его чрезвычайной серьезностью, очевидно, исходившей из искренних убеждений.... Мы очень любим сэра Джона Франклина, который значительно совершенствуется по мере того, как мы узнаем о нем больше. Он совсем не нервный или суетливый; на самом деле, я бы сказал, отличается энергичностью принятия решений во внезапных чрезвычайных ситуациях, но я думаю, его можно легко убедить там, где у него еще не сформировалось твердого мнения”.

Вот справка о казначее. “Я только что сыграл партию в шахматы с казначеем Осмером, он восхитителен.... Сначала я был склонен думать, что он глупый старик, потому что у него был подбородок и он нюхал табак; но у него такое же веселое сердце, как у любого молодого человека, он полон причудливых, сухих высказываний, всегда добродушен, всегда смеется,

никогда не бывает занудой, берет понюшку после обеда, играет в роббер и обыгрывает меня в шахматы - и он джентльмен ”.

Предметом следующего очерка, который мы процитируем, является Гарри Гудсер, ассистент-хирург “Эребуса”, который, хотя и был еще молод, уже был хорошо известен как натуралист с незаурядными способностями. До назначения в экспедицию он был куратором Эдинбургского музея. “Я не могу понять, - говорит Фицджереймс, - почему только что пойманные шотландцы всегда говорят тихим, неуверенным, монотонным тоном, который не всегда можно понять; это, я полагаю, называется “хитростью”. Мистер Гудсер - “хитрый”. Он длинный и прямой, ходит на цыпочках, засунув руки в карманы куртки. Он совершенно добродушен, очень хорошо осведомлен в общих вопросах, изучал естественную историю, был куратором Эдинбургского музея, на вид ему около двадцати восьми лет, восхитительно смеется, не поддается эмоциям, с энтузиазмом относится ко всем наукам, рисует внутренности микроскопических животных воображаемым заостренным карандашом, ловит явления в ведерке, смотрит на термометр и каждый второй измеритель, приятный собеседник и дополнение к столу ”.

Крауч, помощник капитана, - маленький черноволосый парень с гладким лицом, по-своему добродушный; пишет, читает, работает, рисует, все спокойно; никогда никому не мешает и всегда готов, когда нужно; но я не могу найти в его характере ничего примечательного, за исключением, возможно, того, что он, я бы сказал, упрям. Стэнли, хирург, ... скорее склонен быть симпатичным, но толстым, с черными как смоль волосами, очень белыми руками, которые всегда отвратительно чистые, и рукавами рубашки, засученными, что наводит на неприятные мысли о том, что он был бы не прочь отрезать кому—нибудь ногу немедленно, если не раньше ”. Грэм Гор, первый лейтенант, - “человек с очень стабильным характером, очень хороший офицер и приятнейшим характером. Он ужасно хорошо играет на флейте, рисует иногда очень хорошо, а иногда очень плохо, но в целом отличный парень”.

Экспедиция была, вероятно, самой счастливой и сплоченной из всех, когда-либо отправлявшихся из Англии, и часть доброго духа сэра Джона, похоже, передалась всем членам отряда. В качестве примера хорошего настроения, охватившего весь экипаж, можно привести небольшую историю, касающуюся Осмера, казначея, из дневника Фицджереймса. Это произошло, когда корабли находились у датского поселения Диско, места, где пейзажи величественны, но невыразимо унылы и пустынные. Фицджереймс случайно вышел на палубу в полночь и застал там Осмера, предававшегося небольшому *па-сеулу*. “Какой вы счастливый человек!” воскликнул Фицджереймс. - всегда в хорошем настроении. “Что ж, сэр, - сказал казначей, - если мне здесь не нравится, я не знаю, где еще я мог бы быть”.

Первые несколько дней июля мы провели вне Диско, собирая припасы и в целом делая последние приготовления к арктическому путешествию. В то время перспективы успеха казались необычайно радужными. Сезон на Диско был самым мягким и ранним из когда-либо известных, и в своих последних письмах домой офицеры в шутку просили своих родственников направлять их будущую корреспонденцию в Петропавловск, морской порт за Беринговым проливом, на побережье Азиатской России.

В одном из этих писем, написанном лейтенантом Фейрхольмом, есть отрывок, который мы не можем удержаться от цитаты, поскольку это последняя дань уважения Франклину, написанная

при его жизни. “На борту, - говорится в нем, - мы чувствуем себя настолько комфортно, насколько это возможно. Вряд ли нужно говорить вам, насколько мы все восхищены нашим капитаном. Я уверен, что он завоевал не только уважение, но и любовь каждого человека на борту своими дружелюбными манерами и добротой ко всем, и его влияние всегда используется для какой-нибудь благой цели, как среди офицеров, так и среди матросов. Он добился наибольшего успеха в подборе офицеров, и вряд ли можно было найти более приятную компанию. Здоровье сэра Джона намного лучше, чем когда мы покидали Англию, и он действительно выглядит на десять лет моложе. Он принимает активное участие во всем, что происходит, и его многолетний опыт работы в подобных службах, как эта, делает его самым ценным советником”.

12 июля Франклин написал свое последнее официальное письмо в Адмиралтейство. “Корабли, ” говорит он, “ теперь набиты всевозможными припасами на три года; следовательно, они находятся на большой глубине; но, к счастью, у нас нет причин ожидать большого волнения, когда мы двинемся дальше.... Нет необходимости заверять их светлости в энергии и рвении капитана Крозье, командера Фицджереймса, а также офицеров и рядовых, с которыми я имею счастье служить на этой службе”.

В тот же день “*Эребус*” и “*Террор*” отплыли на северо-запад вверх по проливу Вайгат. 26-го их заметил китобой “*Принц Уэльский*”, пришвартованный к айсбергу недалеко от южного входа в залив Мелвилл и ожидавший благоприятной возможности обогнуть средний лед и войти в пролив Ланкастера. Капитан Деннетт, шкипер китобойного судна, был приглашен отобедать с сэром Джоном на следующий день, но поднялся попутный бриз, и корабли разошлись. Капитан Деннетт был последним белым человеком, увидевшим злополучные “*Эребус*” и “*Террор*”.

ГЛАВА XIII РЕЙ И ПОЛУОСТРОВ БУТИЯ

Чтобы сохранить хронологический порядок событий, сейчас необходимо на некоторое время оставить экспедицию Франклина и продолжить нить исследования Северной Америки, оброненную Дизом и Симпсоном. Следует помнить, что незадолго до своей безвременной кончины Симпсон написал письмо губернаторам Компании Гудзонова залива, в котором предлагал провести экспедицию вдоль неоткрытых берегов, лежащих между реками Кастор и Поллукс и проливом Фьюри и Гекла. Хотя ему было суждено никогда об этом не узнать, план был очень благосклонно принят директорами, и их письмо, возлагавшее на него единоличное командование экспедицией, достигло Америки очень скоро после его смерти.

Непосредственным результатом этого печального события стало то, что все планы продолжения исследования Северной Америки были отложены на несколько лет — до 1845 года, когда известие о том, что Англия снаряжает новую экспедицию с целью открытия Северо-Западного прохода, побудило Компанию предпринять дальнейшие усилия. Командование новой экспедицией было предложено сэром Джорджем Симпсоном, который все еще был главнокомандующим территориями Компании, доктору Джону Рею, тогда новичку в исследовании Арктики, хотя впоследствии он доказал свою состоятельность не только успехом,

которого он достиг в нынешнем путешествии, но и хорошей работой, которую он проделал в поисках Франклина.

План кампании, организованный Компанией, существенно отличался от того, который первоначально предложил Симпсон. Симпсон предложил отправиться на восток от рек Кастор и Поллукс и, осмотрев Бутия Феликс, направиться, если возможно, к Гудзонову заливу. Экспедиция Рей, с другой стороны, должна была выйти из Гудзонова залива и направиться вверх по реке Роу, чтобы попасть в залив Рипалс. Там ему предстояло пересечь перешеек, соединяющий полуостров Мелвилл с материком, до которого, если верить рассказам эскимосов, было не более трех дней пути, и, достигнув моря на другой стороне, двигаться дальше, пока не достигнет того места, где остановились либо Росс, либо Диз и Симпсон. Следует помнить, что в то время не было известно, была ли Бутия Феликс островом или полуостровом. Если окажется, что это первое, Рей должен был пройти через пролив, отделяющий его от материка, и таким образом попасть в Северный Ледовитый океан. В последнем случае он должен был путешествовать вдоль ее западных берегов, пока не достигнет какой-нибудь точки, которую посетили россы во время *Победы*.

Путешествие, вероятно, оказалось полным приключений, поскольку не было никакой уверенности в том, что отряд сможет раздобыть достаточно провизии, чтобы не умереть с голоду. Рей должен был взять с собой только две маленькие лодки, так что он не смог бы запастись большим количеством еды и был бы вынужден зависеть от таких скудных запасов, какие могла предложить бесплодная страна. Таким образом, поскольку казалось более чем вероятным, что группе придется столкнуться с неприятными альтернативами - умереть от голода или замерзнуть до смерти, поначалу у него возникли некоторые трудности с поиском добровольцев.

Однако в июне 1846 года, преодолев предварительные трудности, Рей с десятью мужчинами отправился с Йоркской фабрики. Его лодки, получившие названия "*Северный полюс*" и "*Магнит*", были прочными, построенными из клинкера судами длиной 22 фута и шириной 7 футов 6 дюймов. В дополнение к обычному снаряжению он взял с собой промасленное брезентовое каноэ и одну из воздушных лодок Хэлкетта, которые никогда раньше не испытывались ни в одной из этих экспедиций и оказались в высшей степени удовлетворительными.

Первая часть путешествия неизбежно была медленной, поскольку во многих случаях море все еще было заблокировано плотно прилегающим льдом, который требовал тщательного прохождения. Однако 24 июля лодки обогнули мыс Надежды и вошли в бухту Репалс, где должно было начаться первоначальное исследование. Высадившись в бухте Гибсона, они наткнулись на группу эскимосов, от которых узнали радостную весть о том, что перешеек имеет не более сорока миль в поперечнике и что на протяжении полных тридцати пяти миль этого расстояния цепь озер обеспечивает водный путь.

На следующее утро женщины племени нанесли Рей государственный визит. "У всех у них были татуировки на лице," пишет он, - форма у каждого была почти одинаковой, а именно. несколько изогнутых линий, проведенных от межбровья вверх по лбу, две линии через щеку от носа к уху и несколько расходящихся изогнутых линий от нижней губы к подбородку и нижней челюсти. Их кисти и предплечья были покрыты множеством татуировок от кончика пальца до плеча. Их волосы были собраны в два больших пучка, по одному с каждой стороны головы, и между ними

помещался кусок палки длиной около десяти дюймов и толщиной в полдюйма, а вокруг него спиралью наматывалась полоска оленьей шкуры разного цвета, производя далеко не неприятный эффект. У всех у них были гребни из слоновой кости их собственного изготовления и одежда из оленьей кожи с волосами наружу; единственная разница между их одеждой и одеждой мужчин заключалась в том, что у первых были гораздо большие капюшоны (которые используются для ношения детей), с клапанами спереди и сзади, а также в большей вместительности их сапог, которые доходили выше колен и удерживались на высоте, прикрепляясь к поясу". Довольно любопытно, что одна из этих женщин посетила "Фурию" и "Геклу" двадцать три года назад, и среди ее самых ценных вещей были бусы, подаренные ей Парри.

С огромным трудом лодки были втащены вверх по течению, соединяющему залив Репалс с цепью озер, и началась серьезная работа экспедиции. Рей обнаружил, что рассказы эскимосов не ввели его в заблуждение, и к 1 августа он был на берегу залива Комитетт, самого южного рукава залива Принс-Риджент. Его первой надеждой было то, что он сможет обогнуть залив и осмотреть его берега. Лед и туман, однако, сделали это совершенно невозможным, поэтому он решил, поскольку в этом сезоне, казалось, не было никаких шансов на то, что лед растает, повернуть обратно в Репалс-Бэй и надеяться на большую удачу следующим летом.

Дичи, к счастью, в это время года было в изобилии, и доктор, который был заядлым спортсменом и отличным стрелком, вскоре избавил свою группу от страха умереть с голоду. Спортивный отчет за сентябрь показал, что 63 оленя, 5 зайцев, 1 тюлень, 172 куропатки и 116 лососей и форели были завезены в Форт Хоуп — название, данное их зимовьям, — в то время как в сентябре на его счету было 69 оленей. Топлива, однако, было крайне мало, и, поскольку в середине октября установилась пронизывающе холодная погода, отряд испытывал немалые неудобства. Сначала мороз приветствовался как несомненное благословение, потому что он укрепил влажную глину, которой были обмазаны стены дома, и сделал это место защищенным от непогоды. Однако все, что было хоть сколько-нибудь влажным, мгновенно замерзло, и когда Рей попытался открыть несколько книг, лежавших на полке, он обнаружил, что их корешки превратились в сплошную массу. Поскольку топлива становилось все меньше, доктор запретил использовать его для любых целей, кроме приготовления пищи, и член группы, желавший высушить свою мокрую одежду, был вынужден взять ее с собой в постель. Испарения, исходящие от них, всегда замерзали на одеялах, которые в результате обычно искрились инеем.

Почти единственной формой физических упражнений, которую группа могла себе позволить, была случайная игра в футбол на снегу. Эти игры не обошлись без трудностей, поскольку снег был таким твердым, что в воздухе обычно можно было увидеть несколько пар каблуков одновременно, а воздух был таким горьким, что игрокам приходилось постоянно тереть лица, чтобы не обморозиться. Часть времени мужчины также потратили на овладение искусством строить снежные домики по эскимосскому обычаю, достижение, которое сослужило им неоценимую службу позже, когда они занимались исследованием Бутии и полуострова Мелвилл.

В это время большое внимание Рей привлекали жившие по соседству эскимосы. Судя по всему, они были необычайно выносливой расой, которая не испытывала неудобств даже в самый сильный мороз. Однажды он застал члена племени за починкой полозьев его саней.

“Использованное вещество, ” пишет он, - представляло собой смесь очень мелко измельченного мха и смоченного в воде снега, комочки которого плотно прижимались к саням голой рукой и разглаживались так, чтобы получилась ровная поверхность. Этот процесс занял у мужчины почти час, в течение всего этого времени он не засовывал руки в рукавицы и, казалось, не сильно ощущал холод, хотя температура была на 30 ° ниже нуля”. В другой раз он посетил их лагерь, где узнал интересную информацию о том, что у них был обычай снимать всю одежду перед отходом ко сну даже в разгар зимы. Однако в их хижинах было сравнительно тепло благодаря постоянно горящей лампе, и Рей с некоторым удивлением заметил, что во время этого визита его жилет оттаял. Этот предмет его одежды некоторое время назад намертво примерз к телу из-за застывшего дыхания, и у него не было возможности вернуть его в нормальное состояние в его собственном неуютном жилище.

5 апреля Рэй отправился в свое второе путешествие через перешеек, который теперь носит его имя, его целью было исследовать западные берега залива Комитетт и выяснить, ведет ли какой-либо водный путь на запад от него к арктическим морям. Подробности этого путешествия нам вряд ли стоит интересоваться, поскольку оно не было оживлено каким-либо происшествием, представляющим особый интерес. Будет достаточно сказать, что его усилия увенчались полным успехом, поскольку 18 апреля он достиг залива лорд-мэра, самой южной точки, достигнутой Россом, завершив таким образом исследование южного и западного берегов залива Принс-Риджентс и доказав, что Бутия была полуостровом.

Должным образом вступив во владение новооткрытой страной от имени королевы, он отправился в обратный путь в Форт Хоуп, которого достиг 5 мая. Восточные берега залива Принс-Риджент все еще оставались неизведанными, и поскольку сезон был ранний, Рей решил, не теряя времени, приступить к этой части своей задачи. Соответственно, он отдохнул в форте Хоуп всего несколько дней, а затем, взяв с собой четырех человек и хороший запас провизии, снова отправился в путь. К 27 мая они были недалеко от мыса Эллис, который находится примерно в десяти милях от Фьюри и пролива Хекла. Путешествие, однако, было чрезвычайно утомительным, а еда на исходе, поэтому Рей решил, что было бы безумием пытаться продолжить свои исследования дальше. Соответственно, группа снова повернула домой и прибыла в Форт Хоуп в начале июня, усталая и очень похудевшая, но в прекрасном расположении духа. Наконец, 6 сентября они достигли Йоркской фабрики после самого успешного путешествия, в ходе которого они обнаружили несколько сотен миль неизвестной береговой линии и значительно сократили территорию, в которой следовало искать Северо-Западный проход.

ГЛАВА XIV

НАЧАТЫЕ ПОИСКИ ФРАНКЛИНА

Именно летом 1847 года впервые возникли серьезные сомнения относительно безопасности экспедиции Франклина, и правительство решило предпринять шаги по ее облегчению. Как мы уже видели, “*Эребус* и “*Террор*” в последний раз видели в проливе Ланкастер, и не было никакой возможности узнать, в каком направлении они плыли с того дня и далее. Соответственно, было сочтено, что лучше всего отправить группы помощи с востока, через

пролив Ланкастер, с запада, через Берингов пролив, и с юга, для поиска северных берегов Америки.

Первым из них была предпринята попытка встретиться с Франклином через Берингов пролив. *Herald* (капитан Келлетт), исследовательское судно водоизмещением 500 тонн, уже находилось недалеко от места действия, и было решено усилить его *Plover* водоизмещением 213 тонн под командованием командера Мура и отправить эти два корабля в плавание вокруг побережья Северной Америки к реке Маккензи.

The *Ржанка* показала себя очень плохим моряком, и только в июне 1849 года два корабля встретились в назначенном месте встречи в проливе Коцебу. Здесь к ним присоединилась "*Нэнси Доусон*", небольшая яхта, принадлежащая мистеру Роберту Шеддону и находящаяся под его командованием, который отплыл на север с целью принять участие в поисках. Три корабля вместе отплыли на север и, достигнув залива Уэйнрайт, отправили три лодки, доверху набитые провизией, под командованием лейтенанта Пуллена в долгое путешествие к реке Маккензи. Мистер Шеддон решил сопровождать лейтенанта Пуллена часть его путешествия, но *Herald* и *Plover* отправились дальше и исследовали воды к северу от Берингова пролива. Однако, помимо открытия двух островов, которые теперь носят их имена, они добились немногого.

Ко 2 сентября два правительственных корабля и "*Нэнси Доусон*" стояли в проливе Коцебу, где было решено, что *Ржанка* должна провести зиму. Удовлетворив потребности своего корабля-компаньона, "*Геральд*" отплыл на юг вместе с "*Нэнси Доусон*", достигнув Масатлана, расположенного на побережье Мексики, в начале октября. Мистер Шеддон, здоровье которого в течение некоторого времени ухудшалось, не пережил зиму.

Тем временем Мур из "*Ржанки*" установил связь с туземцами вокруг пролива Коцебу в надежде получить известия о Франклине. В результате в его уши были влиты косвенные рассказы о белых людях, путешествующих по внутренним районам страны, и, пытаясь проверить их, Бедфорд Пим едва не лишился жизни. Однако ни тогда, ни летом, когда *Herald* и *Plover* совершили круиз вокруг побережья, они не смогли обнаружить, что эти истории имели под собой какое-либо основание, и их поиски не дали им никаких оснований предполагать, что Франклин и его спутники приблизились к берегам, вдоль которых они плыли.

Лодочная экспедиция лейтенанта Пуллена к "Маккензи" увенчалась не большим успехом. Стесненные в открытых лодках, которые постоянно подвергались опасности быть разбитыми штормами или дрейфующими льдами, он и его люди подвергались пыткам от холода и переохлаждения, а трудности и опасности их 1500-мильного путешествия усугублялись недружелюбием местных жителей. Зиму они провели на различных станциях Компании Гудзонова залива, а следующей весной Пуллен снова отправился к берегам Полярного моря. Условия, однако, были таковы, что исключали любую возможность успеха, и он был вынужден повернуть назад еще до того, как достиг точки, с которой должны были начаться его поиски.

Проведение первого сухопутного путешествия было поручено Ричардсону, которому вместе с Реем в качестве его лейтенанта было поручено обыскать побережье Северной Америки от Маккензи до Коппермайна. Полярного моря достигли без приключений, но с этого момента путешествие оказалось опасным и трудным, так как из-за поздней весны им пришлось спрятать свои лодки и проделать большую часть пути пешком. В следующем году Рей вернулся в устье

реки Коппермайн только для того, чтобы обнаружить, что туземцы обнаружили лодки и разбили их ради медных креплений. Поэтому ни о каком морском путешествии не могло быть и речи, и после перекрестного допроса эскимосов и осмотра берегов Земли Волластона в подозрную трубу он был вынужден вернуться в штаб-квартиру в форте Конфиденс.

Первые две попытки провести поиск в проливе Ланкастер-Саунд не увенчались заметным успехом. Сэр Джеймс Кларк Росс стартовал на "*Энтерпрайзе* и *Исследователе* и исследовал большую часть залива Принс-Риджент-Инлет и север Бутийского залива, но не получил никаких сведений о судьбе Франклина, в то время как в следующем году Сондерс, отправленный на "*Полярной звезде*" с провизией для Росса, попал под лед и так и не смог добраться до места назначения.

Однако в 1851 году поиски велись с гораздо большей энергией, и не менее пяти экспедиций почти одновременно покинули британские и американские берега. Из них правительство выслало два, один из которых состоял из четырех кораблей, *Решительный* и *Помощь*, с их паровыми тендерами, *Пионер* и *Бесстрашный* под командованием капитана Горацио Остина, под командованием капитана Оммани, лейтенанта Осборна и лейтенанта Катора, а другой из двух китобоев, *Леди Франклин* и *София*, под командованием Уильяма Пенни, китобоя с большой репутацией, который, как надеялись, добьется большего успеха. в борьбе со льдом он уступал своим предшественникам Россу и Сондерсу. Две частные экспедиции также отправились из Англии, одна из них, "*Принц Альберт*", была снаряжена леди Франклин, в то время как другая, "*Феликс*", находилась под командованием Росса. Американская экспедиция состояла из *Наступления* и *спасения* под командованием лейтенанта Де Хейвена.

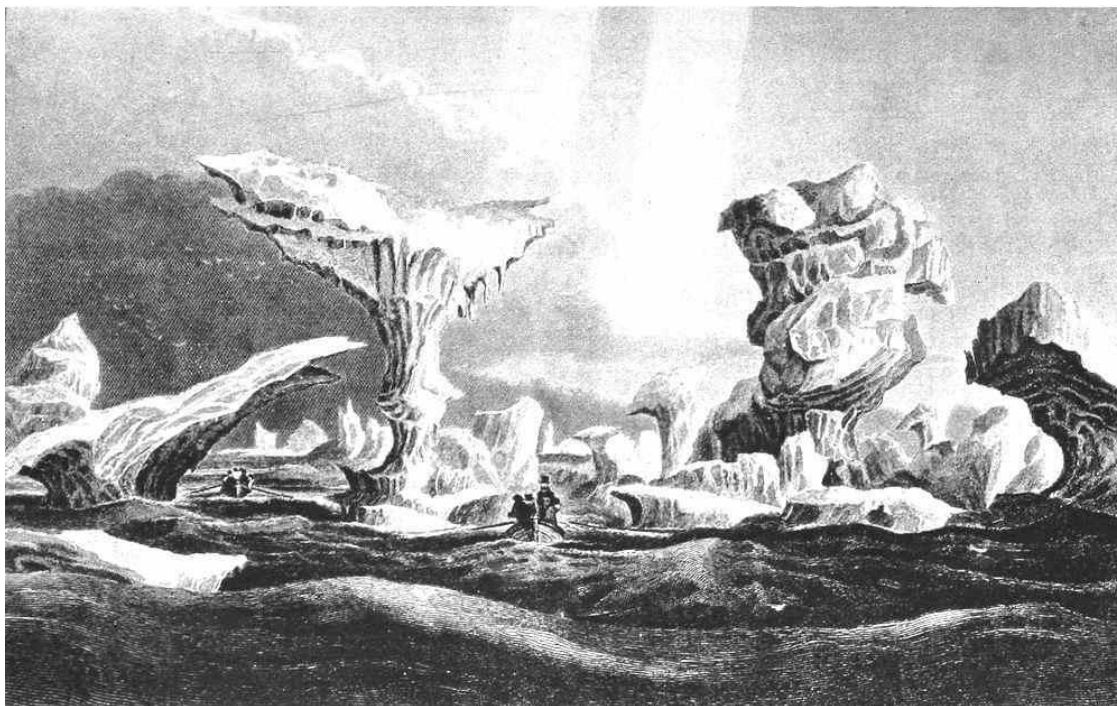
К сожалению, все эти экспедиции имели одну общую цель — пройти мимо пролива Ланкастер и исследовать берега канала Веллингтона, юго-восточного входа в который они достигли почти одновременно. Именно тогда были найдены первые следы пропавших исследователей, ибо, сойдя на берег на острове Бичи 23 августа, Оммани обнаружил признаки того, что там разбил лагерь отряд белых людей, а Пенни, осматривая это место четыре дня спустя, наткнулся на могилы четырех человек, принадлежавших к *Эребусу* и *Террору*. В дополнение к могилам там была хижина, несколько кусков веревки по образцу, используемому на флоте, и такой разный хлам, как рваные рукавицы, обрывки писчей бумаги, банки из-под мяса и мешки из-под угля, но, как они ни искали, они не могли найти никаких признаков какого-либо письменного документа, который мог бы дать какой-либо намек на направление, в котором Франклин покинул свои зимние квартиры. На мысе Райли следы снова были обнаружены в изобилии, но никакой сколько-нибудь ценной информации получено не было.

Оставив своих спутников следить за этими открытиями, Форсайт немедленно отправился обратно в Англию. Де Хейвен также намеревался вернуться домой, но вмешались льды, и американские корабли были прочно окружены еще до того, как покинули пролив Веллингтон. С этого времени их переживания были во многом похожи на те, что пережил *Террор*. Дрейфуя на север вместе со льдами, они были отнесены к Земле Гриннелла, которую раньше никто не видел, а затем, когда течение сменилось на южное, их понесло по каналу Веллингтона вдоль пролива Ланкастер и в Баффинов залив, пока, преодолев таким образом расстояние более тысячи миль, они, наконец, не были выпущены на свободу в июле.

Теперь остальным трем отрядам ничего не оставалось, как найти зимние квартиры, откуда они могли бы продолжить поиски, как только весна позволит им выслать санные отряды. Поэтому

"Леди Франклин", "София" и "Феликс" зашли в Вспомогательную бухту на южной оконечности земли Корнуоллис, в то время как Остин и его эскадра направились к острову Гриффит, где они замерзли в сентябре.

Особой обязанностью Пенни было исследовать берега пролива Веллингтон, и, как только худшая часть зимы миновала, они с Петерсеном отправились в путь с этой целью. Продвигаясь на север, они все больше и больше убеждались, что пролив ведет в большое открытое море, и они уже решили продолжить свои исследования в этом направлении, как только лето освободит корабли, когда, к их изумлению, обогнув мыс, они наткнулись на большой водный канал, простиравшийся по меньшей мере на двадцать пять миль к северу, а возможно, и дальше. Мчась обратно к кораблю со всей возможной скоростью, они раздобыли лодку и преуспели в том, чтобы перетащить ее по льду к месту своей находки. Однако, к сожалению, встречный ветер и дрейфующие льдины сделали невозможным дальнейшее движение, и они были вынуждены повернуть назад, не исследовав водный путь и его берега.

ЛОДКИ СРЕДИ ЛЬДОВ
С РИСУНКА КАПИТАНА БЭКА

Тем временем Остин с огромной энергией продолжал свою работу, и ему и его способному младшему офицеру Мак-Клинтоку должна принадлежать заслуга в доведении искусства катания на санях до более высокого уровня совершенства, чем когда-либо достигалось прежде. Осень была потрачена на создание складов провизии вдоль маршрутов, по которым предстояло следовать весной, и на исследование южных берегов Земли Корнуоллис в надежде, что там можно будет найти какие-нибудь следы Франклина. Была середина апреля, когда две большие санные партии под командованием Оммани и Мак-Клинтока отправились на поиски на юг и восток. Оммани открыл и исследовал северные берега Земли принца Уэльского, которая лежала на маршруте, по которому Франклину было поручено искать Северо-Западный проход. Однако он обнаружил, что море было настолько мелким, а лед таким старым, что "Эребус" и

"*Террор*" ни при каких обстоятельствах не могли приблизиться к берегам. За шестьдесят дней своего отсутствия на корабле он преодолел 480 миль и исследовал 205 миль нового побережья. Целью Мак-Клинтока был остров Мелвилл, который никто не посещал с тех пор, как там зимовал Пэрри, но, хотя он преодолел 770 миль за свой восемьдесят один день отсутствия, он не нашел никаких следов исследователей. Другие группы, отправленные с кораблей, совершили важные географические открытия, но что касается главной цели, то их усилия были столь же бесплодны, как и усилия двух больших санных экспедиций.

Как только лед тронулся, Пенни обратился к Остину с предложением, чтобы один из его паровых тендеров исследовал северную половину канала Веллингтон. Остин, однако, не думал, что это послужит какой-либо полезной цели, и, поскольку он не был готов провести еще одну зиму во льдах, вся эскадрилья вернулась домой.

Тем же летом "*Принц Альберт*", который, как следует помнить, отплыл домой с известием об обнаружении первых зимовий Франклина, снова отправился в путь под командованием капитана Кеннеди с французским волонтером лейтенантом Дж. Р. Белло в качестве заместителя командира. Именно в то время, когда он исследовал северные берега залива принс-Риджентс, карьера Кеннеди едва не подошла к безвременному завершению, поскольку вместе с четырьмя спутниками он оказался вдали от кораблей, и долгое время казалось, что у него не будет возможности воссоединиться с ней. К счастью, он обнаружил, что припасы, которые Росс оставил в Сомерсет-Хаусе в 1832 году, были в хорошем состоянии, и там он и его спутники оставались в течение шести недель, по истечении которых Белло удалось их спасти. Весной оба офицера совершили блестящее путешествие на санях, в ходе которого обнаружили, что Брентфордский залив на самом деле представляет собой пролив— который Кеннеди тут же назвал в честь своего спутника, и объехали все побережье Северного Сомерсета. Однако, несмотря на их усилия, они не напали ни на один след Франклина и его людей.

ГЛАВА XV

ПУТЕШЕСТВИЯ КОЛЛИНСОНА И Мак-КЛУРА

Следует помнить, что при организации поисков Франклина правительство решило направить экспедиции с трех сторон света: востока, запада и юга. Первая группа должна была следовать по следам Франклина, вторая - попытаться встретиться с ним через Берингов пролив, а третья - обыскать побережье Северной Америки в надежде, что он, возможно, нашел дорогу туда. Как мы уже видели, *вестник* и *зук* уже было отправлено до Берингова пролива, но власти сочли, что там было достаточно места для другой экспедиции в этом направлении, поэтому в 1849 году они вновь *предпринятия* и *следователь*, и, подставляя их под командованием капитана Ричарда Коллинсона, С. Б., и капитан Ж. Ле Mesurier м'Clure, они отправляли их на этой опасной службе. Хотя номинально Коллинсон был руководителем экспедиции, Макклур фактически стал ее центральной фигурой, и именно с его действиями нам предстоит в основном иметь дело.

Макклур был прекрасным моряком и человеком неукротимой отваги, но, как мы сейчас увидим, он обладал едва ли не в полной мере тем особым британским качеством, что никогда не

замечал, когда терпел поражение, и, как следствие, был близок к тому, чтобы пожертвовать жизнями каждого члена своей экспедиции.

Два корабля отплыли из Темзы 10 января 1850 года, но в начале февраля они расстались и больше не встречались, пока не достигли Магелланова залива, хотя, как ни странно, они пересекли границу в один и тот же день. Вечером того дня, когда они покинули Бухту, шторм разлучил их, и они больше никогда не встретились.

"Исследователь" был, пожалуй, лучшим кораблем из двух, и он вошел в Берингов пролив значительно раньше своего спутника. Здесь Макклүр встретился сначала с *Ржанкой* под командованием командера Мура, через которого он отправил домой в Англию сообщение о том, что направляется на Землю Бэнкса и запасся провизией на три года, а позже с *Геральдом*. Келлетт, командовавший последним кораблем, сказал ему, что о "*Энтерпрайзе*" пока ничего не слышно, и приказал ему ожидать ее прибытия в соответствии с его официальными инструкциями. Этот план, однако, никоим образом не понравился Макклүру, поэтому, просигналив в ответ: "Важное дело; не могу взять на себя ответственность", он отправился восвояси. Келлетту, без сомнения, следовало настоять на том, чтобы Макклүр подчинился приказу, но он находился в очень неловком положении. Он знал, что "*Исследователь*" направляется на помощь Франклину и что зимняя задержка может свести на нет его шансы на успех, и, вполне естественно, ему не хотелось брать на себя серьезную ответственность за то, чтобы помешать ей в ее гуманной работе.

Основная стая была замечена 2 августа, но Макклүру посчастливилось найти открытую воду к югу от нее, и вскоре он обогнул мыс Барроу и поплыл в водах, по которым раньше никогда не ходили корабли. Навигация была очень далека от легкой, так как море было покрыто отдельными льдинами, которые, подгоняемые ветром, обрушивались на корабль с огромной силой, заставляя его раскачиваться от носа до кормы и часто ставя под угрозу сохранность мачт.

Всякий раз, когда это было возможно, М'Клур отправлял группы на берег для возведения пирамид и установления связи с любыми туземцами, которых они могли найти. Из них он почерпнул одну ценную информацию, а именно, что они никогда раньше не видели такого "большого умиака", как *Следователь*. Таким образом, "*Эребус*" и "*Террор*" не могли достичь этих берегов.

После прохождения Обратного рифа навигация стала более опасной, чем когда-либо, из-за бесчисленных отмелей, состоящих из коряг и отложений соседних рек. Однажды "*Исследователь*" сел на мель и некоторое время пролежал в неминуемой опасности быть раздавленным дрейфующими льдинами в щепки. Со всей возможной скоростью щедрый запас провизии был перенесен на лодки, одна из которых, к несчастью, перевернулась, и шестнадцать бочонков с соленым мясом пошли ко дну. Позже эта потеря очень сильно ощущалась.

Плывя с большой осторожностью, Макклүру удалось достичь мыса Парри. Здесь поднялся юго-восточный ветер, который очистил море ото льда и открыл ему путь на север, чем он не замедлил воспользоваться. Через несколько часов раздался приветственный крик "земля по левому борту", и в поле зрения показалась Земля Бэнкса. Сначала были некоторые сомнения

относительно того, что это может быть за новая земля. Некоторые считали, что это продолжение Земли Волластона, другие считали, что это часть Земли Бэнкса. В своей неуверенности Макклюр дал ему название остров Бэринг, но когда позже выяснилось, что это южное продолжение суши, замеченное Парри с острова Мелвилл в 1819-20 годах, его первоначальное название, конечно, было сохранено.

Восторгу Макклюра не было предела, когда он обнаружил совершенно открытый канал, протянувшийся вдоль берегов новой земли в северо-восточном направлении. Он поплыл вверх по этому каналу, едва осмеливаясь надеяться на то, что на самом деле было правдой, - на то, что это был Северо-Западный проход. Однако его сомнениям не суждено было развеяться немедленно, на протяжении тридцати миль от того места, где ла-Манш соединяется с проливом Барроу, его путь был внезапно прегражден ледяным барьером, который невозможно было преодолеть, и все, что он мог сделать, это принять решение провести зиму там, где он был.

Первые дни октября принесли с собой крайне неприятное открытие: 500 фунтов мясных консервов протухли и их можно было только выбросить. Чуть позже проверка его запасов показала, что еще 424 фунта. были непригодны в пищу, в результате чего потери составили почти тысячу фунтов, в дополнение к шестнадцати бочонкам соленого мяса, которые упали в море ранее во время плавания. Дело было особенно серьезным, поскольку он заверил Адмиралтейство, что у него полностью хватит провизии на три года.

Однако ему ничего не оставалось, как заставить свою команду как можно быстрее забыть об этом несчастье, поэтому он приступил к отправке экспедиций вдоль берегов пролива принца Уэльского, как он назвал только что открытый им канал, и через Землю Бэнкса. Именно во время одного из них он действительно открыл Северо-Западный проход и таким образом заработал десять тысяч фунтов стерлингов, предложенные правительством. Это событие произошло 26 октября, когда Макклюр, поднявшись на высокий холм, обнаружил, что, как он и надеялся, Земля Принца Альберта уходит далеко на восток, в то время как Земли Бэнкса заканчиваются низким мысом примерно в двенадцати милях от точки, на которой он стоял. Вдали, за северным входом в пролив Принца Уэльского, он смотрел на замерзшие воды пролива Мелвилл, в который впадает пролив Барроу.

Темные зимние дни прошли без приключений, и с возвращением весны Макклюр решил отправить санные отряды на поиски Франклина. Мало кто из тех, чья судьба связана с более теплым климатом, может представить себе опасности и неудобства длительного путешествия на санях по арктическим регионам. Шерард Осборн хорошо знал их, и он дает им настолько красноречивое описание, что мы можем процитировать его для непосвященных.

“Если им станет холодно, ” пишет он, - они должны набраться терпения, потому что до возвращения на корабль у них не будет огня, чтобы согреться. Если их пересохшие языки прильнут ко рту, они должны будут глотать снег, чтобы утолить жажду, потому что воды там нет. Если их здоровье подведет, жалость - это все, что могут дать им товарищи, потому что сани должны ежедневно двигаться вперед. Если они голодны, они должны утешать себя надеждой на то, что по окончании путешествия их накормят получше, поскольку при путешествии в санях рацион обязательно взвешивается до унции. Короче говоря, с того момента, как они покидают корабль, и до возвращения на него служба всегда сопряжена со страданиями и лишениями, которые требуют предельной выносливости и самой ревностной энергии ”.

Были отправлены три отряда, которые обследовали берега Земель Бэнкса и принца Альберта, но их трудам было суждено остаться без награды, поскольку они не смогли обнаружить никаких следов пропавшей экспедиции.

Как только оттепель отпустила его, Макклюр, естественно, предпринял попытку достроить Северо-Западный проход. Однако льды и встречные ветры сделали для него невозможным проход через пролив Принца Уэльского, поэтому он развернулся и решил попытаться найти проход вокруг западного побережья Земли Бэнкса и таким образом войти в пролив Мелвилл. Сначала все шло хорошо, но когда он достиг широты. 73 ° 55', наивысшей точки, которой он когда-либо достигал, он снова остановился. Пролив в открытой воде становился уже, побережье - опаснее, и высокие ледяные холмы окружали их со всех сторон, угрожая кораблю мгновенной гибелью.

Одно время Макклюр опасался, что ему придется провести зиму в таком безлюдном месте, но, к счастью, поднялся южный ветер, который отогнал лед от берега и позволил ему продолжить свой путь. Недели драгоценного времени в стае были потрачены впустую, и теперь ему ничего не оставалось, как искать подходящее зимнее жилище, которое он в конце концов нашел в заливе Мерси.

Хотя, опасаясь, что его пребывание в арктических регионах может затянуться на неопределенный срок, Макклюр считал необходимым обеспечить своих людей довольно скудным пайком, зима прошла достаточно комфортно, и, как только наступила весна, он отправился с семью людьми через паковый лед к острову Мелвилл в надежде, что сможет найти еще одну поисковую экспедицию, размещенную там. К его сильному разочарованию, все, что он обнаружил, было записью Мак-Клинтока о его прошлогоднем визите. Больше никаких следов кораблей или людей не было. К счастью для себя, он оставил там записку с описанием должности *Следователя* в Мерси-Бей, и это в конечном итоге доказало его спасение.

Вернувшись на свой корабль, он обнаружил, что дела у его людей идут не слишком хорошо. Они, правда, довольно успешно охотились, но разразилась цинга, и на попечении доктора Армстронга уже находилось тринадцать пациентов. Однако худшее было впереди, поскольку июль не принес никаких признаков желанной оттепели. Залив все еще был скован льдами, толстый лед покрывал пролив, а в небе мерцало зловещее мерцание. В начале сентября мороз снова сковал залив, и несчастные поняли, что им суждено провести третью зиму во льдах.

Теперь Макклюр столкнулся с очень сложной проблемой. Во-первых, его гордость и чувство долга побуждали его спасти свой корабль, который все еще находился в идеальном состоянии. Во-вторых, он чувствовал, что вряд ли может просить своих людей остаться с ним в надежде на освобождение следующим летом. Его решение проблемы нельзя считать полностью удовлетворительным. Однажды в начале зимы, вызвав своих людей на шканцевую палубу, он сказал им, что решил, как только наступит весна, отослать половину команды двумя подразделениями. Один из них должен был направиться к устью пролива принца Уэльского, где он оставил лодку, а оттуда к побережью Америки, в то время как другой должен был направиться к каналу Веллингтона, где, как он надеялся, их подберет китобойное судно.

Армстронг знал, что люди совершенно непригодны для такого путешествия, и сказал об этом своему командиру в недвусмысленных выражениях, но без малейшего эффекта. Макклюр был неисправимым оптимистом, и его никогда нельзя было убедить в том, что его люди не способны

совершить невозможное, поэтому, стремясь обеспечить достаточно достаточный запас провизии для путешествующих групп, он еще раз урезал рационы. В результате вся команда жила в состоянии постоянного голода. Больным цингой становилось все хуже, а те, кто до настоящего времени оставался здоровым, быстро заболевали. Вдобавок к их неудобствам, зима была одной из самых холодных за всю историю наблюдений, и однажды термометр показал девяносто девять градусов мороза.

Несмотря на то, что его люди были непригодны для той службы, которую он для них задумал, Макклюр приступил к последним приготовлениям к экспедиции. Это было настолько необычно, что поразило даже доктора Армстронга, привыкшего к капризам своего руководителя, поскольку однажды Макклюр сообщил ему, что намерен уволить слабую половину команды с судна, и поручил ему произвести необходимый отбор. Армстронгу оставалось только сделать так, как ему сказали, и с опечаленным сердцем он отобрал тридцать самых раздражительных членов корабельной команды и разделил их на два отряда по пятнадцать человек в каждом. В качестве последнего протеста против того, что он, очевидно, считал чуть ли не убийством, он и его помощник мистер Пирс зафиксировали в письме свое убеждение в том, что эти люди не смогли бы пережить такое путешествие. Это, однако, возымело столь же слабый эффект, как и его более ранние представления.

В начале апреля мрак, царивший на корабле, усилился из-за первых признаков смерти: один из моряков, Джон Бойл, заболел цингой после всего лишь одного дня болезни. К счастью, однако, вскоре тучи должны были рассеяться, потому что, пока Макклюр и лейтенант Хасвелл руководили работой по вырубке могилы для Бойла в мерзлой земле, они были поражены, увидев странного человека, идущего к ним по льду. Насколько они могли судить, он не был членом их собственной команды, и их изумление возросло, когда он начал метаться по льду, размахивая руками и дико крича.

- Во имя Всего Святого, кто вы такой? - воскликнул Макклюр, когда подошел на расстояние голоса.

- Я лейтенант Пим с "*Решительного*", сейчас на острове Дили, - последовал ответ, - и я пришел сменить капитана Макклюра и *следователей*.

Сначала люди не могли поверить своим ощущениям, но все сомнения рассеялись, когда появились сани Пима с двумя сопровождавшими его мужчинами и запасом провизии. Казалось, что запись Макклюра в Уинтер-Харбор была найдена, и что Келлетт, опасаясь, что *Следователь* может все еще оставаться под стражей во льдах, отправил "Пим", как только позволили условия, чтобы доставить помощь его команде, если она им понадобится. Путешествие длилось целый месяц, и он прибыл как раз вовремя, потому что два или три дня спустя несчастные санные отряды должны были тронуться в путь, осуществляя свою безнадежную надежду.

8 апреля Макклюр в сопровождении офицера и шести человек отправился в обратный путь к *Резолюту*, приказав двум санным отрядам следовать за ним. Однако по какой-то необъяснимой оплошности он не обеспечил оставшихся людей полноценным пайком, и в результате погибло еще две жизни.

Даже сейчас чрезмерный оптимизм Макклюра не покинул его, и, добравшись до "*Решительного*", он сказал Келлетту, что двадцать человек, все еще находящихся на борту

"Исследователя", вполне в состоянии доставить его домой или, при необходимости, пережить еще одну зиму во льдах. Келлетт, однако, видел состояние людей, составлявших санный отряд, и был совершенно не склонен соглашаться с доблестным капитаном по этому поводу. Соответственно, он распорядился, чтобы его собственный хирург, доктор Домвилл, отправился к *исследователю*, присоединившись к доктору Армстронгу в медицинском обследовании экипажа, составил беспристрастный отчет об этом. Результат мог быть только один. Два врача обнаружили, что ни один из мужчин не был полностью свободен от цинги, в то время как многие из них были очень серьезно больны. Макклюр, однако, ни в коем случае не был расположен сдаваться без борьбы. Соответственно, он созвал матросов на палубу и спросил, готов ли кто-нибудь из них добровольно продолжить службу. Только четверо из них выступили вперед, так что ему пришлось смириться с неизбежным.

Судно было вымыто и приведено в тщательный порядок, и после того, как Макклюр осмотрел его в последний раз и сказал несколько слов матросам, которые, по словам Армстронга, были не особенно лестными, *Исследователь* был оставлен 3 июня. Лейтенант Крессуэлл и несколько членов экспедиции присоединились к "*Полярной звезде*" на острове Бичи, и, наконец, были доставлены в Англию ее превосходительством *Фениксом* летом 1853 года. Тем, кто остался на борту "*Решительного* и *Бесстрашного*", было суждено провести еще одну зиму во льдах, но в конце концов они благополучно добрались домой осенью 1854 года. Сами корабли, однако, пришлось бросить, а экипажи перевели на борт "*Полярной звезды*", которая все еще находилась по соседству.

Следует отметить, что в мае 1854 года, партия была отправлена из *решительных* сообщить о состоянии *следователя* в милости залива. Судя по состоянию льда, судно не было освобождено в течение лета и что Макклюр и его люди погибли бы, если бы остались на борту.

Экспедицию, хотя она и привела к открытию Северо-Западного прохода, нельзя считать полностью успешной. Следует помнить, что он был отправлен для участия в поисках Франклина, а не для пополнения мирового запаса географических знаний. Берег Земли Бэнкса был обследован, это правда, но если бы Макклюром не овладело такое сильное желание совершить переход самому, он, вероятно, добился бы гораздо большего.

Путешествие Коллинсона на "*Энтерпрайзе*", пусть и менее сенсационное, чем путешествие Макклюра, на самом деле было гораздо более примечательным не только из-за блестящей манеры, с которой он его провел, но и из-за того факта, что, хотя он и не знал об этом, он был первым из поисковых групп, кто приблизился к месту, где были потеряны "*Эребус* и "*Terror*".

Проходя мимо мыса Лисберн на две недели позже Макклюра и не зная, куда отправился *Исследователь*, он обследовал стаю на небольшом расстоянии, а затем отплыл на юг, в Гонконг, где провел зиму. Как только позволили условия, он вернулся на место своих трудов и в последний день июля обогнул Пойнт-Барроу. Войдя в пролив принца Уэльского, ему удалось пройти по нему почти до устья, но, поскольку он уже узнал из записи, оставленной Макклюром, что его младший офицер обнаружил Северо-Западный проход и, следовательно, не было смысла продолжать движение в этом направлении, он снова повернул на юг и нашел зимовье в заливе Уокер.

Осенью и весной были отправлены санные экспедиции на поиски *исследователей* и попытки обнаружить следы Франклина, но ни в том, ни в другом случае они не увенчались успехом.

"Энтерпрайз" был спущен на воду в августе 1852 года, и, исследовав пролив Принца Альберта, Коллинсон взял курс на восток вдоль побережья Америки и в конце концов достиг восточной оконечности пролива Диз, где провел следующую зиму.

Именно во время санной экспедиции следующей весной он ближе всего подошел к обнаружению останков экспедиции Франклина, поскольку 10 мая он стоял на острове Гейтсхед и смотрел через пролив на Землю Кинг-Уильяма, где лежали скелеты погибших моряков. Если бы Макклюр только счел нужным остаться со своим предводителем, можно было бы добиться большего, поскольку можно было бы выслать более сильные санные отряды и более тщательно обследовать эту часть побережья. Более того, на борту "Исследователя" был единственный переводчик, которым располагала группа, и, как следствие, Коллинсон не смог узнать о происхождении стержня двигателя, который он получил от туземцев. Конечно, практически несомненно, что это была реликвия одного из злополучных кораблей, как и люк, найденный на острове Финлейсон.

Освободившись из зимних квартир, Коллинсон снова повернул на запад и провел свою последнюю зиму в арктических регионах у острова Флаксмана, откуда в следующем году вернулся в Англию.

Его путешествие, несомненно, было одним из самых замечательных за всю историю освоения Арктики. На не слишком качественном паруснике ему удалось преодолеть расстояние за полярным кругом, которое было преодолено лишь однажды, и то на пароходе "Berg". Он приблизился на расстояние пятидесяти семи миль к завершению Северо-Западного прохода, ближайшего из известных подходов; и из всех отправленных правительством экспедиций он ближе всех подошел к успешному завершению поисков Франклина. Его имя должно занять высокое место в анналах арктических путешествий, и следует опасаться, что он так и не получил по заслугам.

ГЛАВА XVI БЕЛЧЕР И ПОИСКИ ФРАНКЛИНА

Теперь мы подходим к одной из самых странных глав во всей истории поисков Франклина. То, что экспедиция сэра Эдварда Белчера, последняя и во всех отношениях наиболее полно оснащенная правительством, потерпела фиаско, отрицать совершенно невозможно. В то время общественное мнение по этому поводу было очень высоким, и Белчер стал объектом большого порицания, вероятно, большего, чем он на самом деле заслуживал. Однако тот факт, что пять ценных кораблей были брошены, по-видимому, без необходимости, что не было найдено ни единого следа Франклина и что поиски были прекращены, хотя область их проведения была настолько сужена, что направление, в котором двигалась пропавшая экспедиция, было практически достоверным, естественно, терзал сердца британских налогоплательщиков. Сам Белчер тоже подлил масла в огонь, написав на редкость бессмысленный отчет о своих путешествиях, который в основном состоит из историй, иллюстрирующих его собственную сверхъестественную проницательность.

Мы не собираемся подробно останавливаться на монументальных работах Белчера, большая часть которых, действительно, абсолютно непонятна обычному уму; но в них есть одна или две жемчужины, которые следует сохранить.

Он воображал себя счастливым обладателем, среди прочего, чудесного дара пророчества, очень близкого, как он наивно замечает, к колдовству. В подтверждение этого утверждения он упоминает следующий инцидент в своем дневнике.

“Сегодня я был настолько доволен тем, что из Келлетта должны были прибыть сани (если он существовал), что я твердо намеревался, когда хозяин доложит о полудне, попросить его прислать человека осмотреть холм. Это ускользнуло от меня, поскольку в тот момент я был занят другими делами; но вошел мой клерк и доложил: “Собаčky упряжки почти рядом, сэр!” мой ответ, вызванный тем, что тогда происходило у меня в голове, был очень коротким и без эмоций: “Я знаю это”, что несколько удивило его.” В скобках мы можем отметить, что это очень яркий пример стиля автора, а также его дара пророчества.

Здесь также есть восхитительный отрывок, в котором представлены несколько бычков самых изысканных размеров. “Я поднялся на холм, где по моему приказу была построена пирамида из камней; возможно, ее сочли слишком крутой для младшей крови; мы построили три, *один был домом*, два других были построены мной — последний находился на *недоступной* вершине Тру Стар Блафф - и без присмотра. Я должен сказать, что я бы не *приказал это сделать никому, кроме добровольца*”. Курсив наш; английский, однако, полностью принадлежит сэру Эдварду Белчеру.

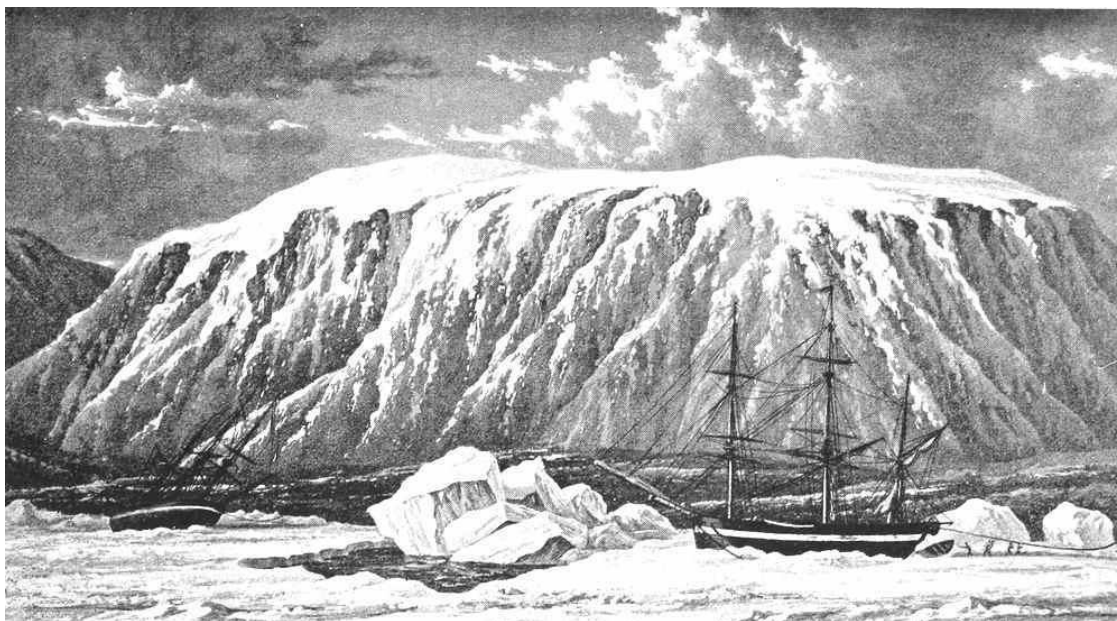
Но мы должны вернуться к самой экспедиции, удержавшись от соблазна привести еще несколько примеров бессознательного юмора ее руководителя. Правительство, очевидно, было настроено не оставить камня на камне, чтобы сделать его как можно более полным. Активную поисковую работу должны были вести четыре корабля: “*Помощь*” командера Г. Х. Ричардса; “*Решительный*” капитана Генри Келлетта; “*Пионер*” лейтенанта Шерарда Осборна; и “*Бесстрашный*” командера Ф. Л. Макклинтока. В дополнение к ним экспедиции был предоставлен складской корабль “*Полярная звезда*” под командованием лейтенанта Пуллена. План кампании должен был быть следующим: по достижении западной оконечности пролива Ланкастер эскадра должна была разделиться на две части. *Assistance* и его тендер, *Pioneer*, должны были посвятить свое внимание каналу Веллингтона, в то время как *Resolute* со своим тендером, *Intrepid*, должны были посетить остров Мелвилл и исследовать острова Парри. По какой-то причине, известной только им самим, арктический комитет решил, что продолжать поиски к югу от этих регионов бесполезно.

Место встречи на острове Бичи было достигнуто без приключений, и две дивизии немедленно разошлись в разных направлениях, оставив “*Полярную звезду*” позади. Келлетт с “*Решительным*” и “*Бесстрашным*” направился напрямик в Зимнюю гавань, которую он намеревался сделать своей штаб-квартирой. Однако он был разочарован, обнаружив, что она полностью покрыта льдом, и вследствие этого был вынужден пришвартовать свои корабли в бухте между островом Дили и материком, которая, как оказалось, превосходно отвечала его целям. Как только были завершены приготовления к зиме, началась работа по отправке санных партий. Ему повезло, что под его командованием находилось несколько отличных офицеров,

среди которых были лейтенанты Мэчем, Бедфорд Пим и Гамильтон, помощник капитана мистер Нерес, командовавший великой полярной экспедицией 1875 года, и Де Брей, французский доброволец. Короткие осенние дни были потрачены не на серьезную работу по поиску, а на создание складов провизии в местах, где, как считалось, они были бы наиболее полезны в длительных весенних путешествиях, и именно во время одного из таких путешествий Мэчем посетил Уинтер-Харбор и нашел бумагу, которую Макклюр оставил там весной того же года, фиксируя задержание *Следователя* в заливе Мерси и открытие Северо-Западного прохода.

Зима прошла достаточно безоблачно, но как только появились первые признаки наступления весны, на корабле вовсю шла подготовка к санным путешествиям. Одним из первых был отправлен тот, который лейтенант Бедфорд Пим провел в поисках *Следователя*, но поскольку мы уже говорили об этом, нет необходимости снова останавливаться на нем здесь. Также мало что можно сказать о партиях, возглавляемых Макклинтоком из "*Бесстрашного*" и Мэчем и Гамильтоном из "*Решительного*". Тщательно исследовав острова Парри, они значительно пополнили мировой запас знаний об этих регионах, но одно путешествие на санях по арктическим регионам имеет очень сильное семейное сходство с другим, и они ничем существенным не отличались от своих предшественников. Однако некоторое представление об энергичности, с которой продвигалась работа, можно составить из следующих цифр. Осенью и весной Макклинток, величайший из всех арктических санников, преодолел 1661 миль за 145 дней, Мехам - 1375 миль за 117 дней, Рош - 1039 миль за 79 дней, Нарес - 980 миль за 94 дня, Домвиль - 739 миль за 77 дней и Де Брей - 642 мили за 62 дня. В общей сложности различные отряды преодолели около 8558 миль, большую часть из которых никогда раньше не пересекал белый человек.

В начале августа 1853 года лед начал таять, и Келлетт, понимая, что в этих краях больше ничего нельзя сделать для поисков Франклина, решил отплыть к острову Бичи. Однако ему не суждено было продвинуться очень далеко, потому что 9 сентября корабли попали в стаю и вскоре так прочно увязли в ней, что, во всяком случае, в течение этого сезона не было никакой перспективы спастись. Перспектива, однако, не была обнадеживающей, поскольку лед, некоторое время дрейфовавший на восток, вскоре стал неподвижным, и Келлетт оказался в положении, которое указывало на ранний побег следующим летом. Это, конечно, разочаровывало, особенно тех членов *команды "Исследователя"*, которые находились на борту, но, поскольку им посчастливилось заполучить достаточный запас дичи, перспективы умереть с голоду не было.

"БЫСТРО ВО ЛЬДАХ"
ИЗ НАБРОСКА ЛЕЙТЕНАНТА. БИЧИ

Ранней весной 1854 года Келлетт решил отправить три санных отряда: один под командованием Краббе - доложить о состоянии *исследователя*, другой под командованием Гамильтона - установить связь с сэром Эдвардом Белчером, а третий под командованием Мехам - исследовать острова принцессы Королевской в проливе принца Уэльского. Из этих трех последний был, безусловно, самым примечательным. Столкнувшись с огромными трудностями, Мечам и его люди добрались до островов Принцессы Королевы, и там они нашли записи, оставленные капитаном Коллинсоном с *Энтерпрайза*, с которого, как известно, начинал, но вскоре был разлучен с *Исследователем*. Из этих записей они узнали, что Коллинсон прошел вверх по проливу до мыса Пил, повернул обратно и провел зиму 1851-52 годов в лат. $71^{\circ} 36'$ Северной широты, протяженность. $117^{\circ} 41' W$. Далее в записях говорилось, что северный и южный берега Земли принца Альберта были тщательно исследованы, что несколько групп посетили Пойнт Хирн на острове Мелвилл и что корабль отплыл с целью исследовать пролив, который, как предполагалось, отделял Землю принца Альберта от Земли Волластона. Получив эти разведданные, Мехам решил немедленно вернуться на "*Резолют*". Однако, достигнув острова Дили, он получил приказ направляться на остров Бичи, что он, соответственно, и выполнил, прибыв туда 12 июня после необычного 70-дневного путешествия, в течение которого он и его люди преодолели 1336 миль.

Теперь пришло время вернуться к судьбе сэра Эдварда Белчера и *Помощи*. Следует помнить, что когда Келлетт отплыл на запад, Белчер и два его корабля повернули на север с намерением исследовать пролив Веллингтон. Удача улыбнулась им, и они без труда прошли сначала вверх по Веллингтону, а затем через пролив Королевы к проливу Нортумберленд, на западной стороне полуострова Гриннелл. Вскоре Белчер оказался у входа в Полярное море, и результатом его путешествия стало открытие канала Белчера, который соединяет канал Королевы с проливом Джонса. Однако он не стал углубляться в свои изыскания, поскольку, получив депеши, сообщавшие ему о спасении *Исследователей*, он внезапно повернул назад, предположительно с намерением перехватить Келлетта на острове Бичи. Ему не удалось

достичь предполагаемого пункта назначения, поскольку примерно в пятидесяти милях от устья пролива Веллингтон "*Помощь* застряла во льдах.

В начале сентября Шерард Осборн отправился с депешами на остров Бичи. По возвращении он принес известие о прибытии его превосходительства "*Феникса*" под командованием капитана Инглфилда и о печальной смерти лейтенанта Белло, который добровольно пошел служить на "*Фениксе*", который был отправлен с дополнительными припасами для "*Полярной звезды*". Белло, как оказалось, отправился за *Помощью* с рядом официальных писем для сэра Эдварда Белчера. По дороге, двигаясь по льду, он внезапно и полностью исчез, и предполагалось, что он встретил свою смерть, соскользнув в расщелину между двумя торосами.

Зимой Белчер поддался очередному приступу пророчества, в ходе которого он предвидел, что вскоре получит приказ из Англии покинуть свои корабли и как можно скорее отправиться домой. Соответственно, он решил предвосхитить эти команды и немедленно приступил к подготовке к выходу с судов весной. Его приказы обрушились на офицеров как гром среди ясного неба. Понятия не имея, что он замышляет какой-либо подобный шаг, они тщательно запаслись провизией, и, поскольку их люди в целом были в отличном состоянии, они не видели причин, по которым нельзя было бы попытаться освободить корабли летом. Белчер, однако, твердо веривший в свой пророческий инстинкт, был столь же непреклонен, и ничто из того, что они могли сказать, не могло сдвинуть его с намеченной цели. Соответственно, в начале мая четыре корабля были приведены в порядок, и экипажи, горько сожалея о шаге, на который они были вынуждены пойти, попрощались с ними в последний раз. В соответствии с приказом Белчера они встретились на "*Полярной звезде*" на острове Бичи, и там их в конце концов нашли два транспортных корабля, "*Феникс*" и "*Талбот*".

Оставление этих пяти судов вызвало в стране много неприятных ощущений. Это не только повлекло за собой серьезные финансовые потери, по-видимому, без необходимости, но и отбило у правительства охоту предпринимать какие-либо дальнейшие шаги по выяснению судьбы Франклина и его экспедиции. В середине октября был созван военный трибунал с целью тщательного рассмотрения этого дела. Макклюра и Келлетта впервые судили по обвинению в том, что они бросили *Следователя* и *Резолют*, но они, естественно, были оправданы, поскольку смогли доказать, что действовали по приказу своего вышестоящего офицера. Адмирал Гордон, председатель суда, вернул им мечи с различными изящными комплиментами. Сэр Эдвард Белчер также был оправдан, но с подразумеваемым упреком, на который указывало возвращение его меча в гробовом молчании.

Большинство кораблей больше никто не видел. "*Резолют*", однако, проплыл 1000 миль через пролив Барроу, пролив Ланкастер и Баффинов залив и в конце концов был обнаружен у мыса Дайер капитаном Дж. М. Баддингтоном, американским китобоем. Баддингтон благополучно доставил судно в порт Нью-Лондона Соединенных Штатов, где оно было немедленно куплено американским правительством за 40 000 долларов. Затем она была переоборудована, корабельные склады, флаги, офицерские библиотеки и другие принадлежности были возвращены на свои первоначальные места, и она была представлена королеве и народу Великобритании в знак доброй воли со стороны американской нации.

ГЛАВА XVII

ПУТЕШЕСТВИЯ РЕЙ В 1851-53 ГОДАХ

Рей проявил такие способности, действуя совместно с сэром Джоном Ричардсоном, что правительство посчитало, что не может поступить лучше, чем доверить ему проведение следующей экспедиции, поэтому они попросили сэра Джорджа Симпсона воспользоваться его услугами и поручили ему продолжить поиски Франклина в 1851 году любым способом, который он сочтет наилучшим, только оговорив, что путешествие должно быть совершено на лодке.

С большим трудом ему удалось построить две небольшие лодки на озере Грейт-Медвежий, и после предварительной санной экспедиции на Землю Волластона, в ходе которой он преодолел не менее 1100 миль за тридцать один день, 15 июня 1851 года он приступил к серьезной работе года со станции снабжения на реке Кендалл, куда для встречи были доставлены лодки. Пройдя через пролив Диз, он вскоре достиг мыса Колберн и немедленно приступил к обследованию восточного побережья земли Виктория, большая часть которого никогда прежде не посещалась цивилизованным человеком. Однако через некоторое время его лодки пришлось бросить, так как сильный северный шторм и плотный лед сделали невозможным их использование, и он почувствовал, что ему будет лучше, если он продолжит свое путешествие пешком. Однако неровные известняковые обломки, которыми был покрыт берег, делали этот способ передвижения чрезвычайно утомительным, и, не добившись большего успеха в глубине страны, он был вынужден повернуть обратно после достижения лат. длина $70^{\circ} 03. 101^{\circ} 25$, таким образом, хотя он и не знал этого, достигнув более высокой широты, чем та, на которой были оставлены "*Эребус* и "*Террор*".

По дороге домой он нашел стойку лодки и конец небольшого флагштока с прикрепленным к нему куском веревки в виде петли, которые, как он справедливо предположил, были реликвиями экспедиции Франклина.

Он вернулся в форт Конфиденс, расположенный на восточной оконечности Большого Медвежьего озера, без приключений, после блестящего путешествия, в ходе которого он исследовал 725 миль неизвестной береговой линии в землях Волластон и Виктория. За эту заслугу Королевское географическое общество наградило его золотой медалью основателя.

Его следующее путешествие было предпринято не как правительственный агент, а как служащий Компании Гудзонова залива, и его миссией было исследовать западное побережье Бутии, о котором в то время было известно очень мало.

Его первой целью была его старая штаб-квартира в Рипалс-Бэй, и туда он отплыл в августе. Такая перспектива была рассчитана на то, чтобы наполнить опасениями сердце менее отважного исследователя, чем Рей. Погода, во-первых, была неблагоприятной для рыбалки и охоты. Во-вторых, не было найдено ни следа эскимоса, из чего он заключил, что дичи сейчас не так много, как во время его последнего визита в Репалс-Бей. Вследствие этого он начал испытывать серьезные сомнения относительно возможности провести там зиму, поскольку, придерживаясь мнения, что местность всегда должна обеспечивать путешественника, он захватил с собой провизии только на три месяца и полагался на свои ружья и сети, чтобы восполнить недостаток. Следовательно, он не считал себя вправе просить своих людей разделить с ним опасности арктической зимы против их воли, поэтому он собрал их вместе, подробно рассказал им, как обстоят дела, и спросил, останутся ли они там или вернутся. Их

уверенность в своем лидере была такова, что они все до единого вызвались остаться там, где были. К счастью для них, погода немного улучшилась, и к концу сентября они запаслись достаточным количеством провизии и топлива, чтобы продержаться до периода весенних миграций оленей.

В последний день марта Рей и четверо мужчин отправились в великое весеннее путешествие, которое, как они надеялись, приведет их через полуостров Бутия от залива Пелли к рекам Кастор и Поллукс, а оттуда на север вдоль западного побережья Бутии до пролива Беллот, соединив таким образом открытия Симпсона с открытиями Кеннеди. Они путешествовали около трех недель, когда случайно наткнулись на эскимоса, от которого получили первые известия о судьбе Франклина. Эту историю, пожалуй, лучше всего передать собственными словами Рей:—

Этот человек был очень общительным, и на обычные вопросы о том, видел ли он раньше белых людей или какие-либо корабли или шлюпки, он ответил отрицательно; но сказал, что группа “каблунцев” (белых) умерла от голода на большом расстоянии к западу от того места, где мы тогда находились, и за большой рекой. Он заявил, что не знает точного места, что он никогда там не был и что он не может сопровождать нас так далеко”.

Суть полученной тогда и впоследствии информации сводилась к следующему:—

Весной, четыре зимы назад (1850 г.), в то время как несколько эскимосских семей убивали тюленей у северного берега большого острова, названного на картах Эрроусмита Землей Короля Уильяма, были замечены сорок белых мужчин, которые шли компанией на юг по льду и тащили за собой лодку и сани. Они проходили вдоль берега вышеназванного острова. Никто из участников экспедиции не говорил на эскимосском языке настолько хорошо, чтобы его можно было понять; но по знакам туземцев можно было предположить, что корабль или корабли были раздавлены льдами и что затем они направлялись туда, где рассчитывали найти оленей для охоты. Судя по внешнему виду людей (все они, за исключением одного офицера, тянули сани на веревках и выглядели исхудавшими), предполагалось, что им не хватает провизии, и они купили у туземца маленького тюленя или кусочек тюленьей нерпы. Офицер был описан как высокий, плотный мужчина средних лет. Когда их дневное путешествие закончилось, они разбили палатки для отдыха.

Позднее, в тот же сезон, но до таяния льда, на континенте были обнаружены трупы примерно тридцати человек и несколько могил, а также пять трупов на острове неподалеку от него, примерно в долгом дне пути к северо-западу от устья большого ручья, который не может быть ничем иным, как Великой Рыбной рекой Бэк, поскольку ее описание и описание низкого берега в окрестностях Пойнт-Огл и острова Монреаль в точности совпадают с описанием сэра Джорджа Бэк. Некоторые тела находились в палатке или шатрах, другие - под лодкой, которая была перевернута, чтобы образовать укрытие, а некоторые лежали разбросанными в разных направлениях. Предполагалось, что один из тех, кого видели на острове, принадлежал офицеру (старшине), поскольку за плечами у него висела подзорная труба, а под ним лежало двуствольное ружье. Судя по изуродованному состоянию многих тел и содержимому котлов, очевидно, что наши несчастные соотечественники были вынуждены прибегнуть к последней ужасной альтернативе — каннибализму - как средству поддержания жизни. Несколько несчастных мужчин, должно быть, дожили до прибытия дикой птицы (скажем, до конца мая), поскольку были слышны выстрелы, а рядом с местом печального события были замечены свежие кости и перья гусей.

“По-видимому, здесь имелся обильный запас боеприпасов, поскольку туземцы высыпали порох в кучу на земле, а некоторое количество дробы и пуль было найдено ниже отметки прилива, вероятно, оставленных на льду недалеко от пляжа до начала весеннего таяния. Должно быть, там было много телескопов, ружей (некоторые из них двустольные), часов, компасов и т. Д., Все это, по-видимому, было разбито, поскольку я видел куски этих различных предметов у туземцев, и я купил как можно больше, вместе с несколькими серебряными ложками и вилками, орденом “За заслуги” в форме звезды и маленькой табличкой с выгравированным “Сэр Джон Франклин, К.К.Б.””

Следует упомянуть, что на этих ложках и вилках были гербы и инициалы примерно пятнадцати членов экспедиции.

Насколько удалось выяснить Рей, туземцы не видели никаких следов кораблей, и всякий раз, когда их расспрашивали о них, они всегда возвращались к “*Виктори*”, которая была брошена Россом в заливе Бутия в 1832 году. “Моей главной причиной,” пишет он, - полагать, что ни один из кораблей не был найден, был тот факт, что в 1854 году эскимосы были настолько бедны в древесине, что, хотя у них было много тюленьих шкур для изготовления своих маленьких охотничьих каноэ, у них не было дерева для каркасов. Теперь, поскольку 1846 год прошел через четырнадцать лет после того, как было брошено судно Росса, и поскольку 1854 год, по словам эскимосов, был всего через четыре года — фактически через шесть лет — после того, как были брошены корабли Франклина, вероятность того, что если бы эти корабли или хотя бы один из них были найдены, у туземцев было бы по крайней мере столько же древесины в 1854 году, сколько и в 1847 году. Свидетельства экспедиции *Фокса* 1854 года, как правило, подтверждают эту идею, поскольку не было найдено никаких больших деревянных саней, и не было замечено дерева размером больше, чем могло бы быть добыто из кия лодки.... Я снова и снова расспрашивал эскимосов Репалс-Бей о том, был ли найден какой-нибудь из кораблей умирающих от голода белых людей, но они ничего не могли мне сказать и всегда возвращались к истории о *Победе*, утверждая, что это было единственное судно, с которого добыли древесину. Я все еще верю, что это был тот самый корабль, о котором эскимосы говорили с Макклинтоком в 1859 году, и что они скрыли место крушения, чтобы он не захотел туда отправиться.... Я могу добавить, что белые люди, когда эскимосы видели их живыми, знаками и парой эскимосских слов давали им понять, что они направляются на материк (ну-на) стрелять оленей (тук-тук).... Эскимосы также отметили, что любопытно, что сани были замечены вместе с группой во время путешествия, но ни одного не было видно там, где были убитые, хотя лодка или шлюпки остались. Я указал им, что белым людям, приблизившимся к устью Большой Рыбной реки, потребуется их лодка, чтобы подняться по ней вверх, но поскольку им больше не нужны были сани, они могли сжечь их в качестве топлива. Выражение разума сразу же осветило их лица, и они сказали, что могли бы это сделать, потому что там были пожары.... Они сказали также, что были замечены перья гусей, так что они, вероятно, подстрелили некоторых из этих птиц — свидетельство того, что кто-то из группы, должно быть, дожидаясь начала июня, даты, когда гуси прилетают так далеко на север.... Что поразило меня в то время, как поражает и до сих пор, так это огромная ошибка, допущенная партией Франклина в попытке спастись отступлением на территории Гудзонова залива. Мы могли бы подумать, что ужасные страдания, которым подверглись Франклин и его спутники, Ричардсон и Бэк, во время предыдущего короткого путешествия по этим бесплодным землям, удержали бы неопытных людей от попытки совершить подобное, когда для них был открыт хорошо известный маршрут к Фьюри-Бич, безусловно, более доступный, чем любое из поселений Компании Гудзонова залива, и по

которому россы бежали в 1832-1833 годах. Расстояние от их кораблей до пляжа Фьюри было ненамного больше, чем от того места, где было оставлено судно Росса, и Франклин и его офицеры должны были знать, что огромный запас провизии все еще оставался в том месте, где затонул "Фьюри", и где даже в 1859 году все еще оставался огромный запас консервированных овощей, супов, табака, сахара, муки и т. Д. (Гораздо больший запас, чем можно было найти на многих торговых постах Гудзонова залива); кроме того, люди были бы на прямом пути поисковых партий или китобои. Грубо измеренное расстояние до Фьюри-Бич от места, где были брошены корабли, настолько близко, насколько это возможно, совпадает с расстоянием между кораблями и истинным устьем Грейт-Фиш-Ривер, или около 210 географических миль по прямой. Если бы отступление на Фьюри-Бич было решено, необходимости в буксировке тяжелых лодок можно было бы избежать, поскольку в течение предыдущего сезона (1847 года) туда можно было бы отправить небольшой санный отряд, чтобы убедиться, что провизия и лодки на складе в безопасности и доступны. Успешное выполнение такого путешествия не должно было составить труда для экспедиции, состоящей из 130 человек, которые, согласно записи, найденной Макклинтоком в 1859 году, весной 1847 года были в полном порядке".

Эти открытия Рея были, конечно, всего лишь побочными и не имели никакого отношения к главной цели его путешествия, которым было исследование западного побережья Бутии. Соответственно, он устоял перед сильным искушением более подробно расспросить о судьбе Франклина и продолжил работу, которая была у него в руках. К несчастью для него, у него не было с собой ни саней, ни эскимосов, которые могли бы оказать ему помощь, поскольку туземцы, которые принесли ему уже подробные новости, вскоре покинули его; вследствие этого он был сильно искалечен, и естественно трудное путешествие стало еще более трудным. Однако ценой огромных усилий ему удалось добраться до самого дальнего места Симпсона на реке Кастор и Поллукс. Оттуда, в соответствии с полученными инструкциями, он повернул на север с целью добраться до пролива Белло, связав таким образом воедино открытия Симпсона и Кеннеди. Однако в Пойнт-де-ла-Гиш он был остановлен туманом и снегопадом, и вскоре стало очевидно, что он не может попытаться добраться до пролива, не подвергая опасности жизни своей группы. Соответственно, 7 мая он повернул назад и, наконец, достиг залива Репалс 26 мая после блестяще успешного путешествия, в ходе которого он не только добавил много миль береговой линии на карту, но и получил первые достоверные известия о судьбе Франклина, за что был награжден 10 000 фунтов стерлингов, предложенными правительством.

ГЛАВА XVIII

Макклинток И "ЛИСА"

Новость, которую привез домой Рей, естественно, вызвала величайший переполох в Англии, и было высказано мнение, что следует немедленно предпринять шаги, чтобы выяснить, удалось ли кому-нибудь из незадачливых исследователей добраться до территорий Компании Гудзонова залива. К сожалению, Крымская война в то время отнимала все ресурсы нации, и правительство, соответственно, обратилось к Компании Гудзонова залива с просьбой направить еще одну экспедицию для обследования окрестностей Грейт-Фиш-Ривер. В ответ на это обращение мистер Джеймс Андерсон, исполнительный директор Компании, был отправлен

на службу, но, поскольку ему не удалось обнаружить никаких ценных улик, его поездка не должна задерживать нас здесь.

После этой неудачи правительство было не в состоянии предпринимать какие-либо дальнейшие шаги в этом вопросе, утверждая — и нельзя отрицать, что на их стороне были определенные доводы, — что практически невозможно, чтобы кто-либо из участников экспедиции остался в живых, учитывая, что прошло одиннадцать лет с тех пор, как они покинули Англию. Леди Франклин, однако, ни в коем случае не была расположена оставлять все как есть, поэтому с помощью нескольких друзей она снарядила *Fox*, паровую яхту водоизмещением 157 тонн и передала ее под командование командера Макклинтока, чья блестящая работа в Арктических морях сделала его особенно пригодным для подобной миссии. Лейтенант У. Р. Хобсон присоединился к команде в качестве заместителя, капитан Аллен Янг согласился стать штурманом, в то время как многие другие члены компании уже имели опыт службы в Арктике, среди них были доктор Уокер и переводчик Карл Петерсен.

Запасшись провизией на двадцать восемь месяцев, "*Фокс*" отплыл из Абердина 1 июля 1857 года. Мак-Клинтон обнаружил, что лед в заливе Мелвилл находится далеко не в удовлетворительном состоянии, но, будучи полон решимости пойти на любой риск, а не задерживаться в пути, он вошел в пак и попытался пройти пролив Ланкастер. Недели три или около того он продвигался вперед, несмотря на большие трудности, но вскоре стало очевидно, что в этом году ему не суждено пересечь залив, и еще до середины сентября *лисица* была намертво заморожена в стае без надежды на освобождение до следующей весны.

После несколько волнующей зимы, в течение которой плавание яхты не раз чуть не заканчивалось безвременно, ее наконец отпустили, и, зайдя в залив Хольштейнберг для ремонта, она предприняла вторую попытку пересечь залив Мелвилл. В этот раз судьба была к ней благосклоннее, и 6 августа она прошла на парах пролив Ланкастер, бросив якорь у острова Бичи 11-го. Здесь Мак-Клинтон высадил красивый надгробный камень, присланный леди Франклин в память о ее муже и его спутниках, который был установлен рядом с памятником, воздвигнутым в память о Белло и тех, кто погиб в предыдущих поисковых экспедициях.

Пролив Пил оказался непроходимым, поэтому Мак-Клинтон решил направиться к проливу Белло, через который еще не ходил ни один корабль и само существование которого многими оспаривалось. Все сомнения по последнему поводу вскоре рассеялись, но бурные течения, бушевавшие в проливе, неся с собой огромные массы льда, которые угрожали кораблю мгновенной гибелью всякий раз, когда он пытался прорваться, сделали невозможным выход Мак-Клинтока в западный океан, и после нескольких отважных попыток он был вынужден смириться с неизбежным и подготовиться к зимовке в углублении на северной стороне пролива, которое он назвал Порт-Кеннеди.

Зима прошла без злоключений, и 17 февраля Мак-Клинтон отправился в предварительную экспедицию с целью собрать как можно больше информации от туземцев Бути. К его разочарованию, побережье казалось совершенно пустынным, и он уже подумывал о том, чтобы повернуть обратно, когда наткнулся на четырех эскимосов, членов племени, обосновавшегося в снежной деревне неподалеку. От этих людей он получил некоторые известия о судьбе пропавших исследователей, хотя они мало что могли добавить к тому, что он уже знал. По их словам, несколько белых мужчин умерли от голода на острове у реки. Никто из них не видел этих людей, но и у них, и у их друзей были при себе вещи, которые когда-то принадлежали белым.

Наняв этих туземцев построить ему снежную хижину за щедрое вознаграждение в виде иголки за штуку, он отправил их обратно, чтобы сказать их друзьям, что он готов приобрести любые реликвии, которыми они обладают, по хорошей цене. На следующий день явилась вся община, от самого старшего мужчины до самого маленького младенца, принеся с собой множество ложек, вилок, пуговиц и ножей, которые Макклинток немедленно приобрел. Затем он отправился в обратный путь к кораблю, достигнув Порт-Кеннеди 14 марта. За двадцать пять дней своего отсутствия он преодолел около четырехсот двадцати миль и завершил открытие береговой линии континентальной Америки.

Сразу после своего возвращения он отправил Янга, который пополнял запасы провизии на Земле принца Уэльского, в поездку на Фьюри-Бич с инструкциями привезти запас сахара из запасов, оставленных там Парри. Он обнаружил огромный запас всевозможных припасов, большинство из которых были в прекрасной сохранности. В дополнение к 1200 фунтам. вместо сахара он привез пару банок “моркови простой” и “моркови с подливкой”, которые пролежали на берегу тридцать четыре года и до сих пор были в отличном состоянии.

К началу апреля все было готово к длительным санным путешествиям. Макклинток договорился, что операции будут проводиться тремя разными группами во главе с ним самим, Хобсоном и Янгом. Каждая группа должна была состоять из четырех человек, тянувших одни сани, и шести собак, тянувших вторые сани, не считая старшего офицера и погонщика собак. Он, конечно, в прошлом был мастером в искусстве организации санных экспедиций и так тщательно распорядился своими запасами провизии и так искусно приспособил дорожное снаряжение участников экспедиции, что ожидал, что каждый из них сможет отсутствовать на корабле семьдесят или восемьдесят дней без каких-либо затруднений.

Макклинток и Хобсон отправились в свое путешествие 2 апреля. На какое-то время их маршруты совпали, и, подняв свои палатки как паруса и таким образом воспользовавшись благоприятным бризом, они добились отличного прогресса. Только когда они были уже далеко на своем пути вдоль побережья Бутии, они наткнулись на туземцев и от них узнали, что несколько лет назад у берегов Земли Короля Уильяма видели два корабля. Один из них затонул на большой глубине, но другой был выброшен на берег льдом, где он все еще должен был оставаться, хотя и сильно разбитый. Согласно их рассказу, именно с последнего корабля они получили большую часть своей древесины.

28 апреля они достигли мыса Виктория на юго-западном побережье Бутия Феликс. Здесь им предстояло расстаться, и следует отдать должное Мак-Клинтоку за его великодушие по отношению к своему младшему офицеру. Хотя он знал, что если реликвии и можно было бы найти, то только на западном побережье Земли Короля Уильяма, он отправил Хобсона исследовать этот район, оставив для себя гораздо менее перспективное восточное побережье. Инструкции Хобсона состояли в том, чтобы переправиться на мыс Феликс, самую северную точку Земли Короля Уильяма, а затем прочесать все западное побережье в поисках пропавшего корабля или каких-либо реликвий или записей, которые могли там храниться. Если его поиски окажутся безуспешными, он должен был переправиться на Землю Виктории и завершить исследование этого побережья с самой дальней точки Коллинсона. Тем временем сам Мак-Клинток намеревался продвигаться на юг вдоль восточного побережья Земли короля Вильгельма в направлении реки Грейт-Фиш.

Результаты были именно такими, как мы указали. Мак-Клинтон с величайшей тщательностью обследовал все восточное побережье и устье реки Грейт-Фиш, но, за исключением редких реликвий, добытых у туземцев, его поиски оказались безрезультатными. Соответственно, он пересек пролив 24 мая и продолжил связывать свои собственные исследования с исследованиями Хобсона. На следующий день его терпение наконец было вознаграждено, ибо, медленно прогуливаясь по галечному гребню недалеко от пляжа, на котором из-за непривычных ветров не было снега, он наткнулся на частично обнаженный скелет. По одежде, валявшейся поблизости, он заключил, что убитый, должно быть, был стюардом или слугой офицера, который, выбрав голую вершину хребта как менее утомительную для ходьбы, упал ничком в том положении, в котором был найден его скелет. Здесь можно сказать, что пожилая женщина, с которой Макклинтон общался во время своего путешествия, рассказала ему, что несчастные исследователи “упали и умерли по пути”. Это открытие стало ужасным подтверждением печальной правды ее слов.

На мысе Гершель Мак-Клинтон нашел пирамиду из камней, воздвигнутую Симпсоном, и снес ее в надежде, что пропавшие исследователи могли оставить там какие-нибудь записи, но он ничего не нашел. Проехав еще двенадцать миль, он узнал, что то, что он так усердно искал, было обнаружено, поскольку он наткнулся на вторую пирамиду из камней более поздней постройки — пирамиду, которая ознаменовала конец блестяще успешного путешествия Хобсона. Проникнув так далеко, Хобсон миновал точку, у которой были оставлены “*Эребус* и “*Террор*”, и нашел первое и, по сути, единственное важное свидетельство о путешествии, которое выпало на долю белого человека.

Запись, заключенная в жестяную коробку и найденная рядом с развалившейся пирамидой из камней, была достаточно краткой, но в ней содержалась вся история злополучной экспедиции. Оно состояло всего лишь из одного из тех печатных государственных бланков, которые выдавались на все корабли “Дискавери”. Эти бланки предназначались для заполнения намеками на открытия, несчастный случай или бедствие, а затем для того, чтобы их заключили в бутылку и бросили в море или же закопали под пирамидой из камней. В начале письма, написанном на нескольких разных языках, содержалась просьба к нашедшему переслать бумагу секретарю Адмиралтейства или, если удобнее, передать ее ближайшему британскому консулу с указанием времени и места, в котором она была найдена. На одном из них офицеры Франклина сделали свое последнее обращение к миру. Содержание документа гласило следующее:—

Корабли Его величества *Эребус* и *Террор*,
Зимовавшие во льдах в лат. 70° 5 северной широты. 98° 23 западной долготы
28 мая 1847 года.

Зимовал в 1846-7 годах на острове Бичи в широте. 74° 43 28 северной широты, лонг. 91° 39 5 З.д., после того как поднялся по каналу Веллингтона до 77° широты и вернулся западной стороной острова Корнуоллис.

Сэр Джон Франклин командует экспедицией.

Все хорошо.

РЕКОРД ФРАНКЛИНА

Группа, состоящая из 2 офицеров и 6 матросов, покинула корабли в понедельник, 24 мая 1847 года.

Гм. Gore, Lieut.
Chas. F. Des Vœux, Mate.”

На полях были сделаны следующие пометки:—

“25 апреля 1848 г.—Корабли Его величества *Эребус* и *Террор* были покинуты 22 апреля в 5 лигах к северо-западу от этого места, находясь в осаде с 12 сентября 1846 года. Офицеры и экипажи, состоящие из 105 душ, под командованием Ф.Р.М. Крозье, высадились здесь в широте. 69° 37 42 северной широты. 98° 41 в.д. Сэр Джон Франклин умер 11 июня 1847 года; и общие потери от смерти в экспедиции на сегодняшний день составили 9 офицеров и 15 матросов.

(Подпись) (Signed)

Ф. Р. М. Крозье, Джеймс Фицджереймс,
капитан и старший офицер. Капитан Его Превосходительства *Эребуса*.

И завтра, 26-го, отправляйся
в Бэкс-Фиш-Ривер”.

“Эта бумага была найдена лейтенантом Ирвингом под пирамидой из камней, предположительно построенной сэром Джеймсом Россом в 1831 году, в четырех милях к северу, куда ее положил покойный командер Гор в июне 1847 года. Однако колонна сэра Джеймса Росса найдена не была, и бумага была перенесена на это место, то есть на то, где была установлена колонна сэра Джеймса Росса”.

Из этого документа видно, что Франклин совершил самое замечательное путешествие, когда-либо зарегистрированное в анналах исследования Арктики. После того, как его заметили в Баффиновом заливе 26 июля 1845 года, он проплыл через пролив Ланкастер и пролив Барроу, а затем вверх по каналу Веллингтон до 77 ° северной широты, затем вернулся в устье канала через западное побережье острова Корнуоллис и зимовал у острова Бичи в 1845-46 годах (дата, указанная в статье, очевидно, неверна). Как только его освободили, он попытался пробраться на юг, к американскому побережью, но был пойман стаями и больше никогда не выходил на свободу. Зимой 1846-1847 годов мы провели примерно в пятнадцати милях к северо-западу от мыса Феликс, самой северной точки острова Кинг-Уильям; а весной, когда все на борту, как сообщалось, были здоровы, два офицера и шесть матросов отправились в экспедицию, направление и цель которой не указаны. Две недели спустя смерть избавила Франклина от боли осознания того, что его отряд никогда больше не доберется домой, и от того, что он видел, как его люди один за другим умирают от холода и голода у него на глазах. Лето не принесло никаких перспектив спастись, и в течение следующей зимы оба корабля отнесло на юг вместе со льдами примерно на тридцать миль. Как можно раньше весной, насколько позволяли условия, все выжившие покинули корабль в попытке отвоевать себе дорогу обратно к цивилизации, но ни

одному из них не удалось выполнить свою задачу. “Столь печальная история, ” говорит Макклиток, “ никогда не была рассказана меньшим количеством слов. Есть что-то глубоко трогательное в их чрезвычайной простоте, и они самым убедительным образом показывают, что обоими лидерами этого отступающего отряда двигало высочайшее чувство долга, и они со спокойствием и решимостью приняли страшную альтернативу последней смелой борьбы за жизнь, вместо того, чтобы погибнуть без усилий на борту своих кораблей ”.

Прежде чем добраться до Фокса, Макклитоку было суждено найти еще более мрачные свидетельства участия незадачливых исследователей. Обогнув мыс Крозье, самую западную точку острова Кинг-Уильям, запустение которой не поддавалось никакому описанию, он наткнулся на лодку, входившую в состав экспедиции Франклина, и в которой лежали два скелета. Хобсон ранее обнаружил лодку и оставил в ней записку для своего командира о том, что при самых тщательных поисках не удалось обнаружить никаких дневников или других записок, которые могли бы дополнить детали ужасной истории, о которой они уже знали в общих чертах. Мак-Клинтон немедленно приступил к еще одному обследованию лодки и ее окрестностей в надежде, что ему удастся обнаружить что-нибудь, что ускользнуло от глаз его младшего офицера, но он остался без награды. Сама лодка, как он обнаружил, была легкой конструкции, подходящей для восхождения по Грейт-Фиш-Ривер, и снабжена парусами, покатою брезентовой крышей, ледяным крюком и глубоководным зондирующим леском, который, вероятно, предназначался для работы на реке в качестве лески. Однако она была установлена на таких тяжелых санях, что семерым мужчинам в добром здравии было бы нелегко тащить ее по льду.

В этой лодке лежали два скелета, один из них скорчился на носу, а другой - поперек кормы. Рядом с ними лежали пять часов, два пистолета и несколько книг, по большей части религиозных, но, как они ни искали, Макклиток и его люди не смогли найти ни записной книжки, ни дневника, ни даже клочка одежды с именем, который мог бы выдать личности двух жертв. Куски пластин и необычайное разнообразие разных предметов, начиная от двух рулонов листового свинца и заканчивая гвоздями, были разбросаны по лодке, и Мак-Клинтон описывает их как “простое скопление мертвого груза, малопригодного и, скорее всего, подорвавшего силы санных экипажей. Единственными продуктами, которые мы смогли найти, - продолжает он, - были чай и шоколад. Первых осталось совсем немного, но вторых было почти сорок фунтов. Одни только эти продукты не могли бы обеспечить жизнь в таком климате, и мы не нашли ни печенья, ни какого-либо мяса”.

По направлению, в котором был направлен нос лодки, и по ее содержимому Мак-Клинтон заключил, что прикрепленная к ней группа отправилась к Грейт-Фиш-Ривер, но, обнаружив, что они слишком измотаны, чтобы идти далеко, повернула обратно, намереваясь добраться до корабля. Не имея возможности тащить лодку дальше, они оставили ее там, где она была найдена исследователями, намереваясь принести еды двум своим товарищам, которые из-за слабости были вынуждены остаться. Тот факт, что в лодке было оставлено пять вахтенных, наводит на вывод, что они и не думали покидать ее окончательно. Однако, измученные холодом и усталостью, они, должно быть, погибли в пути.

Покинув лодку, Мак-Клинтон продолжил свой путь со всей возможной поспешностью, по пути разыскивая следы затонувшего корабля, но безуспешно. Он достиг Пойнт Виктори 2 июня и там

нашел записку от Хобсона, в которой говорилось, что ему не повезло больше при выполнении этой части его миссии, но что он нашел дубликат записи, которую мы уже описывали. Мак-Клинток потратил некоторое время на изучение пирамиды из камней, под которой была обнаружена бумага, и обнаружил, что вокруг нее разбросано огромное количество таких разнообразных предметов, как кухонные плиты, кирпичи, лопаты, четырехфутовый медный громоотвод, длинные куски латунных карнизов для штор, аптечка и некоторые научные инструменты. Была также груда одежды высотой в четыре фута, в которой была обыскана каждая вещь. Однако все карманы были пусты, и ни на одном предмете одежды не было помечено имя владельца. “Эти брошенные излишки, — пишет Макклинток, — представляют собой самое печальное и убедительное доказательство того, что здесь, на этом месте, наши обреченные и страдающие цингой соотечественники спокойно готовились к мужественной борьбе за жизнь”.

Теперь Мак-Клинтоку ничего не оставалось, как вернуться на *Фокс*, что он и сделал со всей возможной скоростью, достигнув пролива Белло 18 июня. На обратном пути он узнал из записки, оставленной на одном из складов, что Хобсон серьезно заболел и стал настолько слаб, что было сочтено необходимым поместить его на одни из саней. К своему великому облегчению, прибыв на корабль, он услышал, что цинга, от которой страдал его младший брат, уже поддавалась лечению и что он находится на пути к выздоровлению.

С основными результатами путешествия Хобсона мы уже разобрались, а об остальном можно сказать в нескольких словах. Покинув Мак-Клинток на мысе Виктория, он без каких-либо трудностей пересек пролив Джеймса Росса и сразу же повернул на запад, обогнув мыс Феликс. Здесь он наткнулся на первые признаки экспедиции Франклина в виде “большой пирамиды из камней, рядом с которой стояли три маленькие палатки с одеялами, старой одеждой и другими следами съёмочной или магнитной станции. Но, ” говорит Мак-Клинток, “ хотя пирамида была подкопана под нее и траншея прорыта вокруг нее на расстоянии десяти футов, никаких записей обнаружено не было.... Двумя милями дальше к юго-западу была найдена небольшая пирамида из камней, но ни записей, ни реликвий; а примерно в трех милях к северу от Пойнт Виктори была обследована третья пирамида, но были найдены только сломанная кирка и пустая канистра”. Все это, вместе с лодкой и знаменитой летописью, завершило список открытий Хобсона.

Тем временем Янг был далек от безделья. Его миссией было исследовать Пил, или, как его впоследствии называли, пролив Франклина и остров принца Уэльского, и он выполнил свою задачу, столкнувшись с большими трудностями. Во-первых, штормы были почти непрекращающимися, и было нелегко хоть как-то противостоять им; во-вторых, он с отвращением обнаружил, что между Землями принца Уэльского и Виктории существует канал и что, как следствие, область его открытий расширится, а поиски затянутся. Соответственно, чтобы прокормить как можно меньше ртов, он отослал большую часть своих людей и собак обратно на корабль и двинулся дальше в сопровождении только молодого военного по имени Джордж Хобдей. В течение сорока дней они продвигались вперед, пока Янгу не стало так плохо от холода и переохлаждения, что он был вынужден вернуться в Порт Кеннеди, которого он достиг 7 июня. Однако его дух был совершенно неукротим, и, несмотря на протесты доктора, через три дня он снова отправился в новое путешествие. В общей сложности он отсутствовал на корабле семьдесят восемь дней, в течение которых исследовал не менее 380 миль новой береговой линии. Это, с учетом 420 миль, исследованных Мак-Клинтоком и Хобсоном,

составляет великолепную общую сумму в 800 миль, рекордом, которым экспедиция имела все основания гордиться.

Теперь Мак-Клинтон был полон решимости как можно скорее отправиться домой, как только оттепель отпустит его. Steam был запущен 6 августа, чтобы можно было воспользоваться предоставленной возможностью, когда она появится, и это желаемое событие произошло тремя днями позже. После смерти его инженера у Мак-Клинтона очень не хватало рабочих рук, и он сам простоял у двигателей двадцать четыре часа подряд. Хотя время от времени льды задерживали обратный путь, он прошел без каких-либо неприятностей, и Фокс достиг Ла-Манша 20 сентября.

Здесь можно добавить, что в 1875 году капитан Янг попытался следовать маршрутом, открытым Франклином, и достичь Берингова пролива через проливы Пил и Франклин; однако непреодолимый ледяной барьер в проливе Пил вынудил его повернуть назад. В 1878-79 годах лейтенант Ф. Шватка из армии Соединенных Штатов и мистер У. Х. Гилдер в ходе блестящего путешествия тщательно исследовали маршрут, по которому, как предполагалось, прошли люди с "Эребуса" и "Террора" на пути к Грейт-Фиш-Ривер, но, хотя они нашли много реликвий экспедиции, они не смогли обнаружить ни одной бумаги любого рода.

ГЛАВА XIX ПУТЕШЕСТВИЯ КЕЙНА И ХЕЙСА

Вплоть до середины девятнадцатого века Америка не играла очень важной роли в истории освоения Арктики. Однако в 1853 году отправилась экспедиция под командованием доктора Элиши Кента Кейна — молодого врача, сопровождавшего лейтенанта Де Хейвена в *Продвижении и спасении*, — которая завоевала себе бессмертие, проникнув в пролив Смит до точки, которой не достигал ни один предыдущий исследователь. Хотя Кейн имел специальные инструкции от министра военно-морских сил Соединенных Штатов "провести экспедицию в арктические моря в поисках сэра Джона Франклина", на самом деле вряд ли можно рассматривать его предприятие как серьезную часть поисков Франклина, поскольку оно касалось региона, в котором не было никакой возможности найти какие-либо следы пропавших исследователей.

Кораблем, выбранным для экспедиции, был наш старый друг *Advance*, а расходы разделили мистер Гриннелл, мистер Пибоди и ряд американских научных учреждений. Экипаж состоял из семнадцати офицеров и рядовых, среди которых были Брукс и Мортон, оба служившие под началом Де Хейвена, и Исаак Израэль Хейс, молодой хирург, которому позже было суждено провести экспедицию за свой счет. Оборудование судна, по-видимому, было произведено без особого внимания к законам гигиены, признанным исследователями Арктики. "Мы взяли с собой," говорит Кейн, "около 2000 фунтов. пеммикана, пакет мясных бисквитов Бордена, несколько упаковок сушеного картофеля, немного маринованной капусты и изрядное количество американских сушеных фруктов и овощей. Кроме того, у нас были соленая говядина и свинина из военно-морского рациона, сухари и мука.... Я надеялся раздобыть немного свежей провизии до того, как достигну верхнего побережья Гренландии." Такая диета делала

возникновение цинги почти неизбежным, и, как мы увидим позже, экипаж ужасно страдал от разрушительных последствий этой страшной болезни.

Это было 30 мая 1853 года, когда *Advance* отплыл из Нью-Йорка, чтобы никогда не возвращаться. Ее переход на север через Баффинов залив был отнюдь не лишен трудностей, но к 6 августа она была в поле зрения мыса Александр и мыса Изабелла, огромных скал, охраняющих вход в пролив Смита. На следующее утро, приближаясь к острову Литтлтон, который находится далеко в устье пролива, Кейн был разочарован, увидев впереди зловещий ледяной покров, который, в сочетании с тем фактом, что ветер с севера посвежел, предвещал недоброе в будущем. Тем не менее, он решил продвигаться вперед, насколько это было в его силах, задержавшись только для того, чтобы разместить лодку и запас провизии в *тайнике* на острове, шаг, с которым у него были все основания поздравить себя позже.

На следующий день он впервые столкнулся со льдом и начал пытаться пробить себе дорогу. Однако туман вынудил его отступить в закрытую от берега бухту, которую он назвал “Гаванью убежища”, где ему пришлось оставаться несколько дней. 13-го, воспользовавшись переменной погоды, он попытался двинуться дальше еще раз, но ему постоянно мешали порывы ветра; к 20-му они усилились до урагана, который едва не положил конец всему отряду.

К 22-му шторм утих, и Кейн смог продолжить свой путь. Однако его продвижение было чрезвычайно медленным, так как ему пришлось посылать людей к стае с тросом, чтобы они тащили корабль изо всех сил. На следующий день он обнаружил, что достиг лата. 78 ° 41' северной широты, точка на 13' выше, чем та, которой достиг Инглфилд, и дальше на север, чем когда-либо проникал любой исследователь, за исключением Пэрри. Теперь он начал понимать, что в этом году у него было очень мало шансов продвинуться дальше, и он должен был признаться, что ему не нравилась идея провести зиму в столь северных широтах, поскольку он был настолько окружен льдами, что его шансы спастись в следующем году были сомнительными. Соответственно, он созвал совещание своих офицеров и экипажа и выслушал их мнение о ситуации. Почему он выбрал этот курс, не совсем ясно, поскольку мнения, высказанные на том совещании, несколько на него не повлияли. Только один участник экспедиции высказался за то, чтобы остаться на месте, в то время как все остальные желали вернуться на юг без каких-либо задержек; однако Кейн быстро принял решение в пользу первого курса и приступил к поискам зимовья для *продвижения*. В конце концов он обнаружил их в гавани Ренсселер, лат. 78 ° 37' северной широты. 71° W.

Той зимой было очень холодно, и корабельные термометры показывали от 60 ° до 75° ниже нуля. Весна также не принесла особого улучшения условий, и Кейну пришлось выполнять работу по подготовке к своим санным путешествиям в очень тяжелых условиях. Дело, однако, было не из тех, которые терпели бы отлагательство, поэтому десять человек под командованием мистера Брукса, первого помощника капитана, были отправлены в *тайник* для хранения провизии примерно в десяти днях пути от брига.

Вся команда была на волосок от гибели во льдах, и если бы не усилия Ольсена, парусного мастера, астронома Зонтаг и переводчика Петерсена, которые, пошатываясь, вернулись на корабль в поисках помощи, они, должно быть, замерзли бы насмерть. Как бы то ни было, двое мужчин умерли от холода и переохлаждения.

Ближе к концу апреля Кейн отправился в путешествие на санях вдоль восточного берега пролива Смит, которое выдвинуло его в первые ряды исследователей Арктики. Его экспедиция проходила перед лицом двух больших трудностей — болезней и нехватки провизии. Уже 30 мая цинга, поразившая экипаж зимой, возобновилась, и многие члены отряда стали ее жертвами, сам Кейн страдал так сильно, что его конечности совсем окоченели, и его пришлось привязать к саням. Нехватка провизии была вызвана не недостаточной тщательностью при подготовке к экспедиции, а бесчинствами медведей, которым содержимое *тайников* так понравилось, что они их полностью уничтожили.

“пеммикан, - говорит Кейн, - был покрыт каменными блоками, для установки которых потребовался труд трех человек; но необычайная сила медведя позволила ему отодвигать самые тяжелые камни, и его лапа буквально разнесла в щепки железные бочки, в которых хранился наш пеммикан. Наша бочка с алкоголем, для сдачи которой поздней осенью мне пришлось совершить отдельную поездку, была настолько полностью уничтожена, что мы не смогли найти ни кусочка ”.

Однако, несмотря на эти трудности, Кейну удалось достичь Великого ледника Гумбольдта, этого огромного ледяного моря, одного из крупнейших в своем роде, которое простирается от 79 ° 12' до 80 ° 12'. К концу первой недели мая состояние отряда стало настолько плохим, что для них было бесполезно пытаться двигаться дальше. Кейн был в бреду, его спутники почти не могли идти, и только благодаря самому героическому упорству им вообще удалось добраться до корабля.

В течение нескольких дней после их возвращения у доктора было полно дел, но благодаря его умелому лечению пациенты быстро выздоравливали, и исследовательская работа была немедленно возобновлена. Первым, кто покинул корабль, был доктор Хейс, которого отправили с санями и упряжкой собак исследовать местность к северу и востоку от мыса Сабин в Инглфилде. Собаки доставляли ему небольшие хлопоты, так как их упряжь постоянно рвалась, и единственным подручным материалом для ее починки были его собственные штаны из тюленьей шкуры, большими частями которых он был вынужден пожертвовать на благо дела. Однако он продолжил свои исследования до бухты Доббин, прежде чем вернуться на корабль.

Хотя Кейн получил много ценных сведений о береговой линии по обе стороны пролива Смита, он все еще не был уверен, находится ли он в канале, ведущем в полярное море, или в *тупике*. Из своих наблюдений за приливами и дрейфом льдов он был склонен придерживаться первой точки зрения, и, в надежде развеять все сомнения по этому поводу, он решил отправить еще один отряд с собаками, который должен был продержаться до Великого Ледника за счет провизии, заранее доставленной пешим отрядом. К сожалению, цинга - это не та болезнь, от которой легко избавиться, и, когда пришло время собирать эти группы, было обнаружено, что только пять человек находятся в относительно добром здравии. Он сделал все, что было возможно в данных обстоятельствах. Он приказал Мортону, М'Гэри и трем мужчинам отнести провизию на Большой Ледник, где к ним должен был присоединиться Ханс Кристиан, охотник из отряда, с собаками. Затем Мортон и Ганс должны были пересечь пролив и продвинуться вдоль далекого побережья так далеко, как только смогут.

Оба исследователя взялись за свою часть задания с огромным рвением, и в конце концов им удалось проникнуть до мыса Конституции. Они вернулись на корабль с чудесными рассказами об открытом море и волнах, разбивающихся о скалы, которые чрезвычайно радовали сердце Кейна, поскольку не только подтверждали его теории, но и придавали окраску популярному заблуждению о том, что в направлении Полюса существует океан, свободный ото льда. Однако, к сожалению, впоследствии выяснилось, что Мортон и Ганс сильно ошибались. Конечно, нет никаких оснований предполагать, что их рассказы были просто полетом воображения, сочиненным для явной выгоды их командира. Другие исследователи делали подобные иллюзорные открытия и совершенно добросовестно описывали их. Без сомнения, Мортон и Ханс искренне верили, что видели открытое полярное море у мыса Конституции; однако факт остается фактом: они не видели ничего подобного.

К началу июня 1854 года Кейн начал понимать, что находится в очень неудобном положении. Все его люди были больны, а некоторые из них были полностью выведены из строя; топлива и продовольствия становилось все меньше; и, в довершение всего, казалось, не было никакой перспективы выволить его корабль в этом году. Вскоре он пришел к выводу, что единственное, что ему остается, - это попытаться добраться до острова Бичи и там попросить помощи у сэра Эдварда Белчера. Соответственно, он, насколько мог, подлатал свой вельбот и, взяв с собой единственных пятерых членов своей команды, которые были в относительно добром здравии, отправился в свое опасное плавание. Однако ему не суждено было продвинуться далеко, поскольку он обнаружил, что устье пролива Смит настолько затянато льдом, что у него не было другого выбора, кроме как отдать приказ об отступлении на корабле, которого он достиг 6 августа.

Тщательная проверка его запасов теперь привела его к выводу, что он должен сократить запас топлива. Вот отрывок из его дневника, в котором он записывает этот шаг. “Сократили наш запас дров до шести фунтов на обед. Это на восемнадцать ртов составляет треть фунта топлива на каждого. Это позволяет нам пить кофе два раза в день и суп один раз. Помимо этого, наша еда - холодная свинина, отваренная в большом количестве и съедаемая по мере необходимости. Такого рода штучки работают плохо, но я должен приберечь уголь на другие непредвиденные случаи. Я вижу впереди темноту. Сегодня я снова осмотрел лед. Плохо! плохо!— Я должен посмотреть в лицо еще одной зиме. Я не уклоняюсь от этой мысли, но, пока у нас впереди есть шанс, мой первейший долг - привести все в готовность для его реализации. Ужасно — да, это правильное слово — предвкушать еще один год болезней и тьмы, который придется встретить без свежей пищи и топлива. Я встретил бы это с более умеренной грустью, если бы у меня не было товарищей, о которых я мог бы думать и защищать”.

Теперь оставалось испробовать только одно средство, и это было путешествие по суше в поисках помощи у эскимосов. Соответственно, Хейс, Петерсен и семь человек сошли с корабля 28 августа, предоставив остальным своим товарищам самим переодеваться, насколько это было возможно. Если бы не союз, который они заключили с племенем эскимосов, чье поселение находилось примерно в семидесяти пяти милях от корабля, они, вероятно, погибли бы ужасной смертью от холода и голода. По условиям этого союза туземцы обязались воздерживаться от воровства на корабле и снабжать моряков свежим мясом и собаками, в то время как Кейн взамен пообещал им помощь своих людей в их охотничьих экспедициях и обязался снабдить их иголками, ножами и другими мелочами, дорогими сердцу туземца.

Путешествие на санях от корабля до поселения и обратно было, однако, таким долгим и трудным, что Кейн предпринимал его только тогда, когда это было абсолютно необходимо.

7 декабря появилось несколько эскимосов, приведших с собой двух членов исследовательской группы. От них Кейн узнал, что они безнадежно провалили свою миссию и что их товарищи были размещены в поселении в 200 милях отсюда. Соответственно, он отправил эскорт эскимосов обратно с такими припасами, каких только мог хватить, чтобы привести обратно остальных своих друзей. Туземцы путешествовали так быстро, что через пять дней они снова вернулись с Хейсом и его отрядом, все они были в изнеможении. Действительно, если бы не большая доброта, с которой к ним относились эскимосы Эта, они неизбежно погибли бы.

Более невыразимо ужасной зимы, вероятно, не проводила ни одна группа исследователей Арктики. По мере того как заканчивались противопожарные средства, продовольствие и топливо, состояние людей становилось все хуже и хуже, и Кейн решил, что, как только наступит весна, он приложит все усилия, чтобы пробиться в цивилизованные регионы. Единственным человеком на борту, который, похоже, был достаточно счастлив, был охотник Ханс Кристиан. Пока все его товарищи гадали, как же им вообще поддерживать свою жизнь, он по уши влюбился в прекрасную эскимосскую девушку из Этаха, на которой намеревался жениться, как только сможет добраться до ближайшего поселения.

О деталях обратного путешествия нам не нужно беспокоиться. Это началось в мае, и после почти нечеловеческих усилий группе удалось достичь Упернивика 3 августа. Оттуда они были доставлены обратно в Соединенные Штаты в составе эскадрильи, которая под командованием лейтенанта Харстена была отправлена им на выручку.

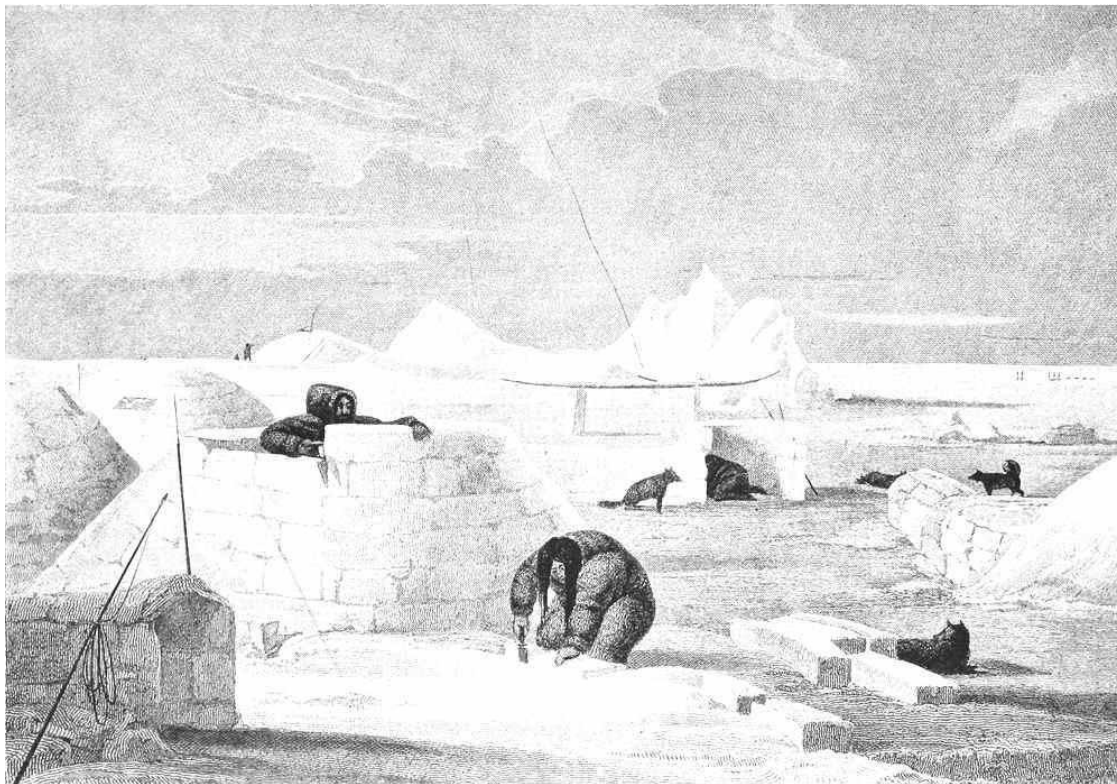
В следующем году Хейс, хирург Кейна, отправился на шхуне "*Соединенные Штаты*" в экспедицию, целью которой было подтвердить рассказ Мортонна об открытом полярном море, в который достойный доктор свято верил. Зима ознаменовалась трагедией: Зонтаг, астроном и, вероятно, самый ценный член отряда, замерзла насмерть во время катания на санях. Если бы его пощадили, он, возможно, спас бы Хейса от совершения необычайной серии грубых ошибок, которые были самой поразительной чертой его весеннего путешествия по побережью Земли Гриннелл. Он не только сделал ряд ненадежных наблюдений, в результате чего последующим исследователям пришлось полностью изменить его карту, но и вообразил, что видит великолепное полярное море, которое в конечном итоге оказалось не чем иным, как южной половиной канала Кеннеди. Эта часть канала замерзает поздно и вскрывается рано из-за исключительно высоких приливов и редко бывает полностью закрыта.

ГЛАВА XX ХОЛЛ И “ПОЛЯРИС”

Теперь мы подошли к одной из самых любопытных фигур во всей истории освоения Арктики - американцу Чарльзу Фрэнсису Холлу, который в 1864 году отправился в плавание к проливу Смита на барке *Polaris*. Холл был родом из Цинциннати, и в молодости он занимался мирным ремеслом кузнеца. Однако он был честолюбивым человеком и в некотором роде мечтателем, и у

него не было ни малейшего намерения проводить все свои дни в кузнице. Журналистика на какое-то время завладела его вниманием, и он стал редактором "Цинциннати" *Daily Penny Press*, но его сердце тянулось к Полярным регионам, и, хотя он никогда в жизни не видел моря, он чувствовал непреодолимое желание бросить жизнь, в которой он уже начинал добиваться определенного успеха, ради более рискованной карьеры исследователя Арктики.

Вероятно, судьба экспедиции Франклина впервые заставила его серьезно задуматься в этом направлении. Он твердо верил, что английские исследователи были абсолютно неправы в своих методах ведения поисков. Он полагал, что единственный способ добиться успеха - это поселиться среди эскимосов, усвоить их язык, их обычаи и уверенность в себе и таким образом получить от них любую информацию, которой они могут обладать, о судьбе группы Франклина, многие из которых, как он полагал, все еще живы.

ЭКИМОССКИЕ АРХИТЕКТОРЫ ПО РИСУНКУ КАПИТАНА. ЛАЙОН

Холл, по-видимому, вообразил, что он “призван” выполнить эту задачу самостоятельно, поэтому с энергией и предприимчивостью, которые должны вызывать наше восхищение, он незамедлительно приступил к выполнению своей миссии.

Средства были предоставлены Генри Гриннеллом и рядом других людей, которые были заинтересованы в проекте, и он отправился в плавание на барке *Джордж Генри* с командой из тридцати офицеров и матросов, включая переводчика. Его целью было отправиться напрямую в Бутию и там провести три года среди туземцев, живя с ними как один человек и завершая историю экспедиции Франклина. Эту схему, однако, он выполнил лишь частично. Он жил с туземцами, это правда, и стал, безусловно, величайшим авторитетом того времени в области их манер и обычаев, но, помимо демонстрации того, что то, что было известно как пролив

Фробишера, на самом деле было заливом, он ничего не сделал для расширения знаний мира об арктических регионах или для прояснения тайны судьбы экспедиции Франклина. Он вернулся домой в 1862 году и некоторое время занимался написанием отчета о своих впечатлениях.

Два года спустя он отправился на барке "*Монтичелло*" в свою вторую экспедицию. По этому случаю он направился в Репалс-Бей, где предложил вступить в контакт с туземцами и получить от них всю информацию, которой они располагали об отряде Франклина и кораблях. К сожалению, похоже, что туземцы знали, как дорога ему его миссия, и, не желая разочаровывать его, использовали свое воображение, чтобы заполнить пробелы в своих реальных знаниях. Как и было неизбежно, Холл в конце концов обнаружил, что подробные истории, которыми они потчевали его, были в значительной степени полетом фантазии, и, полностью разочаровавшись, он снова отправился домой, в Америку.

Однако за время своего пребывания у эскимосов он приобрел настоящий вкус к исследованию Арктики и сразу же решил, что, поскольку, по-видимому, больше нечего узнать об *Эребусе* и *Терроре*, ему лучше направить свое внимание на Северный полюс. Он был человеком безграничной предприимчивости и вскоре нашел друзей, которые были готовы помочь ему запустить его новый проект. Главным среди них был мистер Робсон, секретарь военно-морского министерства США, через чьи офисы Конгресс выделил ему 50 000 долларов на покрытие расходов. В его распоряжение была предоставлена деревянная речная канонерская лодка водоизмещением 387 тонн, первоначально называвшаяся *Bariwinkle*, но переименованная в *Polaris*, на которой он отплыл из Нью-Лондона 3 июля 1871 года.

По правде говоря, экспедиция так и не увенчалась успехом, на что указывает сэр А. Х. Маркхэм в следующем отрывке: "У него (Холла) не было преимуществ в образовании, и он не был знаком с морской астрономией. Таким образом, он ни в коем случае не был моряком, скорее, восторженным лидером, зависящим от других в управлении его судном и в том, чтобы сделать полезными его открытия. Однако у него было одно большое преимущество. Две предыдущие экспедиции полностью акклиматизировали его и дали полное представление о жизни эскимосов. Сопровождавшие его люди также были плохо подобраны. Баддингтон был старым капитаном китобойного промысла, не проявлявшим никакого интереса к этому предприятию; и Тайсон (помощник штурмана) был человеком того же склада. Честер, помощник капитана, был хорошим моряком и превосходным гарпунщиком, но он ушел на корабль только из-за высокой зарплаты. Доктор Бессельс, бывший студент Гейдельберга, служивший в одной из немецких арктических экспедиций и в прусской армии во время вторжения во Францию, был единственным человеком с научными достижениями на корабле и единственным человеком, кроме Холла, который испытывал хоть какой-то энтузиазм по отношению к целям путешествия. В целом это была разношерстная компания, лишенная рвения к открытиям, дисциплины или контроля, и в которой каждый человек считал себя таким же хорошим, как и его сосед".

Возможно, было немного прискорбно, что этой экспедиции, которая была так плохо приспособлена для полного использования своих возможностей, повезло больше, чем любой из ее предшественниц. После остановки в Упернивике, чтобы забрать Ханса Кристиана, который привез с собой жену и семью, уже достигшую значительных размеров, "*Поларис*" весело проплыл мимо гавани Ренсселер, через так называемое "открытое полярное море", через канал Кеннеди, через бассейн Холла и вверх по каналу Робсон, пока 30 августа не оказался в лат. 82 ° 16, 250 миль, дальше самой дальней точки, достигнутой любым предыдущим

исследователем. Действительно, кажется, что она могла бы проникнуть еще дальше без особых трудностей, если бы Холл был только опытным моряком, поскольку ледяной поток, у которого она была остановлена, был совсем незначительным, а на севере открывался великолепный вид на водяное небо. Баддингтон, однако, был категорически против этой попытки, и Холл, конечно, был вынужден последовать его совету, поэтому "*Поларисе*" было позволено дрейфовать на юг до тех пор, пока 3 сентября она не достигла широты. 81° 38' с.ш., она оказалась в небольшом углублении под названием "Слава Богу, залив", в котором ей было уютно на зиму.

Два месяца спустя трагическая смерть Холла погрузила компанию в уныние. Вернувшись, изрядно продрогший, из санного путешествия, он был достаточно неразумен, чтобы сразу спуститься в каюту и выпить горячего кофе, хотя его опыт жизни в полярных регионах должен был бы научить его, что делать это чрезвычайно опасно, предварительно не сняв меха и не позволив своему организму привести себя в тонус до высокой температуры в каюте. Через несколько часов он серьезно заболел, а через две недели скончался. Доктор Бессельс высказал мнение, что его смерть наступила в результате апоплексического удара.

Командование теперь перешло к Баддингтону, который показал себя на редкость непригодным к своим обязанностям. Во-первых, он отменил воскресные службы - шаг, который всегда нецелесообразен и который в данном случае был абсолютно преступным, поскольку мужчины и так были достаточно недисциплинированы. Во-вторых, у него развилась привычка посылать исследовательские группы и снова вызывать их на корабль без всякой понятной причины, так что никаких сколько-нибудь ценных открытий сделано не было, несмотря на исключительно благоприятную ситуацию, в которой тогда находилась экспедиция. Однако именно после того, как "*Поларис*" была освобождена и пока она направлялась домой, он привел наиболее убедительные доказательства своей некомпетентности, в результате чего большая часть его экипажа оказалась на волосок от абсолютной катастрофы. Случилось так, что судно застряло во льдах, которыми его занесло в Баффинов залив. 15 октября его сильно покусало, после чего охваченный паникой Баддингтон немедленно закричал: "Бросайте все на лед". Конечно, на всем корабле мгновенно воцарилось ужасное замешательство. Моряки выбросили на льдину все, что попало им под руку, включая сверток, в котором, как впоследствии было обнаружено, находились двое отпрысков Ханса Кристиана. Мужчины, женщины и дети бросились за ними, и хотя Тайсон сделал все возможное, чтобы успокоить их, его усилия не принесли особого результата. Пока все еще было в замешательстве и пока половина экипажа находилась на льду, а остальные на борту, судно внезапно освободилось и полетело навстречу ветру со скоростью десять или одиннадцать узлов в час.

Только когда наступило утро, потерпевшие кораблекрушение смогли серьезно оценить свое положение. Они обнаружили, что их насчитывается девятнадцать человек, среди них две эскимосские женщины и младший ребенок Ханса Кристиана, Чарли Поларис, который увидел дневной свет на борту корабля, в честь которого его назвали, пока она лежала на зимовье. Льдина, на которую их выбросило, была больше мили в диаметре, но хотя на данный момент из нее получался исправный плот, никто, конечно, не знал, когда он расколется.

Более шести месяцев, то есть с середины октября 1872 года до конца апреля 1873 года, льдина неуклонно дрейфовала на юг, по мере продвижения уменьшаясь в размерах. Самый серьезный раскол произошел 11 марта, после которого он составлял всего сто ярдов в длину и семьдесят в ширину. Кроме того, провизии, которой никогда не было в избытке — они отправились в свое

полное приключений путешествие, имея при себе всего одиннадцать с половиной мешков хлеба, четырнадцать небольших окорочков, несколько банок мяса и супа, немного шоколада и сахара и 630 фунтов пеммикана, — стало катастрофически не хватать, и если бы они не смогли дополнить свое меню несколькими собаками, выброшенными на лед, и различными тюленями, пойманными во время последней части их путешествия, они умерли бы с голоду.

К счастью для них, льдину занесло прямо на след китобоев, и в последний день апреля их подобрала "*Тигрица*" из залива Консепсьон, Ньюфаундленд, которая благополучно доставила их в Сент-Джонс.

Об оставшейся части путешествия самой "*Полярис*" можно сказать очень мало. С четырнадцатью мужчинами на борту ее отвезли на север в бухту Спасательных шлюпок, где она благополучно встала на якорь. Команда быстро разгрузила судно и построила дом на берегу, где они провели зиму в сносно комфортных условиях, поскольку эскимосы снабжали их всем необходимым свежим мясом. Весной они сделали пару лодок из корабельных бревен, в которых 3 июня отплыли на юг. В конце концов их подобрал китобой "*Рейвенскрейг*" из Данди.

Как уже указывалось, результаты этой экспедиции могли быть намного больше, чем было на самом деле. *Полярная звезда*, это правда, проникла дальше на север, чем когда-либо прежде. Доктор Бессельс провел много ценных исследований животного и растительного мира в этих регионах, и было убедительно показано, что открытое Полярное море Кейна и береговая линия, проложенная Хейсом, были совершенно вымышленными. Но большего можно было бы легко достичь, если бы экспедиция была проведена лучше.

ГЛАВА XXI “ГЕРМАНИЯ” И “ГАНЗА”

Как было показано в предыдущей главе, Холла впервые вдохновила на исследование Арктики гибель экспедиции Франклина, и, как следствие, мы отказались от истинного хронологического порядка событий и рассматриваем его экспедицию не в ее рамках. Теперь мы должны вернуться к 1868 году, когда доктор Петерманн, знаменитый немецкий географ, снарядил небольшое судно под названием "*Германия*" для исследовательского путешествия вдоль восточного побережья Гренландии, тем самым заслужив для себя честь быть первым представителем своей расы, отправившим экспедицию в Полярные регионы. Сам доктор Петерманн не принимал активного участия в этой работе, но доверил командование капитану Карлу Кольдевею, эксперту в морских вопросах, который изучал навигацию в Политехнической школе в Ганновере, а также физику и астрономию в Геттингенском университете.

Его первое путешествие по *Германии*, в котором его сопровождал небольшой экипаж всего из одиннадцати человек, не принесло каких-либо особых результатов. Паковые льды помешали его попытке пройти на север вдоль берегов Гренландии и вынудили его взять курс на восток, к Шпицбергенскому морю, где ему удалось достичь 81 ° 5' северной широты. Затем он повернул обратно по проливу Хинлопен и направился в Берген, куда прибыл в последний день сентября.

Его вторая экспедиция, которая отправилась в следующем году, была гораздо более оснащенной, и в этом случае "*Германия*", винтовой пароход водоизмещением 140 тонн, экипаж которого состоял из семнадцати офицеров и рядовых, сопровождала "*Ганза*", шхуна водоизмещением 76 т под командованием капитана Хегеманна, с четырнадцатью офицерами и рядовыми на борту. Поскольку предполагалось, что эта экспедиция проведет зиму за полярным кругом, департаменту комиссариата пришлось приложить особые усилия, и ни одно судно с лучшей провизией никогда не отправлялось в полное приключений путешествие.

Некоторое время продвижение было медленным из-за сильных штормов, которые преобладали во второй половине месяца. Однако они упорно продвигались вперед, хорошо общаясь друг с другом, и в начале июля до них дошло, что теперь они достигают более высоких широт, поскольку солнце садилось только в 10.15 и что в полночь можно было прочесть мельчайший шрифт без помощи искусственного освещения. Несколькими днями позже, когда они были у берегов острова Ян-Майен, они впервые увидели полуночное солнце, и доктор Борген и доктор Коупленд — последний англичанин, учившийся и работавший в Германии, — с еще большим рвением приступили к серии научных наблюдений, которые стали самым ценным результатом экспедиции.

Вскоре после этого произошло недоразумение, в результате которого два корабля были разделены навсегда. Они плыли вместе, отыскивая проход во льдах, который, как надеялись, простирался далеко на север. Кольдевей, желая посоветоваться с Хегеманном, дал ему знак приблизиться, но тот, к сожалению, неправильно понял сигнал и, подняв еще больше парусов, исчез в тумане, прежде чем Кольдевей смог последовать за ним.

Разлученный со своей супругой, Хегеманн сделал все, что было в его силах, чтобы добраться до острова Сабина, назначенного места встречи на случай любого несчастного случая подобного рода. Погода, однако, была против него, и, как он ни старался, ему не удалось приблизиться к месту назначения ближе чем на тридцать пять морских миль. *Ганза* теперь столкнулась с серьезными трудностями. В течение многих недель она боролась со льдами, которые быстро окружали ее со всех сторон, но недостаток паровой мощности не позволял ей ни достичь острова Сабин, ни пробиться к выходящим на сушу водам, которые простирались вдоль побережья. 6 сентября у ее капитана не было другого выбора, кроме как посадить ее между двумя мысами большого ледяного поля, и на следующий день она полностью замерзла.

Теперь, конечно, стало очевидно, что команде придется провести зиму там, где они были, и они немедленно приступили к строительству дома из угольных кирпичей, которых у них на борту было предостаточно. Они послужили отличным строительным материалом, так как впитывали влагу и сохраняли тепло в помещении, в то время как вода и снег стали идеальной заменой строительного раствора. "Нам нужно было только," говорит Хегеманн, "насыпать мелко измельченный снег между канавками и трещинами, полить его водой, и через десять минут все замерзло в крепкую плотную массу". Мужчины так хорошо поработали, что дом был закончен и запасен провизией на два месяца чуть более чем за неделю.

Они прибыли не слишком быстро, ибо не прошло и месяца, как судьба несчастной *Ганзы* была решена. 8 октября поднялся шторм, который яростно дул несколько дней. 18-го лед начал бросаться в глаза, "толкаясь и давя на корабль". Этот неприятный шум продолжался до полудня. Через равные промежутки времени лед внизу, подобно череде волн, стонал и потрескивал, плющился и пузырился; звук был похож то на хлопанье дверей, то на множество

человеческих голосов, перекрикивающих друг друга; и, наконец, на скрип колеса железнодорожного паровоза. Очевидной непосредственной причиной этого разрушения было то, что наше поле развернулось во время дрейфа и теперь было прижато ближе к прибрежному льду.... На какое-то время *Ганза* была спасена, хотя и сильно дрожала. Мачты часто раскачивались так сильно, что казалось, будто кто-то взбирается по ним”. Однако дальше было еще хуже, потому что на следующий день давление льда стало настолько ужасным, что швы палубы разошлись и нос корабля поднялся на семнадцать футов. “Подъем корабля, - говорит Хегеманн, - был необычайным и ужасным, но в то же время великолепным зрелищем, свидетелями которого со льда была вся команда. Со всей поспешностью одежда, навигационные инструменты, журналы и карты были перенесены на посадочный мостик. Кормовая часть корабля, к сожалению, не поднималась, и поэтому кормовой столб должен был выдержать самое страшное давление, и убеждение, что корабль скоро разобьется, овладело нашими умами.... Первое, что нужно было сделать, это перенести все необходимое и полезные вещи с промежуточных палуб на лед — подстилки, одежду, побольше провизии и угля. Все тяжелые сундуки и бочки бесшумно были задвинуты за люк. Сначала идет тяжелый железный камбуз, затем мы с радостью поднимаем на борт две печи; обладание ими обеспечивает нам удовольствие от теплой пищи, обогрева нашего угольного склада и других вещей, необходимых для зимовки на льдине. В три часа вода в каюте достигла стола, и все движущиеся предметы плавали. Страх, что у нас не хватит топлива, заставлял нас хвататься за каждую незакрепленную деревяшку и бросать ее на лед. Затонувший корабль теперь был почти незаметен, должно быть, он нашел опору на ледяном выступе или каком-нибудь выступе в нашем районе. Там еще была небольшая аптечка и несколько других вещей, которые в нашем будущем положении стали бы великими сокровищами, таких как лампа в каюте, книги, сигары, коробки с играми и т. Д. Снежная крыша (которой *Hansa* была оборудована на зиму) и паруса были спущены на лед, но все необходимые работы еще не были выполнены. Вокруг корабля валялась хаотичная масса разнородных предметов и группы слабых крыс, борющихся со смертью и дрожащих от холода!”

Постепенно команда привела дела в порядок и устроилась на зиму в своем довольно комфортабельном, хотя и не особенно безопасном жилище. Иногда они сильно пугались. Например, днем 2 января, когда они отдыхали после обеда, они слышали “скрежет, неистовство, потрескивание, пиление, скрежет и сотрясающий звук, как будто какой-то несчастный призрак бродил под нашей льдиной. Сбитые с толку, мы все вскочили и вышли; мы подумали, что обрушился наш склад. Несколько матросов, шедших впереди с фонарем, тщательно осматривали путь к нему. Но в каком бы направлении ни падал свет на искрящиеся ледяные стены, мы ничего не видели. Неподвижно висели жесткие сосульки, часто длиной в фут; очевидно, здесь все было в порядке. Мы рылись в снегу на дорожке перед домом. Хотя нас полностью занесло снегом (действительно, весь дом был погребен подо льдом более чем на фут глубиной), мы все выбежали на улицу, но, конечно, не могли видеть ничего, кроме ступенек, и слышать ничего, кроме воя бури. Тем не менее, в промежутках мы могли обнаружить одно и то же трение и скрежетание. Для разнообразия мы легли плашмя, прижав уши к полу, и тогда слышали шорох, похожий на пение льда, когда его плотно прижимают, и как будто вода бежала под нашей огромной льдиной. Не могло быть никаких сомнений в том, что ему грозила большая опасность быть разбитым вдребезги либо из-за того, что его занесло о затонувшие скалы и он взорвался, либо из-за того, что переломился о границу льда; возможно, и то, и другое сразу. Мы упаковали наши меха и наполнили рюкзаки провизией. Наше положение в случае разрушения льдины казалось безнадежным”.

На следующее утро они обнаружили, что огромные массы льдины по соседству с домом откололись, а на следующий день, когда шторм утих и они смогли внимательно осмотреть обстановку, они, к своему ужасу, обнаружили, что она не стала вдвое меньше прежней. Расстояние от дома до кромки льда, которое когда-то составляло 500 шагов, теперь составляло всего 200; за исключением одной стороны, где расстояние, составлявшее ранее 3000 шагов, теперь сократилось до 1000, в то время как диаметр льдины, который до шторма составлял две морские мили, теперь едва достигал одной. Худшее, однако, было еще впереди, ибо 11 января в непосредственной близости от дома появились трещины, которые так уменьшили льдину, что она вскоре достигла всего 150 футов в диаметре, и на этом хрупком плоту несчастная команда пережила один из самых ужасных штормов, с которыми они сталкивались. Чудом они спаслись, и к началу февраля их испытания, которые они переносили с удивительным терпением, практически закончились.

Все это время они неуклонно дрейфовали на юг в пределах видимости бесплодного берега Гренландии, которого, к сожалению, льды так и не позволили им достичь. Однако 7 мая море прояснилось, и вряд ли нужно говорить, что они с радостью ухватились за возможность сесть в свои лодки, на которых 7 июня достигли Фридрихсталя. Там они получили радушный прием от моравских миссионеров и в конце концов смогли добраться домой из Юлианшааба, морского порта на западном побережье Южной Гренландии.

Тем временем Кольдевей, прождав некоторое время *Ганзу*, был вынужден из-за приближения зимы найти гавань для своего корабля у Маятниковых островов. Весной он отправился с Пайером в санную экспедицию, в ходе которой достиг широты. $77^{\circ} 01'$, наивысшей точки, достигнутой к тому времени на восточном побережье Гренландии. Летом, возвращаясь домой, он открыл для себя великолепный фиорд Франца-Иосифа, в верховье которого гора Петерманн возвышается над морем по меньшей мере на 12 000 футов.

ГЛАВА XXII

ПУТЕШЕСТВИЕ “ТЕГЕТТХОФФА”

К настоящему времени было испробовано множество маршрутов к Северному полюсу, которые оказались несостоятельными. Экспедиции начинались Беринговым проливом, через пролив Смита, вверх по восточному побережью Гренландии и со Шпицбергена, но все они были сорваны мощными арктическими течениями, которые, устремляясь вниз из полярного бассейна, несли с собой такое количество льда, что реальное продвижение к полюсу было практически невозможно. Однако оставался еще один маршрут, который вообще почти не испытывался, а именно тот, который пролегал вокруг северо-восточных берегов Новой Земли. Многие известные географы считали, что Гольфстрим не исчезает у мыса Нордкап и что, следуя по его более теплым водам, можно было бы избежать арктических течений и трудностей, которые следовали за ними по пятам. Именно с целью проверки этой теории австрийская экспедиция 1872-74 годов отправилась в *Тегеттгоф* под совместным командованием лейтенанта Карла Вейпрехта, которому были поручены все вопросы, связанные с навигацией, и лейтенанта Юлиуса Пайера, который должен был отвечать за проведение санных работ.

В июне 1871 года Вейпрехт и Пайер отправились на *Исбьерне* в предварительную экскурсию, чтобы осмотреть землю, или, скорее, возможно, море, и, поскольку результат их наблюдений был полностью удовлетворительным, было определенно решено, что они отправятся в этом направлении в следующем году. *Tegetthoff*, пароход водоизмещением 220 тонн, был соответственно приведен в состояние тщательного ремонта и прослужил два с половиной года. Ее команда насчитывала двадцать два человека, так что вместе с командирами на борту находилось двадцать четыре человека, а также восемь собак.

Экспедиция отплыла из Тромсе 14 июля, а одиннадцать дней спустя был замечен лед. Поначалу это не представляло для них серьезных трудностей, поскольку "*Тегеттхофф*" благодаря своей паровой мощности мог атаковать льдины и таким образом прокладывать себе путь сквозь те, обогнуть которые он не мог. Однако 20 августа она была вынуждена остановиться из-за ледяного барьера в широте. 76° 22 северной широты. 63° 3 в. д. "Зловещими были события того дня, - говорит Пайер, - ибо сразу же после того, как мы привязали *Тегеттхоф* к этой льдине, лед сомкнулся на нас со всех сторон, и мы стали близкими пленниками в его хватке. Воды вокруг нас не было видно, и никогда больше нам не суждено было увидеть наше судно в воде.... Фактически мы были уже не первооткрывателями, а пассажирами, против своей воли оказавшимися на льду. Из дня в день мы надеялись на час нашего избавления! Сначала мы ожидали этого ежечасно, затем ежедневно, затем из недели в неделю; затем по сезонам года и смене погоды, затем по шансам наступления нового года! Но этот час так и не настал".

"*Тегеттгоф*", прочно закрепленный на своей льдине, теперь стал забавой ветров, ибо в этом море именно ветер управляет движением льда. К 12 октября она продвинулась так далеко на север, что Новая Земля полностью исчезла из виду. На следующий день произошло большое волнение, так как льдина лопнула прямо под кораблем. "Выбежав на палубу, - рассказывает Пайер, - мы обнаружили, что окружены и сдавлены льдом; кормовая часть корабля уже была зажата, а руль, который первым встретил его натиск, дрожал и стонал; но так как его огромный вес не позволял погрузить его на воду, мы удовлетворились тем, что крепко закрепили его. Затем мы спрыгнули на лед, раскачивающееся, дрожащее движение которого буквально наполнило воздух звуками, похожими на визг и завывания, и мы быстро подняли на борт все материалы, которые лежали на льдине, и поспешно скрепили трещины во льду ледяными якорями и тросами.... Но точно так же, как при народных восстаниях волна восстания распространяется со всех сторон, так и сейчас лед восстает против нас. Горы угрожающе вздымались из ровных ледяных полей, и низкие стоны, исходившие из их глубин, переросли в глубокий рокошущий звук и, наконец, переросли в яростный вой, как бы состоящий из мириад голосов. Безраздельно царили шум и смятение, и шаг за шагом приближалось разрушение в результате столкновения ледяных полей. Теперь наша льдина была раздавлена, и ее глыбы, сложенные в горы, раскачивались туда-сюда. Здесь они возвышались на сажень над кораблем и прижимали выступающие бревна из массивного дуба, словно в насмешку над их назначением, к корпусу судна; там массы льда падали вниз, как в пропасть под кораблем, чтобы быть поглощенными стремительными водами, так что количество льда под кораблем постоянно увеличивалось, и, наконец, оно начало поднимать его совсем выше уровня моря. Около 11.30 утра, по нашему обычаю, на палубе читали отрывок из Библии, и в этот день, совершенно случайно, была прочитана история Иисуса Навина; но если в его дни солнце стояло неподвижно, то лед не проявлял ни малейшей склонности к этому.... Со всей поспешностью мы начали готовиться покинуть корабль на случай, если он будет раздавлен, - участь, которая казалась неизбежной, если бы он недостаточно поднялся под давлением льда. В 12.30

давление достигло ужасающей высоты, каждая часть судна напряглась и застонала; команда, отправленная вниз обедать, выбежала на палубу. "*Тегеттхофф*" накренился на бок, и огромные столбы льда грозили обрушиться на него. Но давление ослабло, и корабль выровнялся; и около часа дня, когда опасность в какой-то степени миновала, команда спустилась вниз обедать. Но на судне снова почувствовалось напряжение, все, что свободно висело, начало сильно колебаться, и все поспешили на палубу, одни с недоеденным обедом в руках, другие распахивали его по карманам".

Немедленно были сделаны последние приготовления к покиданию корабля, "куда никто не претендовал на знание: ибо ни один фрагмент льда вокруг нас не остался целым; нигде глаз не мог обнаружить все еще совершенной и неповрежденной льдины, которая могла бы служить убежищем, каким прежде была огромная льдина для экипажа "*Ганзы*". Нет, ни одна глыба, ни один ледяной стол не находились в состоянии покоя, все их формы и размеры находились в активном движении, некоторые поворачивались и извивались, ни один на уровне. Сани тут же были бы поглощены".

Группа на *Тегеттхоффе* всю зиму находилась на грани гибели. Когда наступило лето, оно принесло с собой надежду на освобождение, но день проходил за днем, а льдина, на которой был закреплен корабль, по-прежнему не проявляла никаких признаков того, что собирается высвободиться из его хватки. В июле 1873 года была предпринята попытка измерить толщину льда с помощью бурильного станка; после того, как было пробито двадцать семь футов, от этой попытки пришлось отказаться. В августе шансы на освобождение начали значительно уменьшаться, и офицеров и команду начала одолевать горькая мысль о том, что они будут вынуждены вернуться домой, не сделав ни единого открытия, когда 30 числа того же месяца внезапное и неожиданное зрелище вдохнуло в них новую жизнь. "Около полудня, - рассказывает Пайер, - когда мы стояли, облокотившись на фальшборт корабля, и вглядывались в скользящий туман, сквозь который то и дело пробивались лучи солнца, стена тумана, внезапно поднявшись, открыла нам вдали на северо-западе очертания отвесных скал, которые через несколько минут, казалось, превратились в сияющую альпийскую местность! Сначала мы все стояли, ошеломленные и едва веря тому, что видели. Затем, увлеченные реальностью нашей удачи, мы разразились радостными криками: 'Наконец-то земля, земля, земля!' Теперь на борту "*Тегеттхоффа*" не было ни одного больного. Весть о находке распространилась мгновенно. Все бросились на палубу, чтобы собственными глазами убедиться, что экспедиция, в конце концов, не была неудачной — перед нами лежал приз, который у нас невозможно было отнять. И все же не нашими собственными действиями, а благодаря счастливому капризу нашей льдины, и, как во сне, мы выиграли ее; но когда мы думали о льдине, дрейфующей без перерыва, мы с удвоенной болью чувствовали, что находимся во власти ее движений. До сих пор у нас не было защищенной зимней гавани, из которой можно было бы успешно исследовать незнакомую землю. В настоящее время также не было никакой возможности добраться до нее и посетить. Если бы мы покинули льдину, то были бы отрезаны и заблудились. Только под влиянием первого волнения мы бросились бежать по нашему ледяному полю, хотя и знали, что бесчисленные трещины делают невозможным достижение суши. Но, несмотря на трудности, когда мы подбежали к краю нашей льдины, мы увидели с ледяной гряды горы и ледники таинственной страны".

Со всей подобающей помпой и обстоятельствами они назвали свое новое открытие Землей Франца-Иосифа, выпив при этом за здоровье своего императора. Однако их ликованию было

суждено продлиться недолго, потому что почти сразу же поднялся северный ветер, который отнес их льдину на много миль к югу, и Земля Франца-Иосифа, хотя и все еще была очень дорога памяти, полностью скрылась из виду. Более того, когда они в следующий раз оказались по соседству с ним, что произошло ближе к концу сентября, их ощущения были менее приятными, поскольку штормы самым ужасающим образом размывали лед, и им грозила неминуемая опасность потерпеть крушение на берегу, который, хотя они смотрели на него с гордостью, выглядел, как они должны были признать, явно негостеприимным. Однако к 1 ноября лед успокоился, и Пайер пришел к выводу, что он может безопасно попытаться совершить посадку. Путь был трудным, поскольку пролегал по грудам битого льда, который включал в себя вал высотой в пятьдесят футов, но люди не обращали внимания на такие препятствия, и это был гордый момент для них, когда они смогли ступить на землю, по которой, вероятно, никогда раньше не ступала нога человека.

ОХОТА НА МЕДВЕДЯ

Они обнаружили, что новая страна состояла из двух основных масс. Ту, на которую они высадились, они назвали Землей Вильчека, а другую - Землей Зичи, а пролив, разделявший их, они окрестили Австрийским проливом. Это была достаточно унылая и пустынная земля, покрытая по большей части вечными снегами и абсолютно лишенная каких-либо признаков обитания. Растительность была настолько скудной, что овцебыки или северные олени не могли бы поддерживать здесь жизнь, и это место, казалось, было полностью отдано белым медведям, лисам и немногочисленным перелетным птицам. Однако все зависит от точки зрения, и экипажу *Тегеттхофа* это, безусловно, показалось Раем. К счастью для них, лед вскоре стал тверже, и они смогли исследовать новую землю, меньше опасаясь, что им перережут путь к отступлению. Ранней весной Пайер нанес на карту несколько островов, из которых, по его мнению, состояла Земля Франца-Иосифа, и преуспел в проникновении так далеко на север, как мыс Флигели, самая высокая точка старого света, достигнутая до тех пор. Он также добавил на

карту несколько новых земель, которые впоследствии оказались несуществующими, среди них земли короля Оскара и Петерманна.

Было, конечно, совершенно очевидно, что корабль должен быть оставлен, и в течение зимы велись приготовления к тому, чтобы предпринять этот шаг, как только наступит весна. Целью была Новая Земля, где для них был создан склад провизии на случай непредвиденных обстоятельств. Однако у них не было необходимости пользоваться этим складом, поскольку, проходя мимо мыса Бритвин, они наткнулись на русскую шхуну "*Николай*", которая приняла их на борт и благополучно доставила обратно в Европу в сентябре 1874 года.

ГЛАВА XXIII ПРОЛИВ НЭРСА И СМИТА

После возвращения экспедиции сэра Эдварда Белчера в 1854 году британское правительство довольствовалось почиванием на лаврах в том, что касалось арктических исследований, и полностью предоставило эту область немцам, австрийцам, американцам и тем частным лицам, которые захотели взять на себя очень большие расходы по снаряжению экспедиции в полярные регионы. Однако в 1874 году в нем вновь проснулось чувство своей ответственности. Около Полюса все еще оставалась территория площадью около двух с половиной миллионов квадратных миль, по которой никогда не ступала нога цивилизованного человека, и люди науки считали, что никаких удовлетворительных данных о причинах и направлении штормов, а также о тысяче и одном другом факте, касающемся моря, который коммерческие страны хотели бы знать, нельзя получить, если полярные моря не станут несколько меньше напоминать закрытую книгу.

Не теряя времени, приступили к приготовлениям, и в апреле следующего года были введены в эксплуатацию два корабля для великой экспедиции 1875-76 годов, а командование было поручено капитану Джорджу С. Нэрсу. Судами, о которых шла речь, были *Alert*, паровой шлюп водоизмещением 751 тонна и мощностью 100 лошадиных сил, и *Discovery*, пароход водоизмещением 556 тонн и мощностью 96 лошадиных сил, который под названием *Bloodhound* уже побывал на службе в качестве китобоя. Они были оснащены всем самым современным оборудованием и имели запас провизии на три года, в то время как среди офицеров экспедиции были Альберт Х. Маркхэм, командир "*Алерта*", Пелхэм Олдрич, служивший лейтенантом на том же корабле, и Генри Ф. Стивенсон, который был назначен капитаном "*Дискавери*".

В сопровождении складского судна *Valorous*, с которого они должны были взять дополнительные припасы в Годхейвене, два корабля отплыли из Портсмута 29 мая 1875 года. Переход через Атлантику был долгим и шумным, но в конце концов 6 июля они прибыли в Годхейвен, где расстались с "*Доблестным*", взяв на борт все необходимое из провизии, а также двадцать четыре гренландских собаки. В Ритенбенк они отправили еще собак вместе с двумя водителями, Петерсеном, датчанином, служившим под началом Хейса, и Фредериком, эскимосом. В Провене они снова причалили, чтобы забрать нашего старого друга Ханса Кристиана, семья которого, ничуть не смущенная предыдущим опытом пребывания на льдине,

снова настояла на том, чтобы сопровождать его. 28 июля они достигли Порт-Фоулка, и им посчастливилось обнаружить вход в пролив Смита полностью свободным ото льда. Действительно, они задержались до тех пор, пока не достигли гавани Пайер, немного южнее мыса Сабин, где на несколько дней застряли во льдах, в течение которых Стивенсон занимался исследованием Фоулк-фьорда, в то время как Нэрс посетил остров Литтлтон и бухту спасательных шлюпок и исследовал *тайник* оставленный "*Поларис*".

Путешествие на север проходило с очень разной судьбой. Лед был чрезвычайно плох, и когда корабли на самом деле не были в нем окружены, они были заняты тем, что прокладывали себе путь сквозь него. Однако мало-помалу они продвигались вверх по ла-Маншу, запасаясь по пути большими запасами провизии, главным из которых был склад на 3600 пайков на островах Кэри, еще один склад такого же размера на мысе Хоукс и один на 1000 пайков на мысе Линкольн.

Но ice была не единственной трудностью, с которой приходилось бороться Нэрсу, поскольку таблица Хейса была для него источником постоянного раздражения, и большая часть его времени уходила на исправление ее ошибок. Мыс Фрейзер находился в восьми милях, а залив Скорсби - в двадцати милях севернее, а остальная часть западного побережья была так плохо очерчена, что Нэрс патетически заметил, что часто бывает трудно точно определить, где он находится.

Прижимаясь к западному берегу и пользуясь каждым каналом, открывавшимся рядом с кораблем, ему удалось достичь залива Леди Франклин, на другой стороне которого он обнаружил залив, не имеющий выхода к морю; его он назвал Дискавери-Харбор, и в нем он решил оставить свой корабль-компаньон, а сам отправиться дальше в *Боевой готовности*.

Поднимаясь по проливу, он заметил, что характер льда быстро менялся. У мыса Сабин самых больших льдин было всего восемь или десять футов толщиной; у мыса Фрейзер их толщина увеличилась до двадцати метров, и лед был явно старше, "но, - говорит он, - до настоящего времени, когда основной пакет состоял исключительно из тяжелого льда, мне не удалось заметить, что, вместо того, чтобы приближаться региона выступает с открытой водой и теплом климате, мы постепенно приближаемся к морю, где лед был совершенно другой формации, что мы никогда прежде не испытывала, что несколько арктических мореплавателей встретил, и только один сражался с успехом; что в действительности мы должны быть на подходе такое же море, которое рождает тяжелые льды встретили у берегов Америки Коллинсон и M'Clure, и который в 1851 году успешно ориентироваться в парусное судно свыше 100 миль, ..., который сэр Эдвард Парри встретился с в одном канале в 1820 г., ... который, проходя далее к востоку от пролива Мелвилл вниз м'Clintock канал, страдает, и никогда после этого не выпустили, *Эребус* и *Террор* под руководством сэра Джона Франклина и капитан Крозье, и которые, смешавшись с небольшой Шпицберген льда, постоянно течь на юг вдоль восточного берега Гренландии, и там уничтожили *Ханса* последнего немецкого Арктическая Экспедиция." Другими словами, Нарес находился посреди льда, образовавшегося в Полярном море, ныне известном как Палеокристаллический, и был первым человеком, по-настоящему понявшим его характер.

С некоторым трудом *Алерту* удалось добраться до Флоберг-Рич, что на латыни. 82 ° 25 северной широты. 62 ° западной долготы - наивысшая точка, когда-либо достигнутая кораблем. Здесь Нарес решил провести зиму, так как, хотя на первый взгляд местность казалась довольно незащищенной, она была хорошо защищена каймой тяжелых льдин, которые лежали на глубине от восьми до двенадцати морских саженей. К северу не было видно никакой земли, и

Нэрс был вынужден прийти к выводу, что, хотя он и достиг берегов Северного Ледовитого океана, это была полная противоположность тому открытому Полярному морю, которое он надеялся найти.

16 сентября корабль был фактически заморожен на зиму, а десять дней спустя капитан Маркхэм, лейтенант Парр и лейтенант Мэй отправились в санную экспедицию с целью создания складов провизии как можно дальше на север. Они хорошо выполнили свою работу, но страшной ценой, поскольку семь матросов и один офицер вернулись на корабль сильно обмороженными, а в трех случаях потребовалась ампутация конечностей. В то же время Пелхэм Олдрич отправился в исследовательское путешествие, в ходе которого ему удалось достичь широты Пэрри 82° 48' Северной широты

Зима была довольно погожей, но ужасно холодной — фактически самой холодной за всю историю наблюдений. В *оповещении* средняя температура в течение пяти дней и девяти часов составляла 66,29 ° ниже нуля, в то время как в течение двух отдельных периодов по пятнадцать дней каждый ртуть оставалась замороженной. В середине марта лейтенанты Эджертон и Роусон попытались установить связь с "*Дискавери*", но попытка закончилась катастрофой, поскольку сопровождавший их Петерсен заболел в пути, и всей группе пришлось вернуться. Оба офицера приложили самые героические усилия, чтобы вернуть ему здоровье, лишившись собственной теплой одежды и в результате жестоко пострадав. Однако их усилия оказались безрезультатными, поскольку выяснилось, что Петерсен был настолько сильно обморожен, что ему пришлось ампутировать обе ноги, и три месяца спустя он умер от истощения. Снова отправившись в путь, Роусон и Эджертон в сопровождении двух матросов достигли "*Дискавери*" и обнаружили, что ее команда благополучно провела зиму, хотя один человек заболел цингой.

Как только наступил апрель, Нэрс приступил к серьезной весенней работе, отправив две большие санные экспедиции, одна из которых под командованием командера Маркхэма должна была продвинуться как можно дальше на север, в то время как другая, под командованием лейтенанта Олдрича, должна была исследовать северные берега Земли Гриннелла.

Добравшись в сопровождении вспомогательной группы до мыса Генри, Маркхэм отправился в путь по Полярному морю 10 апреля 1876 года. Опасаясь, что они могут случайно оказаться в открытом море, группа взяла с собой две лодки, что значительно усложнило их работу, так как им пришлось преодолевать каждую милю своего путешествия четыре раза. Более того, их путь пролегал по особенно неприятным местам, ибо ледяное поле, по которому им предстояло идти, было подобно замерзшему океану, а впадины между волнами были заполнены снегом и обломками пакового льда. Одну из лодок вскоре бросили, но люди дотащили другую до широты. 83 ° 20, высшая точка, достигнутая к тому времени.

Обратный путь был еще более утомительным, потому что среди мужчин разразилась цинга, пятерых из семнадцати пришлось погрузить на сани, а многие остальные едва тащились по льду. Вскоре стало очевидно, что они не смогут добраться до корабля без посторонней помощи, поэтому лейтенант Парр галантно вызвался отправиться в путь самостоятельно и совершил поистине удивительный подвиг, преодолев тридцать миль, которые лежали между его

отправной точкой и кораблем, за двадцать четыре часа. Помощь, которую он привел обратно, подоспела как раз вовремя, потому что один человек умер по дороге, а одиннадцать остальных пришлось тащить на корабль на санях.

Во многих отношениях путешествие Маркхэма было одним из самых необычных в истории. Вместо того чтобы продвигаться ровным шагом, более половины каждого дня вся группа проводила лицом к саням и тащила их вперед на несколько футов за раз. Максимальная скорость продвижения составляла 2½ мили в день, средняя - 1½, в то время как, хотя расстояние от корабля до самой дальней точки составляло всего 73 мили, в обратном направлении они фактически преодолели не менее 521 мили.

Экспедиция Олдрича также серьезно страдала от цинги, но, тем не менее, преуспела в выполнении превосходной работы, исследовав северные берега Земли Гриннелла на протяжении 220 миль, то есть до широты. 82 ° 16' северной широты, 86 ° западной долготы, к счастью, Нарес, забеспокоившись о безопасности Олдрича, послал лейтенанта Мэя и двух матросов сменить его. Хорошо, что он так и сделал, поскольку обнаружил, что только Олдрич и один человек были в состоянии тащить, и вся группа, вероятно, погибла бы, если бы не его своевременная помощь.

Экспедиция лейтенанта Бомонта с "*Дискавери*" также едва не закончилась катастрофой по той же причине. Он особенно тщательно исследовал северное побережье Гренландии и так хорошо выполнил свою миссию, что намного опередил всех своих предшественников и преуспел в достижении лат. 82° 20' северной широты, 51° Западной долготы. Путешествие домой было долгой и суровой борьбой с болезнями, которая, казалось, могла закончиться катастрофой, когда, достигнув канала Робсон, он обнаружил, что лед слишком прогнул, чтобы они могли переправиться к *Алерту*. К счастью, Роусон и доктор Коппингер прибыли как раз вовремя, чтобы спасти всех, кроме двоих.

Только по *Тревоге* было зарегистрировано не менее тридцати шести случаев цинги, и Нейрс решил вернуться, как только сможет покинуть зимние квартиры. Он был освобожден в конце июля, а в октябре оба корабля благополучно достигли Англии после удивительно успешного плавания, в ходе которого были открыты огромные пространства совершенно новой страны.

ГЛАВА XXIV ТРАГЕДИЯ ГРИЛИ

Какими бы ценными ни были непосредственные результаты плавания лейтенанта Чарльза Вейпрехта на "*Тегеттхоффе*", его косвенные результаты были еще более значительными, поскольку он вернулся из своего полного приключений путешествия, полный планов революционизировать методы исследования Арктики. До того времени каждая нация или каждая группа людей шла своим собственным путем, практически независимо от научных или

географических работ других, и не было никаких попыток разгадать тайны арктических регионов совместными действиями. Однако в обращении, произнесенном перед Немецкой научной и медицинской ассоциацией Граца в 1875 году, Вейпрехт предложил, чтобы глава государства, занимающегося арктическими исследованиями, основал несколько станций вокруг Полюса, на которых следовало бы проводить серию одновременных наблюдений. В результате этого обращения Бисмарк назначил комиссию из ведущих ученых для рассмотрения предложения Вейпрехта, и эта комиссия пришла к выводу, что работа будет иметь величайшую ценность и что объединенные действия нескольких наций необходимы для ее успеха. Из этих начинаний постепенно выросла Международная циркумполярная конференция 1879 года. Ее первое заседание, состоявшееся в Гамбурге, было в основном посвящено обсуждению деловых вопросов, и одиннадцать стран пообещали свою поддержку. Вторая конференция, собравшаяся в Берне в августе 1880 года, приняла окончательное решение о плане действий, который следует использовать, и приняла схему наблюдений, обязательных и факультативных, для использования на пятнадцати станциях, которые было предложено создать.

Из пятнадцати окончательно созданных станций Дания, Германия, Россия и Соединенные Штаты заняли по две каждая, в то время как Австро-Венгрия, Финляндия, Франция, Великобритания, Голландия, Норвегия и Швеция установили по одной. Кроме того, тридцать четыре постоянные обсерватории пообещали свое сотрудничество, в результате чего в течение нескольких последующих лет компетентные ученые одновременно вели важные наблюдения на сорока девяти различных станциях, причем все они находились либо непосредственно в Полярных регионах, либо в непосредственной близости от них.

О работе большинства из этих экспедиций нам вообще не нужно беспокоиться. Она носила чисто научный характер, и любознательные могут найти все это изложенным в тридцати одном томе объемом в quarto Международных полярных научных публикаций, которые содержат на сегодняшний день самую большую коллекцию научных арктических данных из всех существующих. Единственная партия из пятнадцати, за которой нам действительно нужно следить, - это та, которую Америка отправила под командованием лейтенанта А. В. Грили для создания базы в заливе Леди Франклин, на восточном побережье Земли Гриннелл, в районе, который посетил Нэрс в 1875 году.

План экспедиции, вкратце, заключался в следующем: Грили, который был лейтенантом Отдела связи армии Соединенных Штатов, должен был отплыть на *Proteus*, судне для перевозки тюленей водоизмещением 467 тонн, с партией из двадцати пяти человек весной 1881 года. "*Протей*" должен был направиться прямо в залив Леди Франклин, где он должен был высаживать экспедицию и затем вернуться домой. Было условлено, что судно с припасами посетит станцию в 1882 году и еще раз в 1883 году. На случай, если ей не удастся добраться до штаб-квартиры партии, она должна была *спрятать* большое количество припасов на восточном побережье Земли Гриннелл и создать склад на острове Литтлтон. Если ни одному судну не удастся достичь залива Леди Франклин в 1882 году, корабль, отправленный в 1883 году, должен был оставаться в проливе Смит до тех пор, пока позволят условия, и перед отплытием должен был высаживать партию со всем необходимым для зимовки на острове Литтлтон. Оставалось надеяться, что таким образом безопасность Грили и его людей будет обеспечена.

К сожалению, похоже, что министр кабинета министров, отвечавший за оснащение партии, был не слишком хорошо расположен к этому. Средств, предоставленных в его распоряжение, было

совершенно недостаточно, в результате чего Грили был вынужден проявлять строжайшую экономию при закупке своих припасов, в то время как из-за ряда досадных и совершенно ненужных задержек с доставкой документов и так далее ему пришлось спешно завершить последние приготовления за неудобно короткий промежуток времени. В конце концов, однако, оборудование было завершено в достаточном, но отнюдь не либеральном масштабе, и *Proteus* отплыл из Сент-Джонса, Ньюфаундленд, 7 июля 1881 года. Только когда она добралась до Холл-Бейсин и действительно оказалась в поле зрения пункта назначения, ее впервые задержал лед. Однако, к счастью, судно было оснащено паром, так что вскоре оно прорвалось через барьер и высадило членов экспедиции в гавани Дискавери, месте, наконец выбранном для их штаб-квартиры.

Здесь они оказались в восхитительном месте. Дриас, саксофраж, осока, злаки и лютики покрывали склоны холмов и берега рек, а животный мир был здесь в изобилии. Как только они сошли на берег, мужчины приступили к строительству своего жилья, и эту работу они выполнили с такой быстротой, что за две недели соорудили себе чрезвычайно удобный дом, который называли Форт Конджер. К сожалению, даже на этой ранней стадии разбирательства партия, похоже, не была в гармоничных отношениях, и, похоже, что Грили, каким бы способным офицером он ни был, имел неудачный способ оттолкнуть симпатии своих последователей. Первые признаки этих трений появились, когда через восемь дней после приземления "*Протей*" отплыл домой и взял с собой одного или двух добровольцев, которые намеревались принять участие в работе экспедиции, но сочли невозможным остаться. Когда она уже собиралась снова отправиться в путь, лейтенант Кислингбери, один из штатных офицеров экспедиции, выразил недовольство тем, как велись дела, и попросил разрешения вернуться. Это было ему предоставлено, но он опоздал на корабль и был вынужден вернуться на станцию. С тех пор Грили почти не разговаривал с ним, и хотя он великолепно выполнял работу охотника на партию и проявлял стремление всячески защищать ее интересы, его никогда не просили возобновить официальную связь с ней.

Первые дни их пребывания в Форт-Конгере были потрачены на короткие санные экспедиции и закладку складов провизии на мысе Бичи и мысе Мерчисон. Под руководством астронома Израэля научные исследования также проводились с величайшим рвением, и было получено много чрезвычайно ценных результатов. Как только снова наступила весна, во все стороны были разосланы санные экспедиции, и некоторые члены отряда пережили довольно любопытный опыт. Например, Пави, врач миссии, и небольшая группа отправились в исследовательское путешествие в направлении зимних квартир *Алерта*, до которых они благополучно добрались. Однако восемь дней спустя они были достаточно неразумны, чтобы укрыться от шторма на айсберге. К их ужасу и тревоге, шторм отделил их айсберг от основной стаи и направил его на север. Они достигли лата. 82 ° 56 северной широты, и уже начали сомневаться, вернутся ли они когда-нибудь снова, когда, по счастливой случайности, их плот отнесло к берегу, которого им удалось достичь, но лишь с большим трудом.

Пока Пави и его спутники предавались своему опасному путешествию, лейтенант Дж. Б. Локвуд, один из самых неугомонных членов миссии, совершал необычное путешествие вдоль западного побережья Гренландии. Он покинул Форт Конджер 3 апреля с приказом исследовать побережье у мыса Британия и оттуда продвигаться в любом направлении, которое он сочтет подходящим. Лед был неровным, бушевали сильные штормы, а мороз - невыносимым, столбик термометра иногда опускался до 81 ° ниже точки замерзания. Однако, несмотря на эти трудности, он быстро

продвигался вперед и 27 апреля достиг мыса Брайант. Оттуда он отослал назад всех своих людей, за исключением двух, сержантов Брейнарда и Кристиансена, и с этими товарищами двинулся вперед с удвоенным рвением. В ходе своего путешествия он пересек фиорд Шерарда Осборна, миновал самую высокую точку, достигнутую Бомонтом в 1876 году, обогнул мыс Мэй, поднялся на мыс Британия и 13 мая достиг острова Локвуд, самой высокой точки, достигнутой любым исследователем Арктики до того времени (83 ° 24 ' северной широты 42 ° 45' западной долготы). В нескольких милях к северу он увидел мыс Вашингтон, самую северную из известных земель, но не смог определить, есть ли за ним земля. Затем Локвуд и его спутники отправились в обратный путь и 1 июня без приключений добрались до форта Конджер.

Лето действительно было очень теплым. Снег растаял и обнажил следы жилищ эскимосов, в то время как некоторые из участников группы действительно видели бабочек и шмелей. Но от корабля, который они ожидали, не было и следа. Однако, поскольку у них было достаточно провизии на следующую зиму, причин для немедленной тревоги не было.

Весной 1883 года Локвуд попытался повторить свой прошлогодний подвиг, но условия были против него, и ему пришлось вернуться, не выполнив своей цели. Он немедленно отправился помогать Грили в его исследовании внутренних районов Земли Гриннелл - работе, которая была начата предыдущим летом. Результаты их усилий показали, что эта страна - настоящий Рай по сравнению с большинством арктических земель. Его пересекают реки и длинные плодородные долины, в которых пасутся стада овцебыков, а одной из самых примечательных особенностей было огромное ледниковое озеро площадью около пятисот квадратных миль, питаемое ледниками, которое они называли озером Хейзен.

Август не принес с собой никаких признаков ожидаемого корабля, и теперь Грили понял, что ему следует без промедления отправиться домой на своих лодках. Соответственно, 9 августа он и его спутники отплыли из форта Конджер на своем паровом катере, двух лодках и шлюпке, взяв с собой все остатки продовольствия, которые они могли разместить в небольшом помещении, находившемся в их распоряжении. Путешествие было трудным и опасным, так как сильные весенние приливы, достигавшие двадцати пяти футов и более, в сочетании с сильными штормами поддерживали паковый лед в постоянном движении у обрывистого и усеянного скалами побережья. Из-за задержек, вызванных погодой, и постоянных остановок, которые им приходилось делать, чтобы забрать каждый, каким бы незначительным ни был *тайник*, который был заложен за годы их пребывания в гавани Дискавери, им потребовалось шестнадцать дней, чтобы преодолеть двести миль, лежавших между местом их отправления и мысом Хокс. Однако худшее было впереди, поскольку у острова Баче лодки вмерзли в лед так прочно, что у них не было другого выбора, кроме как покинуть их, и условия были настолько неблагоприятными, что девятнадцать дней ушло на то, чтобы пробиться к берегу, который находился всего в тринадцати милях, когда они отправились к нему.

Наконец, однако, им удалось высадить десант между мысом Сабина и мысом Изабелла, но теперь их положение было немногим лучше, чем раньше. Все они были в добром здравии, это правда, и они сохранили свои инструменты и ценные записи о своих действиях, но им отчаянно не хватало провизии, а берег, на котором они оказались, был крайне негостеприимным. Однако ничего не оставалось, как извлечь максимум пользы из неудачного бизнеса. Соответственно, кто-то занялся охотой, кто-то начал возводить зимние жилища, в то время как другие отправились на поиски пирамид и записей. Именно на мысе Сабин одна из этих групп нашла

запись, в которой говорилось, почему "*Протей*" не появился в проливе Леди Франклин. Согласно летописи, по пути туда в июле 1883 года она была раздавлена льдами к северу от мыса и стала абсолютно непригодной для дальнейшей службы. Однако она оставила там запас провизии, и ее командир, лейтенант Э. А. Гарлингтон, оставил там сообщение, в котором говорилось, что он попытается присоединиться к американскому кораблю "*Янтик*" со всей возможной скоростью с целью получения немедленной помощи терпящему бедствие отряду. К несчастью для них, "*Янтик*", которому было приказано вернуться на остров Литтлтон, был всего лишь судном с хорошей погодой и не мог оказать им никакой помощи.

Грили немедленно отправился на мыс Сабин и построил зимние квартиры на острове Бедфорд-Пим. *Тайник*, о котором говорил Гарлингтон, действительно был там, но его было катастрофически недостаточно, и группа оказалась лицом к лицу с ужасной необходимостью провести долгую арктическую зиму в плохих жилищах, неадекватно одетой и всего с сорокадневным пайком. С того времени Дневник Грили превратился в одну длинную историю ужасов. Голод и цинга нанесли страшный ущерб мужчинам, и вскоре их состояние стало плачевным. До начала апреля экспедиция потеряла только одного из своих членов, но 5-е число того месяца стало началом конца, и с этого дня смертельные случаи стали ужасно частыми. Локвуд, Кислингбери, Израэль, астроном, и доктор Пави - все заболели и умерли с интервалом в несколько недель друг от друга; Райс, фотограф, погиб при попытке найти тайник; Йенс погиб на охоте; а Генри, который выполнял обязанности повара, пришлось казнить за кражу из небольшого запаса провизии, оставленного страдающим от голода мужчинам.

Наконец, 22 июня 1884 года Грили с удивлением услышал звук парового гудка. Он был слишком слаб, чтобы самому покинуть хижину, но один из немногих выживших членов его отряда принес известие о прибытии двух кораблей помощи, "*Фетиды*" и "*Медведя*", под командованием капитана В. С. Шлея и командера Х. Х. Эмори. Не теряя времени, они подняли Грили и его людей на борт, и их немедленно доставили обратно в Америку, причем во время путешествия произошла еще одна смерть.

Теперь мы подходим к той части истории, которая опущена в большинстве рассказов об этой экспедиции, но которую следует привести полностью, какой бы ужасной она ни была, несомненно. Мы уже упоминали, что тогдашний военный министр мистер Роберт Т. Линкольн с самого начала был не слишком благосклонен к экспедиции и что он создал много трудностей на ее пути, прежде чем она покинула американские берега. Каким бы невероятным это ни казалось, именно в таком духе власти подошли к экспедициям по оказанию помощи, и не может быть никаких сомнений в том, что большинство, если не все, людей Грили можно было спасти, если бы первоначальные планы были выполнены должным образом.

Как мы уже видели, летом 1883 года "*Протей*" отправился в путь в сопровождении "*Янтика*" под командованием капитана Уайлда с приказом либо доставить Грили домой, либо создать достаточный склад провизии на острове Литтлтон. Командование "*Протеем*" было поручено капитану Пайку, в то время как лейтенант Гарлингтон, добровольно поступивший на службу, был поставлен во главе всей экспедиции. Первоначальная ошибка была допущена, когда "*Янтику*" разрешили выйти в море с очень плохим состоянием котлов, что потребовало скорейшего визита в гренландский порт. Следовательно, она не смогла сопровождать "*Протей*" далеко на север, как было задумано изначально. Уайльд, однако, получил приказ присоединиться к Гарлингтону на острове Литтлтон с как можно меньшим опозданием.

Недалеко от входа в пролив Смита "*Протей*" был остановлен льдом. Однако Гарлингтон, проводя разведку с холма недалеко от гавани Пайер, увидел просвет в открытой воде сквозь то, что до сих пор было сплошным льдом, и, вернувшись на корабль, приказал Пайку подниматься по нему. Пайк, у которого был большой опыт работы со льдом, сказал, что ему не нравится, как это выглядит, и он предпочел бы подождать несколько дней, так как сезон еще очень ранний. Гарлингтон, однако, настаивал, и у Пайка, конечно, не было другого выбора, кроме как подчиниться его приказу. В результате "*Протей*" застрял во льдах и затонул. Перед тем, как корабль пошел ко дну, на льдину было выброшено около 3000 пайков или больше, но часть льда откололась сама по себе, и семистам или восьмистам было позволено дрейфовать вместе с несколькими собаками, поскольку Гарлингтон отказался предпринимать попытки спасти их. Из 2000 или более пайков, доставленных в конце концов на мыс Сабин, Гарлингтон оставил только 500 для Грили, погрузив остальные в лодки и приберегая их для собственного использования.

Затем он направился на остров Литтлтон. Здесь не было недостатка в дичи, и, поскольку у него было много боеприпасов, он легко мог бы создать великолепный склад провизии для исследователей, которые, как он должен был знать, зимой окажутся в отчаянном положении. Он знал это, как и то, что "*Янтик*" была обязана по его приказу присоединиться к нему на острове Литтлтон, и все же ему ничего не оставалось, как немедленно отправиться на своих лодках ей навстречу. Лейтенант Колвелл предложил отправиться с этой целью на китобойном судне, пока Гарлингтон будет запасаться провизией; предложение было отклонено. Пайк уговаривал его подождать несколько дней, поскольку не было никаких сомнений в том, что "*Янтик*" благополучно пересечет залив Мелвилл; совет был отклонен. События показали, что Пайк был прав, поскольку "*Янтик*" достиг острова Литтлтон через три дня после того, как Гарлингтон и его люди покинули его, разумеется, разминувшись с ними по пути. Теперь у Уайльда не было другого выбора, кроме как отправиться на поиски экипажа "*Протей*", и в конце концов ему удалось найти их на побережье Гренландии.

Теперь начинается самая удивительная часть всей этой истории. Как только Гарлингтон оказался на борту, он отдал Уайлду приказ плыть прямо домой, хотя сезон судоходства еще и наполовину не закончился, и хотя он оставил сообщение для Грили о потере "*Протей*", в котором говорилось, что он возвращается на "*Янтик*", и добавлял, что "все, что в силах человека", должно быть сделано для его спасения.

"*Янтик*" проделал хороший путь домой, и даже тогда было бы легко снарядить и отправить специальное судно к мысу Сабин, поскольку все капитаны китобойных промыслов были согласны с тем, что судно, отплывающее из Нью-Йорка уже 19 сентября, сможет безопасно добраться до мыса Сабин. Генерал Хейзен, старший офицер-сигнальщик, умолял Линкольна немедленно приобрести и отправить судно; ничего не было сделано. Лейтенант Мелвилл, о котором у нас будет повод рассказать подробнее в связи с экспедицией *Жаннет*, сам предложил отправиться туда; его предложение не было принято, и вскоре после этого Линкольн выразил убеждение, что теперь уже слишком поздно. Как показали события, залив Мелвилл в том году был судоходным в течение сорока пяти дней после того, как было произнесено "слишком поздно", и многие из товарищей Грили заплатили за эту ошибку своими жизнями.

Эта история - одно из немногих темных пятен в истории освоения Арктики. Никому, конечно, и в голову не придет обвинять лейтенанта Гарлингтона или военного министра в преднамеренном принесении в жертву жизней своих собратьев, но удивительно, что, хотя они знали о малейшей

вероятности того, что Грили и его люди умрут от голода на бесплодном и негостеприимном берегу, где у них не было никаких шансов добыть пищу, они пренебрегли всеми возможными усилиями для их спасения.

ГЛАВА XXV

НОРДЕНШЕЛЬД И ЕГО РАБОТА

Из всех людей, пополнивших мировые научные знания о полярных регионах, нет ни одного, кто сделал свое имя более известным, чем Адольф Эрик Норденшельд. Данные, которые он собрал, и открытия, которые он сделал во время своих многочисленных путешествий в Арктику, оказались бесценными, и его исследования не только принесли богатые научные и географические результаты, но и принесли пользу торговому миру, открыв новые области для предпринимательства и доказав практичность маршрутов, которые всегда считались абсолютно безнадежными.

Норденшельд родился в Гельсингфорсе, столице Финляндии, 18 ноября 1832 года. Его отец был хорошо известным натуралистом и главой горного ведомства Финляндии, и именно его раннему образованию сын был обязан своими первыми знаниями в той конкретной области науки, в которой ему суждено было стать одним из ведущих специалистов. На него обрушились почести, и он уже становился одним из самых известных минералогов Швеции, когда в возрасте двадцати шести лет присоединился к экспедиции профессора Торрелла на Шпицберген. Нам нет необходимости касаться ни этой экспедиции, ни экспедиции 1861 года, в которой он служил под началом того же руководителя. Однако в 1864 году, то есть через год после того, как норвежец Карлсен впервые совершил кругосветное плавание вокруг Шпицбергена, болезнь профессора Хидениуса, который должен был выполнять функции руководителя шведской экспедиции того года, оставила без командования экспедицию. Это было предложено Норденшельду, который, конечно же, принял его. Эта партия была отправлена не только для проведения научных исследований на Шпицбергене, но и для исследования неизвестных регионов к северу от этого острова. Первую часть своей задачи Норденшельд выполнил превосходно, среди прочего заново открыв Землю Уиче, которую не видели с тех пор, как Томас Эдж случайно наткнулся на нее в 1617 году; выполнить вторую ему помешал только тот факт, что он наткнулся на семь лодок с потерпевшими кораблекрушение охотниками на моржей, которым, конечно же, он должен был оказать помощь. Это создало настолько серьезную нагрузку на его комиссариатский отдел, что он был вынужден отказаться от своего первоначального намерения.

К глубокому сожалению Норденшельда, шведское правительство теперь пришло к выводу, что на данный момент оно сделало достаточно в области арктических исследований. Исследователь, однако, приобрел вкус к арктическим путешествиям и ни в коем случае не был склонен сдаваться безропотно. Соответственно, он обратился по этому вопросу к графу Эренсварду, губернатору Гетеборга, и благодаря его любезным услугам такими торговыми магнатами, как Диксон, Экман и Карнеги, был собран фонд, в результате чего в 1868 году он смог отправиться в экспедицию, в ходе которой ему удалось достичь более высокой точки, чем когда-либо достигали исследователи старого света на корабле.

По возвращении Оскар Диксон, который оказался для Норденшельда настоящим меценатом, спросил его, не хотел бы он продолжить свои исследования в этом направлении, и вряд ли нужно говорить, что его протеже ухватился за это предложение. Новая экспедиция должна была быть гораздо более масштабной, чем любая из ее предшественниц, поскольку Норденшельду предстояло перезимовать на северном побережье Шпицбергена и продвигаться оттуда по льду так далеко, как позволяли условия. Одним из первых вопросов, который предстояло рассмотреть, был вопрос о тягловых животных, и, чтобы определить конкурирующие достоинства собак и северных оленей, Норденшельд отправился в Гренландию, чтобы заняться делом о собаках, в то время как Диксон проводил исследование повадок оленей. Именно во время этого визита в Гренландию Норденшельд совершил свой первый рейд по внутренним льдам, подробности которого приведены в другом месте. Результатом этих расспросов стал вердикт в пользу оленей, мотивированный тем, что их было легче прокормить и что их можно было убить и съесть, если бы у экспедиции случайно не хватило провизии.

Не пожалели усилий, чтобы сделать снаряжение как можно более полным, и в сопровождении двух судов с провизией, *Gladen* и *Onkle Adam*, отряд отправился навстречу своим приключениям с большими надеждами на свершение великих дел. Судьба, однако, была против них, и вскоре после прибытия на зимние квартиры в Мидзел-Бей их постигло тяжелое несчастье. Первоначальный план состоял в том, чтобы корабли конвоя разгрузились и затем вернулись домой, но 16 сентября разразился ужасающий шторм, в результате которого корабли оказались настолько прочно зажатými во льдах, что в том году не было никакой перспективы спастись. Более того, северные олени воспользовались бурей, чтобы совершить побег, и только одного из них удалось найти снова. Это было особенно прискорбно, поскольку Норденшельд зависел от них не только в осуществлении своих планов, но и в поставках свежего мяса, которое было бы так необходимо, если бы разразилась цинга.

Поскольку теперь требовалось прокормить 67 ртов вместо 24, единственным выходом для командира было сократить ежедневный рацион на треть, что он, соответственно, и предпринял. Люди восприняли несчастье с похвальным смирением, но их стойкость подверглась серьезному испытанию несколько дней спустя, когда до них дошла весть, что шесть судов с моржами были заморожены в Пойнт Грей и кейп Вэлком, что их экипажи насчитывают 58 человек и что при осторожности и экономии их провизии может хватить до 1 декабря, после чего им придется просить помощи у Норденшельда. Вряд ли нужно говорить, что исследователь не был вне себя от радости от такой перспективы, тем более что при таком количестве еды, которую нужно было накормить, и таком малом количестве еды было морально очевидно, что все они умрут с голоду до конца зимы. Однако, к счастью, он знал, что шведское поселение на мысе Терсден, примерно в 200 милях отсюда, было покинуто в том году и что там был оставлен хороший запас провизии. Соответственно, он договорился с охотниками, что часть их отряда отправится туда, а остальных он поддержит в меру своих возможностей, когда их собственные запасы провизии иссякнут. Чтобы по возможности сэкономить свои собственные средства, он предпринял эксперимент по превращению своего ставшего бесполезным оленьего мха в хлеб. Этот рецепт не из тех, которые заслуживают похвалы, на которые обращают внимание любители новизны, но он оказался просто съедобным. Однако эта предосторожность, к счастью, оказалась излишней, так как два судна с моржами были спущены на воду во время шторма, и охотникам удалось спастись. Те из них, кто отправился на мыс Терсден, проявили такое полное пренебрежение к законам гигиены, что все они умерли зимой.

Как это было неизбежно в данных обстоятельствах, вспышки цинги были частыми, но они оказались поддающимися лечению. Охотникам из отряда посчастливилось подстрелить семь северных оленей, которые стали приятным дополнением к плохо заполненной кладовой. “Это,” говорит Лесли, “были поводья в зимней одежде. Все тело было покрыто очень плотным зимним волосяным покровом толщиной в несколько дюймов. Голова, почти неотличимая от шеи, была короткой и толстой, с широким носом и глазами, заметными при тщательном рассмотрении. Туловище казалось бесформенным, а ноги короткими и неуклюжими. Этот особенно бесформенный вид объясняется не только длинной шерстью, но и толстым слоем жира, которым в это время года окружена вся мышечная масса. Действительно, удивительно, как это животное может накапливать такую массу жира на Шпицбергене, где растительность такая скудная, а лето такое короткое. Весной, даже в конце июня, от них, как говорят, кожа да кости; но осенью, к концу августа и в течение всего сентября, они напоминают откормленный скот, и их мясо настолько окружено жиром, что для многих оно почти несъедобно”.

Как только наступила весна, Норденшельд отправился в свое северное путешествие. Все надежды, которые он мог питать на то, что сможет продвинуться далеко на север, вскоре рухнули, потому что у Семи островов лед оказался настолько прочным, что пытаться пересечь его было бесполезно. Поэтому он решил приступить к действительно более ценной работе по исследованию Северо-Восточной Земли с целью определения ее геологического строения и установления ее восточной границы, что всегда было спорным вопросом. Вокруг берега лед был неровным и бугристым, и из-за этого движение было медленным. 1 июня исследователи были вынуждены выйти на внутренний лед, морская часть которого, можно сказать, представляет собой самый большой известный ледник. Здесь их путь стал не только опасным, но и просто трудным. “Едва мы продвинулись на 2000 футов, - говорит Норденшельд, - как один из наших людей исчез в месте, где лед был совершенно ровным, причем так мгновенно, что он даже не успел позвать на помощь. Когда мы, перепуганные, заглянули в яму, сделанную там, где он исчез, мы обнаружили его висящим на веревке, к которой он был привязан оленьей упряжью, над глубокой пропастью. Его вытащили целым и невредимым. Подобные происшествия происходили часто, в то время как монотонность путешествия также разнообразилась длинной чередой каналов шириной от 30 до 100 футов с вертикальными стенами иногда высотой 40 футов. Эти каналы часто пересекались по снежным мостам, которые могли обрушиться под ногами путешественников, но никто из мужчин серьезно не пострадал.

Первоначальный план Норденшельда направиться к мысу Мон был отвергнут из-за непроходимой местности, и он, соответственно, спустился в пролив Хинлопен в заливе Валенберг и оттуда вернулся в свою штаб-квартиру. Там им посчастливилось быть найденными английским яхтсменом Ли Смитом, который избавил их от всех страхов за будущее.

Какими бы ценными ни были ранние путешествия Норденшельда, возможно, его имя лучше всего запомнят как первооткрывателя Северо-Восточного прохода. На протяжении веков идея найти путь в Китай вдоль побережья Азии было позволено потерпеть неудачу, в основном, конечно, потому, что для всех, кто хотел ими воспользоваться, были открыты другие, более легкие маршруты. Однако в 1875 году к этой теме вернулись, и Оскар Диксон выразил желание снарядить экспедицию, которой должен был командовать Норденшельд. Было сочтено целесообразным отправить небольшую предварительную экспедицию, чтобы разведать путь, и соответственно в том же году Норденшельд отправился в путь на *Proven*, небольшом судне водоизмещением 70 тонн, и ему удалось достичь устья Енисея, чего никогда ранее не

совершалось. Ценность его поездки, однако, была несколько принижена в некоторых кругах, и многие авторитетные источники считали, что его успех был во многом обусловлен тем фактом, что лед в том году был необычайно благоприятным, и что он не смог бы повторить это выступление в любой обычный сезон. Чтобы заставить замолчать этих критиков, Норденшельд отплыл из Тромсе на *Имере* 25 июля 1876 года и бросил якорь в устье Енисея 15 августа, доказав тем самым, что арктический маршрут вполне осуществим, и открыв путь, который с тех пор доказал свою ценность.

Эти два успеха придали Норденшельду еще большей решимости совершить полное плавание от Тромсе до Берингова пролива; и он так убедительно доказывал свою правоту, что ему удалось получить грант от шведского сейма, который, при содействии Оскара Диксона, Кинга Оскара и М. Сибирякова, позволил ему оснастить "*Вега*" и отплыть на ней из Тромсе 21 июля 1878 года в сопровождении экспресса, "*Фрейзер*", с грузом по Енисею и *Лене*, которые должны были вести в Якутск.

Карский пролив был совершенно свободен ото льда, и здесь "*Вега* доставляла уголь с *Экспресса* в свои собственные бункеры. Страшное Карское море также было благополучно преодолено, и 10 августа два корабля, из которых теперь состояла экспедиция, стояли у устья Енисея. С этого момента Норденшельд находился в состоянии нервного напряжения, поскольку в любой момент его могло затянуть льдом. Однако мыс Челюскин, самая северная точка Азии, был успешно обогнут, Новосибирские острова пройдены, и 12 сентября "*Вега*" приближалась к мысу Иркэйпи, по другую сторону которого лежал Берингов пролив, а "*Лена*" оставила ее у реки, в честь которой она была названа.

Теперь Норденшельд находился в 120 милях от места назначения, и его честолобивое намерение завершить переход за один рейс, казалось, было на грани осуществления, когда его корабль застрял во льдах и так прочно вмерз, что от всех надежд снова освободить его этой зимой пришлось отказаться. "*Вега*" стояла недалеко от чукотской деревни, и Норденшельд и его помощники сразу же приступили к ознакомлению с манерами и обычаями местных жителей. Один из них, по его словам, "носил на шее греческий крест. Похоже, он был крещен, но его христианство мало что значило. Он с большим рвением перекрестился на солнце в нашем присутствии. Это был единственный след религии или религиозных обрядов, который мы смогли обнаружить". Во время общения с туземцами Норквисту удалось выучить около тысячи слов на их языках, в то время как другие члены отряда сделали много ценных этнографических наблюдений.

18 июля 1879 года "*Вега*" была освобождена, а 20-го числа она обогнула Восточный Кейп, став таким образом первым кораблем, совершившим трудный переход за один рейс.

ГЛАВА XXVI ИСТОРИЯ "ЖАННЕТТЫ"

Путешествие *Жаннетты* представляет двойной интерес, поскольку не только сама история является одной из самых ужасных трагедий во всей истории освоения Арктики, но, как будет

видно позже, именно судьба несчастного корабля побудила Нансена сформулировать свой план достижения полюса, загнав свое судно во льды и позволив ему дрейфовать на север по течению.

Экспедиция *Жаннет* была обязана своим началом мистеру Дж. Дж. Беннетту из *New York Herald*, который часто проявлял свой интерес к исследованиям в Арктике, снаряжая и отправляя суда за свой счет. Он купил *Пандору* у сэра Аллена Янга, переименовал ее в *Жаннет* и передал под командование командера Де Лонга, который был участником спасательной экспедиции, отправленной на помощь *Полярису*. Превосходно оснащенная во всех деталях как для навигации, так и для научных исследований, "*Жаннетта*" отплыла из Сан-Франциско 8 июля 1879 года. После короткого захода в Сент-Майкл, где она взяла на борт сани, меха, собак и двух погонщиков собак с Аляски, она снова подняла паруса и направилась к Берингову проливу.

План экспедиции состоял в том, чтобы провести зиму на Земле Врангеля, а затем продвигаться дальше на север, если возможно, к Полюсу. Однако, к несчастью для Де Лонга, Страна Врангеля, о которой говорили географы того времени, на самом деле не существовала, и ему было суждено никогда ее не достичь. На протяжении более века, основываясь на сообщениях чукчей, считалось, что к северу от Азии существует обширный континент, который простирается прямо через Полюс до Гренландии. В это верил не меньший авторитет, чем сам великий Петерманн, и отчеты американского китобоя Томаса Лонга, открывшего Землю Врангеля в 1867 году, и других китобоев, следовавших за ним, как правило, подтверждали эту теорию, поскольку недавно открытая земля, по-видимому, имела значительную протяженность. Соответственно, Де Лонг имел все основания полагать, что здесь он найдет удобное жилище на зиму.

Однако очень скоро ему пришлось разочароваться, потому что не успел он отойти и на сотню миль от берега, как "*Жаннетта*" застряла во льдах, и с тех пор ее история стала до боли напоминать историю "*Тегеттхоффа*", без каких-либо компенсаций. Постоянно уносимый на запад постоянно движущимся паком, то сжимаемый до тех пор, пока его швы почти не разошлись, то находящийся под угрозой ужасного разрушения от ледяных волн, которые накатывались на него, он вскоре оказался в самом плачевном положении. Вот описание, написанное ее главным инженером Г. В. Мелвиллом, события, которое происходило почти ежедневно:

“Было замечено, что во время продолжающегося ветра вся ледяная масса равномерно двигалась перед ним; но когда он утих, масса, приведенная в движение, теснилась и обрушивалась на неподвижные льдины вдалеке, громоздясь вверх ужасающим для созерцания образом. Именно в один из таких гнетущих перерывов, следующих за штормом, когда отчетливо слышались рев и треск далеких масс, льдина, в которую была погружена "*Жаннетта*", начала раскалываться во всех направлениях. Спокойная и почти ровная поверхность льда внезапно вздыбилась и вздулась огромными холмами, жалобно гудя и хрипя. Гигантские блоки раскачивались, словно управляемые невидимыми руками; и огромные сжимающиеся тела издавали пронзительную и ужасную песню, от которой стыла кровь. Ледяные волны приближались, все ближе и ближе. Швы тянулись по ним с оглушительным грохотом, в то время как мы молча и благоговейно наблюдали за их ужасным продвижением. Затонувший амфитеатром диаметром около пяти восьмых мили лежал корабль, берег из движущегося льда вздымался местами на высоту 50 футов, постепенно окружая его со всех сторон. Были сделаны

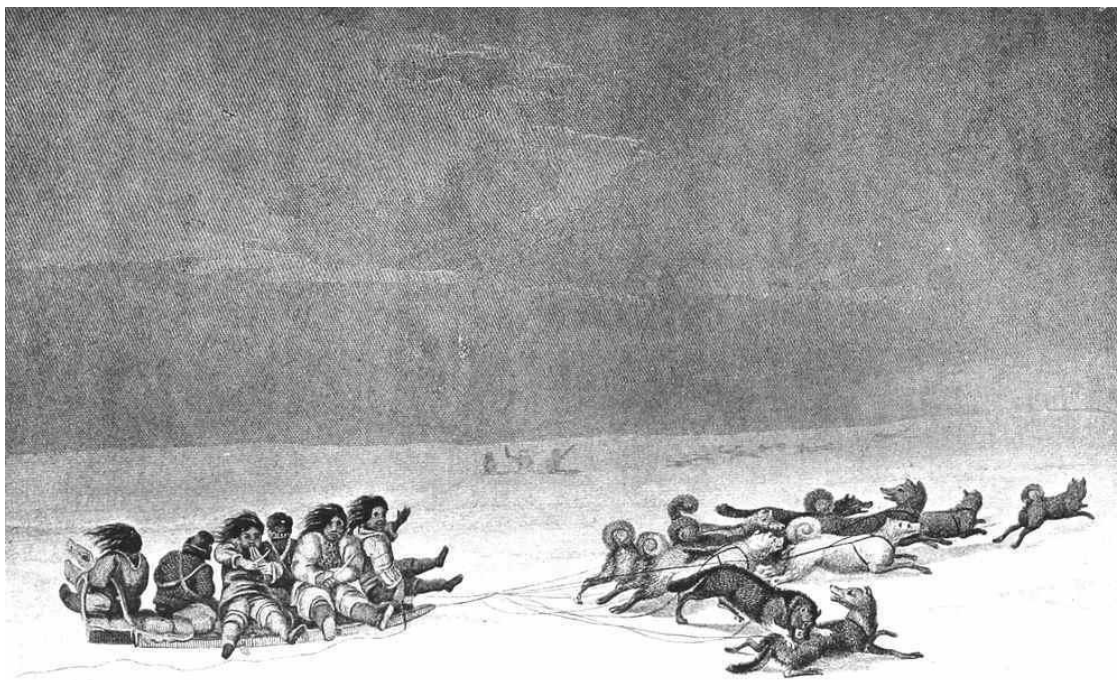
приготовления к тому, чтобы ее бросить; но — что тогда? Если могущественный круг продолжит уменьшаться, побег будет безнадежен, смерть неизбежна. Думать о том, чтобы карабкаться по скользким склонам катящейся массы, было бы такой же глупостью, как пытаться взобраться по падающим водам Ниагары ”.

Лето наступило на пятки зиме, но оно не принесло никакой надежды на освобождение несчастному экипажу "*Жаннетты*". Они уже проплыли мимо северного побережья Земли Врангеля и обнаружили, что это всего лишь остров средних размеров, и не было никаких признаков того мифического континента, на который Де Лонг возлагал свои надежды. Новый год застал их по-прежнему в безжалостных тисках стаи. Вот комментарий к своей ситуации, который Де Лонг записал в своем дневнике:

“Люди, окруженные стаей раньше, всегда дрейфовали куда-то к какой-то земле; но мы дрейфуем, как современный *Летучий голландец*, никогда никуда не добираясь, но всегда беспокойные и в движении. Угли разгораются, пища расходуется, насосы все еще работают, и тридцать три человека изнашивают свои жизни и души, как люди, обреченные на пожизненное заключение. Если следующее лето приходит и уходит, как и предыдущее, без какого-либо результата, какой разумный разум может быть терпеливым в размышлениях о будущем?”

16 мая небольшое отклонение было вызвано открытием двух островов, которые они назвали остров Жаннет и остров Генриетты. Де Лонг отправился к ним в санную экспедицию и, как и многие другие исследователи Арктики, имел большие проблемы со своими собаками, которые, в соответствии с традициями своей расы, отказывались выходить на открытую воду, и их приходилось тащить вместе с санями по всем поводам, которые пересекали их путь. “Нет большего насилия во имя вечного дела истины, - говорит командир, - чем на тех картинах, где эскимосы изображены спокойно сидящими в санях в форме обуви, а их длинные хлысты грациозно волочатся позади, в то время как собаки с громким лаем и в совершенном унисоне несутся по гладким снежным просторам. Если сцена изображена ‘правдиво’, то она значительно меняет свой облик; она так же полна действия, но не прогресса. Столпотворение ужасов — собаки орут, лают, огрызаются и дерутся; вожаки сзади и колесящие в середине, все связаны в узел и безнадежно перепутались, как корзина с угрями ”.

В воскресенье, 12 июня, давление стало настолько сильным, что корабль треснул во всех частях. Она сразу же начала наполняться, и мужчины принялись за работу по извлечению на лед всего необходимого для поездки на санях в безопасное место. Около четырех часов следующего утра в палатку внезапно ворвался вахтенный. “Повернись, если хочешь в последний раз увидеть *Жаннет*”, - крикнул он. “Вон она идет! Вот она идет!” “У большинства из нас, - пишет Мелвилл, - едва хватило времени подняться и выглянуть наружу, когда под грохот и стук обшивки и железных конструкций корабль выровнялся и встал почти вертикально; льдины, которые налетели и раздавили его, медленно отступили; и когда он затонул с несколько увеличенной скоростью, реи были оторваны и сломаны параллельно мачтам; и так, подобно огромному изможденному скелету, со сцепленными над головой руками, он исчез из виду”.

ЭСКИМОСЫ КАТАЮТСЯ НА САНКАХ С РИСУНКА КАПИТАНА. ЛАЙОН

В тот день они отправились на своих девяти санях и пяти лодках в 150-мильное путешествие к Новосибирским островам. Они везли с собой провизию на шестьдесят дней, и если бы люди не были в ослабленном состоянии и если бы обстоятельства не были против них, они могли бы легко преодолеть это расстояние. Как бы то ни было, они были слишком слабы, чтобы тащить все свои сани и лодки за один груз, так что каждую милю пути пришлось преодолевать семь раз, в то время как неудачный северный дрейф уносил их на несколько миль в сторону от их курса. Наконец, однако, были достигнуты Новосибирские острова, и после короткого отдыха команда отправилась на своих лодках, имея с собой провизии всего на семь дней, в дельту Лены. Первым катером командовал Де Лонг, вторым - лейтенант Чиппс, а вельботом - Мелвилл. Шторм разлучил три лодки вскоре после того, как они отчалили, и о Чиппсе и его людях больше ничего не было слышно. Де Лонг высадился 16 сентября 1881 года недалеко от устья Лены, и он и его спутники отправились в долгий марш протяженностью девятюсто пять миль к ближайшему поселению. У них было провизии на семь дней, и их шансы добраться до места назначения казались неплохими. Обстоятельства, однако, снова были против них, ибо они обнаружили, что их путь пересекают непроходимые притоки, и, поскольку им пришлось бросить свою лодку, им ничего не оставалось, как ждать, пока потоки не покроет лед.

6 октября произошла первая смерть, а на следующий день несчастная компания съела последние запасы провизии. Продвигаться вперед для большинства из них было невозможно, настолько слабыми и больными они стали, в то время как оставаться на месте означало верную смерть. Де Лонг и Эмблер, врач отряда, однако, решили послать двух человек на поиски помощи, в то время как сами героически остались, чтобы позаботиться о своих умирающих товарищах. Остальную часть их истории невозможно рассказать лучше, чем процитировав выдержки из дневника командира:

“Упустил Ли. Спустился в яму на берегу и разбил лагерь. Послали за Ли. Он вернулся, лег и был готов умереть. Все объединились, произнесли Молитву Господню и Символ веры после ужина. Ужасная ночь”.

“17 октября, понедельник - сто двадцать седьмой день. Алексей умирает. Врач крестил его. Читал молитвы за больных. День рождения мистера Коллинза — сорок лет. Около захода солнца Алексей умер. Истощение от голода”.

“22 октября, суббота — сто тридцать второй день. Слишком слаб, чтобы вынести тела Ли и Каака на лед. Доктор, Коллинз и я отнесли их за угол, подальше от посторонних глаз. Затем мой глаз закрылся”.

“30 октября, воскресенье, сто сороковой день. Бойд и Герц умерли ночью. Мистер Коллинз при смерти”.

И здесь дневник отважного командира трагически обрывается. Несколько месяцев спустя Мелвилл, который добрался до побережья в менее негостеприимном районе и организовал поисковую группу, как только услышал о бедственном положении Де Лонга, наткнулся на лагерь.

“Внезапно, ” говорит он, “ я заметил три предмета, и один из них был кистью тела, поднятой из снега.... Я с первого взгляда узнал Де Лонга по его пальто. Он лежал на правом боку, подложив правую руку под щеку, его голова была направлена на север, а лицо повернуто к западу. Его ноги были слегка подтянуты кверху, как будто он спал; его левая рука была приподнята с согнутым локтем, и кисть, поднятая таким образом горизонтально, была обнажена. Примерно в четырех футах позади него, или к востоку, я нашел его маленькую записную книжку, или ледяной дневник, куда он бросил ее левой рукой, которая выглядела так, как будто так и не оправилась от этого действия, но застыла, как я ее нашел, поднятой ”.

Во время своего злополучного круиза Де Лонг не только сделал ряд ценных физических наблюдений в неизвестном регионе, но и доказал, что Сибирский океан представляет собой мелководный бассейн, усеянный островами, и опроверг теорию о существовании большого континента к северу от Азии.

ГЛАВА XXVII ЛИ СМИТ И “ЭЙРА”

Немалой частью наших знаний о Шпицбергене и Земле Франца-Иосифа мы обязаны усилиям этого талантливого яхтсмена и охотника Ли Смита, о котором уже упоминалось в связи с его спасением несчастных шведов в заливе Мидзел. Ли Смит впервые упоминается в истории исследования Арктики в начале семидесятых, когда в серии из трех плаваний он обследовал побережье Шпицбергена и исправил несколько ошибок, которые затем подтвердили

достоверность очертаний Северо-восточной Суши. Однако, какими бы ценными ни были научные результаты этих путешествий, нам не нужно особо интересоваться ими, и только в 1880 году, когда он совершил свой первый визит на Землю Франца-Иосифа, мы должны были подробно рассказать о его деяниях.

Опыт научил его, что открытия в ледяных морях всегда можно сделать, проявив настойчивость и быстро ухватившись за любые возможности, которые могут возникнуть, поэтому, когда он решил совершить еще одну экспедицию на север, он решил отправиться к Шпицбергенским морям, провести тщательное обследование льда на большой площади, а затем продолжить свои исследования в направлении, которое казалось наиболее многообещающим. С этой целью он построил для себя паровую яхту водоизмещением 360 тонн и мощностью 50 лошадиных сил, которую назвал *Эйра*, и с компанией из двадцати девяти человек в июне 1880 года отправился на север.

Его первой целью был Ян Майен, но ему помешал осмотреть этот интересный остров тот факт, что он, как обычно, был окутан густым туманом. Затем он обратил свое внимание на восточное побережье Гренландии, которое, конечно, все еще открывает великолепные возможности для предприимчивого исследователя, но и здесь его постигла неудача, поскольку побережье было настолько покрыто льдами, что приблизиться к нему было невозможно. Затем он взял курс на Шпицберген, но, встретившись с двумя знаменитыми китобоями, Дэвидом и Джоном Греями, узнал, что лед в этом направлении такой же плохой. Соответственно, он решил попытаться счастья в Баренцевом море и выяснить раз и навсегда, существует ли практически осуществимый морской путь к Земле Франца-Иосифа. Пайер и Вейпрехт, конечно, попали туда в 1871 году, но, как мы видели, их занесло туда вместе со льдами; голландец по имени Де Брюйне действительно видел эту высокую землю в 1879 году, но ему не удалось достичь ее; в то время как в том же году капитан Маркхэм на своей маленькой яхте "*Исбьерн*" продвинулся на север до широты. 78° 24' и пришел к выводу, что пароход должен быть в состоянии пробиваться сквозь рыхлый лед, которым было сковано море, без особых трудностей. Таким образом, у Ли Смита были все основания надеяться, что он сможет достичь тех берегов, которые никто не посещал с тех пор, как они были впервые открыты.

Хотя море было покрыто льдом и часто стояли густые туманы, ему удалось провести "*Эйру*" в целостности и сохранности, и 14 августа она стояла на якоре у острова Мэй, который расположен чуть южнее острова Хукер. Продолжая свое путешествие, она прошла на пароходе мимо Баренц-Хука, обогнула южный берег острова Нортбрук и поднялась к острову Белл, между которым и островом Мейбл была найдена отличная якорная стоянка, получившая название Эйра-Харбор. Сделав это своей базой, Ли Смит обследовал береговую линию во всех направлениях, добавив к картам около 110 миль и составив интересную коллекцию флоры и фауны страны. К концу августа погода стала угрожающей, поэтому он решил попрощаться с Землей Франца-Иосифа на этот год, поскольку не был готов провести там зиму.

Чтобы убедить сомневающихся в том, что путешествие на Землю Франца-Иосифа осуществимо в любом году, он отправился в свое второе путешествие туда следующим летом. *Эйре* больше, чем раньше, мешали льды, но 23 июля показалась земля, и Ли Смит взял курс на мыс Ладлоу. Исследовав большую часть береговой линии, которой он не смог достичь во время своего предыдущего визита, он направился к острову Белл, у берегов которого бросил якорь 6 августа.

Он только что закончил обследование мыса Флора и подумывал повернуть на восток в надежде найти какие-нибудь следы пропавшей *Жаннетты*, когда произошло несчастье, полностью расстроившее все его планы. В одно прекрасное воскресное утро, когда погода была удивительно спокойной и, казалось, опасаться было нечего, паковый лед внезапно сошел с приливом, и *Эйра* оказалась зажатой между ним и прибрежной льдиной. Она была защищена заземленным айсбергом, и какое-то время ей не причинили никакого вреда. Затем, без всякого предупреждения, айсберг накренился, "*Эйра*" накренилась, и вода хлынула в ее трюм, вероятно, через дыру, сделанную языком льда. Насосы были опробованы, но без особого эффекта, поэтому все принялись за работу, передавая на лед провизию и все остальное, что им удавалось сберечь. Через два часа она оказалась на дне, на глубине одиннадцати морских саженей.

Теперь мужчинам ничего не оставалось, как извлечь максимум пользы из неудачного дела и заняться приготовлениями к зиме. К счастью, земля изобилует медведями и моржами, и благодаря объединенным усилиям команды и Боба, их ретривера, кладовая вскоре наполнилась достаточным запасом мяса, чтобы им с комфортом хватило до весны. Боб, по-видимому, был настоящим Нимродом среди собак и сочетал в себе энтузиазм к охоте с необычной степенью проницательности. Однажды, отправившись на прогулку в одиночестве, он наткнулся на стадо морских коньков и преуспел в том, чтобы сообщить об этом своим друзьям-людям, к великой пользе кладовой. В другом случае он заманил медведя прямо к дверям хижины, где тот был немедленно застрелен, а однажды чуть не умер спортивной смертью в объятиях умирающего медведя, к которому в своем рвении подошел слишком близко.

К счастью, все лодки были спасены, и зима ушла на приготовления к путешествию на Новую Землю, где, как надеялись, можно было найти помощь. Эта надежда полностью оправдалась, поскольку, достигнув своей цели после шести недель очень напряженной работы, они пристали к голландскому исследовательскому пароходу "*Виллем Баренц*", а позже к "*Надежде*", который был выслан им на помощь британским правительством и на котором они были доставлены домой ничуть не пострадавшими от пережитого.

Путешествия Ли Смита были ценны не только с научной, но и с коммерческой точки зрения, поскольку он показал, что в этих морях водятся в изобилии моржи, знаниями о которых охотники воспользовались в полной мере.

ГЛАВА XXVIII

ГРЕНЛАНДИЯ И БОЛЕЕ РАННИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ НАНСЕНА И ПИРИ

На всей поверхности земли, вероятно, нет более пустынной и непривлекательной страны, чем Гренландия. Простираясь более чем на 1400 миль с севера на юг и примерно на 900 миль с востока на запад в самом широком месте, почти вся она покрыта постоянной ледяной шапкой, глубина которой, вероятно, достигает местами 3000 футов и на которой человеку абсолютно невозможно долго поддерживать жизнь.

Некоторые небольшие участки побережья населены племенами эскимосов и поселенцами, в то время как кое-где сохранились следы его ранних норвежских первооткрывателей, многие из которых, вероятно, были христианами, поскольку Холм в 1880 году обнаружил руины четырех каменных церквей в районе Юлианшааб. Эти поселения ограничены небольшими участками на западном побережье; восточное побережье, за исключением небольшого участка между мысом Бисмарк и мысом Фарвелл, куда несколько эскимосов мигрировали с островов Парри, совершенно необитаемо. Это побережье, действительно, защищенное почти непроходимым ледяным барьером и окутанное вечным туманом, никогда не было тщательно исследовано, несмотря на настойчивые усилия поколений отважных путешественников. В первые дни освоения Арктики Хадсон, датчанин Дэниелл, Гейл Хамке, Хан Эггеде и его сын Ольсен Валлер и другие китобойи нанесли на карту небольшие участки побережья, но их открытия не принесли большого результата.

Однако в 1822 году капитан Уильям Скорсби-младший, один из самых известных шотландских китобоев, посетил побережье и в перерывах между рыбалкой сумел нанести его на карту и зарисовать от мыса Гудзонова залива до залива Гейл-Хамке, сделав в то же время ряд ценных астрономических и тригонометрических наблюдений. Капитан Эдвард Сэбин, работая над своей великой работой "Маятник" в 1823 году, посетил остров Маятник вместе с капитаном Клаверингом, который исследовал большую часть побережья по соседству; область, которую он таким образом открыл, позже была разработана Кольдеевым, о путешествии которого в *Германию* мы уже говорили. Среди других, кто внес свой вклад в наши все еще скудные знания об этой пустынной земле, Блоссевилл, Ванделл, Граах, Гизеке, Ринк, Далагер, Йенсен, Стинструп, Кнутсен, Кнудсен, Эберлин, Гарде, Райдер, Дригальски и Наторст, благодаря чьим усилиям была нанесена на карту большая часть восточного побережья.

На протяжении веков еще меньше было известно о огромной ледяной шапке, образующей внутренние районы страны, и до недавнего времени по ней практически не ступала нога человека. Эскимосы верили, что это обитель кивитогов, или колдунов, и не пытались проникнуть в нее, в то время как немногим исследователям, у которых хватало смелости отправиться туда, удавалось многого достичь. В 1870 году Норденшельду и натуралисту Берггрену удалось проникнуть в него на расстояние тридцати пяти миль от Аулайтсвикского фиорда и обнаружить настоящее ледяное растение и пыль космического происхождения, которую геолог назвал криоконит. Повторив попытку в 1883 году, Норденшельд после пятнадцати маршей достиг 48° 15' западной долготы на высоте 4900 футов. Видя, что для него невозможно продвинуться дальше, он послал двух лыжников, которые преодолели еще 140 миль, и по возвращении доложил, что, хотя они достигли высоты 6600 футов, ледяное поле все еще неуклонно повышалось.

Первым человеком, пересекшим Гренландию от одного побережья до другого, был доктор Фритьоф Нансен, который позже снискал себе еще большую известность своей смелой попыткой пересечь Северный полюс в *эпоху*. Нансен родился 16 октября 1861 года, и с самой ранней юности он проявлял живейший интерес к естественным наукам и то абсолютное презрение к опасности, которое впоследствии сослужило ему такую огромную службу. Именно в 1887 году, будучи хранителем Бергенского музея, он впервые объявил о своем намерении пересечь эту ужасную ледяную шапку, которая до сих пор не поддавалась усилиям даже самых отважных исследователей. Объявление было встречено насмешками, но, тем не менее, он

получил более сорока заявок от потенциальных компаньонов, а сумма в 300 фунтов стерлингов, предполагаемая стоимость экспедиции, была внесена щедрым датчанином.

Как только ему стало возможно осуществить свои планы, он приступил к приготовлениям к путешествию. Ему было необходимо не только выбрать своих спутников и согласовать все детали маршрута, которым он предполагал следовать, и снаряжение, которое он намеревался взять с собой, но он также считал целесообразным испытать различные виды лыж и снегоступов, на которых предстояло совершить путешествие, и привыкнуть к трудностям, переночевав на снежной горе, защищенной от холода только сумкой.

Его спутников должно было быть пятеро, и в их число входил Отто Свердруп, капитан корабля в отставке, лейтенант. Дитрихсон из норвежской армии; Кристиан Кристиансен Франа, крестьянин с Севера Норвегии; и два Круга по имени Балто и Равна. План Нансена был до крайности смелым, поскольку он предполагал высадиться на восточном побережье Гренландии и как можно лучше пробраться на запад. Будет очевидно, что, однажды отправившись в путешествие, группа никак не могла повернуть назад. Впереди у них была цивилизация и пища; позади них не было ничего, кроме необитаемого и негостеприимного побережья, где они были бы вынуждены умереть от голода, если бы вернулись туда. Поэтому, выбрав этот маршрут, он сжег за собой свои лодки.

В мае 1888 года Нансен и его спутники отплыли из Норвегии на корабле "Тюлень", который должен был доставить их в Гренландию. Они договорились с капитаном, что бизнес должен быть на первом месте и что он не должен из кожи вон лезть, чтобы высадить их. Соответственно, только 17 июля, когда корабль оказался в двух с половиной милях от берега, исследователи смогли отчалить на своих двух лодках. Как мы уже имели возможность неоднократно указывать, восточное побережье Гренландии обычно покрыто льдом, и Нансен обнаружил, что добраться до берега оказалось отнюдь не таким легким делом, как он ожидал. В течение многих дней их носило по течению вместе со стаей, иногда относило в море на расстояние до тридцати миль, и только 29 июля они смогли высадиться на берег. Однако даже сейчас они не смогли немедленно пересечь ледяную шапку, поскольку в ходе своих странствий их отнесло на 200 миль к югу, и им пришлось совершить трудное путешествие на север, прежде чем 10 августа они смогли взять курс на западное побережье.

Они сразу обнаружили, что передвигаться днем для них совершенно невозможно, так как снег был таким мягким, что продвигаться вперед было практически невозможно. Даже ночью условия были ненамного лучше, так как их путь лежал по неровному и торосистому льду, который часто пересекали пропасти, а дождь лил проливными потоками; следовательно, они могли преодолевать лишь несколько миль за каждый марш. Однако по мере того, как они поднимались вверх, к высокогорному плато, из которого состоит Центральная Гренландия, холод становился все сильнее, в результате чего лед стал тверже, и они смогли передвигаться днем. Холод, однако, хотя и принес им облегчение в одном отношении, был не лишен своих недостатков, поскольку они не смогли найти больше питьевой воды и были вынуждены довольствоваться снегом, который они растапливали во флягах, которые носили у груди.

Путешествие вверх заняло у них около трех недель, и они испытали величайшее облегчение, когда оказались наконец на плато, расположенном на высоте около 9000 футов. Подъем был ужасно крутым, работа по перетаскиванию пяти саней была чрезмерно тяжелой, и, следовательно, было потрачено так много времени, что Нансен решил изменить свой курс и,

вместо того чтобы продвигаться к Кристианшаабу, направиться к Годтаабу, ближайшему пункту в юго-западном направлении. Вторая половина путешествия представляла собой очень приятный контраст с первой. Бросив самые большие сани и связав остальные парами, исследователи подняли паруса и отправили их мчаться вниз по склону, в то время как сами скользили рядом с ними на своих лыжах. Когда они приблизились к берегу, им пришлось идти более осторожно, потому что они чуть не скатились кубарем в первый из обрывов, которые в этом месте разрушают ледяную шапку.

С некоторым трудом им удалось добраться до берега, и здесь отряд разделился. Нансен, Свердруп и один из участников Круга соорудили из ив сумасшедшую и чрезвычайно неудобную лодку, на которой они поплыли в эскимосское поселение Нью-Херрнхут. Здесь их принял миссионер, и за остальными была отправлена группа, которые благополучно прибыли 16 октября.

Нансен намеревался вернуться в Норвегию той осенью, но отплыл последний корабль, и, следовательно, ему пришлось провести зиму в Годтаабе. В конце концов он добрался домой в конце мая с радостным сознанием того, что совершил подвиг, который до сих пор считался невозможным, и что он доказал, что внутренняя часть Гренландии представляет собой обширное ледяное поле. Путешествие обошлось ему гораздо дороже, чем он первоначально предполагал, но вскоре дефицит был восполнен частной подпиской.

Нансен был не единственным человеком того времени, пытавшимся разгадать загадку Центральной Гренландии, поскольку еще до того, как он отправился в свое отважное путешествие, блестящий молодой американец лейтенант Пири уже начал серию рейдов по внутренним льдам, которые в конечном итоге привели к весьма примечательным результатам.

Пири - уроженец штата Мэн, и он начал свою карьеру инженером в военно-морском флоте Соединенных Штатов. Однако, похоже, природа предопределила его к жизни путешественника по Арктике, поскольку, как хорошо выразился сэр Клементс Маркхэм, он сочетает в себе “предусмотрительность и осмотрительность при планировании своих операций с большим мастерством и неустрашимой решимостью при их осуществлении” — качества, которые, возможно, больше, чем какие-либо другие, делают успешного исследователя. Именно в 1885 году он впервые всерьез обратил свое внимание на ту отрасль работы, с которой его имя теперь так тесно связано. Понимая, что в Центральной Гренландии все еще остается обширное поле для исследований, он затем предложил академиям и ученым обществам Соединенных Штатов предпринять экспедицию туда с целью проведения научных исследований в этой практически неизвестной стране и выяснить раз и навсегда, является ли Гренландия островом. Эта идея была воспринята с энтузиазмом, и вскоре было собрано достаточно средств, чтобы он смог воплотить свои планы в жизнь.

Его первое путешествие было более или менее пробным, поскольку в то время он был совершенно неопытен в арктических путешествиях, и ему, конечно, было необходимо точно выяснить, с какими трудностями ему придется столкнуться в таком путешествии, как то, которое он намеревался предпринять. Покинув Америку в мае 1886 года, он вскоре оказался в Годхейвене, где встретил своего друга Кристиана Майгаарда, видного чиновника в тех краях, который намеревался сопровождать его в путешествии. Оттуда он поплыл вверх по фиорду Пакитсок, в конце которого находился его исходный пункт. После тщательной разведки ледника и обнаружения ледяного языка, который казался достаточно доступным, он отправился в путь с

Майгаардом и двумя эскимосами, их снаряжение состояло из пары саней и провизии примерно на три недели. Их путь пролегал не по особенно приятным местам, так как ледяное поле было пересечено бесчисленными трещинами, которые требовали долгого преодоления. Однако он обнаружил, что путешествие ни в коем случае не было невозможным, и отряду удалось проникнуть в глубь страны примерно на сто миль, прежде чем нехватка провизии вынудила их отступить.

Он вернулся в Америку с большим, чем когда-либо, энтузиазмом по поводу своих планов исследования севера Гренландии и в полной уверенности, что сможет добиться там великих свершений, если представится такая возможность. Однако только в 1891 году он смог отправиться в свое второе путешествие на пароходе "*Воздушный змей*" под командованием капитана Ричарда Пика. На этот раз Пири сопровождали его жена; доктор Кук, выдающийся этнолог; Гибсон, орнитолог; Джон Верхофф, минералог; его собственный цветной слуга; и, наконец, но отнюдь не в последнюю очередь, Элвинд Аструп, молодой норвежец, который проделал великолепную работу не только в этой, но и в более поздних экспедициях Пири. На борту также находилась группа из девяти ученых во главе с профессором Хейлпри, в задачу которой входило проводить исследования и наблюдения, пока Пири находился в своем долгом путешествии.

Путешествие ознаменовалось одним серьезным несчастьем, поскольку Пири имел несчастье сломать ногу, в результате чего он был абсолютно беспомощен, когда группа высадилась в заливе Мак-Кормик, и не смог принять участия ни в одном из коротких осенних путешествий вокруг залива Инглфилд.

Первые дни после прибытия в бухту они, конечно, потратили на возведение переносного жилища, которое привезли с собой и которому дали название Редклифф-хаус. Как только наступила весна, Пири, который под присмотром своей жены полностью поправился, отправился в короткое путешествие на санях вокруг Инглфилдского залива, в котором его сопровождала миссис Пири.

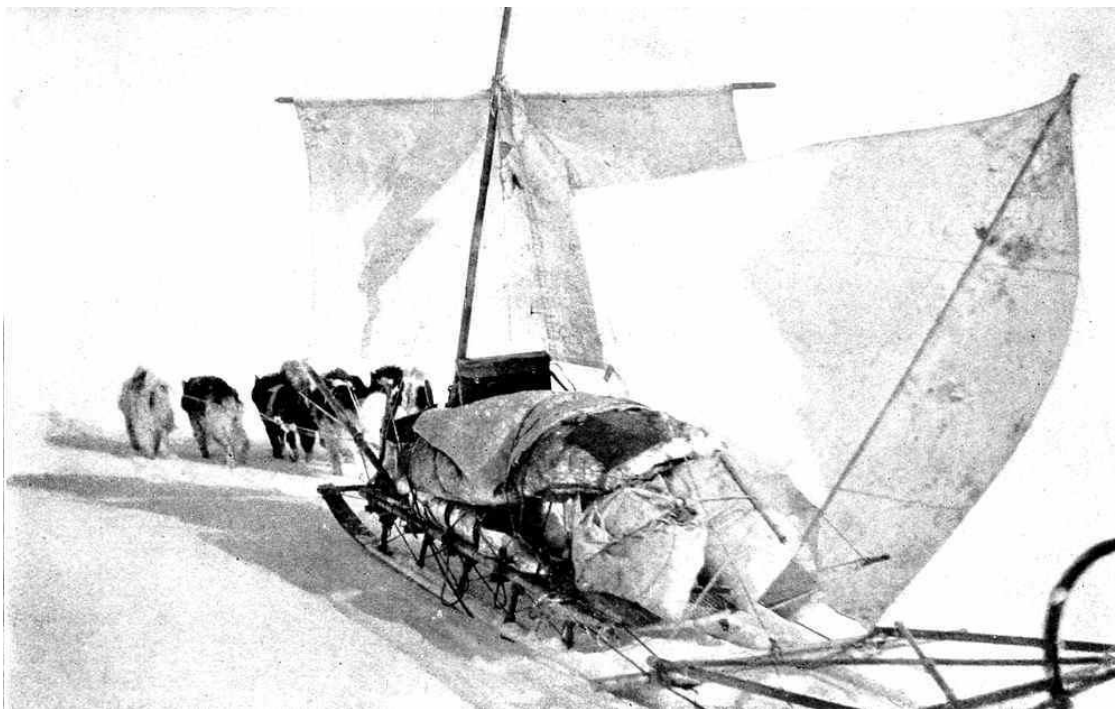
Однако только 14 мая он отправился в долгое путешествие, которое должно было стать венцом его экспедиции. Первая часть путешествия была медленной, так как ему потребовалась неделя, чтобы обогнуть залив Инглфилд, за это время он обнаружил не менее тридцати ледников, десять из них первой величины. Достигнув водораздела между Китовым проливом и морем Кейн, он отослал назад двоих из четырех человек, отправившихся с ним в путь, и с Аструпом в качестве своего единственного спутника двинулся дальше на север. 26 июня они достигли северной кромки внутреннего льда и, не имея возможности двигаться дальше в этом направлении, повернули на юго-восток в надежде, что им удастся достичь восточного побережья Гренландии. Следуя вдоль крайних границ ледяной шапки, 4 июля их путешествие привело их к большому углублению, которое они называли заливом Независимости в честь этого дня. С вершины огромной скалы высотой 4000 футов им открылся великолепный вид на землю вокруг них, вид, который не оставил у них никаких сомнений в том, что Гренландия - это остров.

Из двадцати одной собаки, с которой они начинали, выжили только восемь, и поскольку они находились в полных 450 милях от дома, у них не было другого выбора, кроме как вернуться в Редклифф-Хаус, куда они без приключений добрались 6 августа. *Воздушный змей* прибыл

несколько дней спустя, Пири и его спутники вернулись в Америку. Их группа, однако, сократилась на одного члена, поскольку минералог Джон Верхофф попал в снежную бурю во время охоты за образцами, и больше о нем никто никогда не слышал.

Опыт Пири убедил его в том, что на севере Гренландии есть обширное поле для открытий, и он немедленно приступил к сбору денег на третью экспедицию, прочитав лекции о своем опыте. Результат его усилий был настолько удовлетворительным, что осенью 1893 года он вновь обосновался в Китовом проливе. Однако на этот раз ему удалось найти гораздо более удовлетворительное жилье в Боудойн-Бей, углублении на северном берегу залива Инглфилд, где он построил "Юбилейный домик", дом, о котором действительно можно сказать, что он был оснащен самыми современными усовершенствованиями, поскольку на самом деле он освещался электрическим светом, питаемым динамо-машиной, за работу которой отвечал его паровой катер.

29 августа Аструп и трое его спутников отправились в путь с целью заложить *тайники* с провизией для великого весеннего путешествия. Однако, к сожалению, они успели разместить только два *тайника*, когда Аструп заболел, и им пришлось поспешить домой, не найдя должным образом места захоронения.

ДОРОЖНОЕ СНАРЯЖЕНИЕ ПИРИ

12 сентября произошло чрезвычайно интересное событие : миссис Пири, которая снова была участницей экспедиции, подарила своему мужу дочь. Следовательно, мисс Пири принадлежит честь родиться на более высоких широтах, чем любое другое цивилизованное существо.

6 марта 1894 года Пири отправился в свое весеннее путешествие в сопровождении семи человек, двенадцати саней и девятиста двух собак, а также с запасом провизии, которого хватило бы на шесть месяцев. Однако, к сожалению, погода была далеко не такой благоприятной, как во время его предыдущего путешествия. Стоял сильный холод, и его люди

обморозились, а собаки замерзли до смерти у него на глазах. Отправив назад большую часть своего отряда, Пири с тремя товарищами отважно двинулся дальше, но обстоятельства оказались для него непосильными, и в конце концов ему пришлось признать себя побежденным. Когда он, наконец, добрался до бухты Боудойн 15 апреля, у него осталось только двадцать шесть собак из первоначальных девяноста двух.

Остаток весны и начало лета были потрачены на изучение и нанесение на карту неизвестных берегов залива Мелвилл. В ходе одного из таких путешествий Пири достиг мыса Йорк, где он “обнаружил” два гигантских метеорита, сообщения о которых привлекли многих предыдущих исследователей, однако никому из них не удалось их найти. Позже ему удалось переправить их в Америку, а также треть таких огромных размеров, что ее извлечение потребовало нескольких месяцев напряженной работы.

В августе за исследователями прибыл “Фалькон”, но Пири отнюдь не был удовлетворен проделанной за год работой, и хотя благоразумие, несомненно, требовало, чтобы он немедленно вернулся, видя, что у него не хватает провизии и топлива и что у него нет возможности узнать, сможет ли корабль посетить его в течение следующего года, со свойственной ему решимостью он заявил о своем намерении остаться в бухте Боудойн еще на год с двумя добровольцами, Хью Ли и его чернокожим слугой Хенсоном. Итак, отправив остальных членов своей группы домой, он приступил к приготовлениям к зиме. Большая часть осени была потрачена на вербовку эскимосов, охоту и попытки найти *тайники*, заложенные Аструпом. В последнем из этих предприятий Пири потерпел полную неудачу, но охота была довольно успешной, в результате чего он и двое его спутников смогли провести зиму в относительном комфорте. Весеннее путешествие началось 2 апреля 1895 года, отряд состоял из самого Пири, двух его добровольцев, четырех эскимосов и шестидесяти трех собак, запряженных четверью санями. Эскимосы не оказали особой помощи, поскольку один из них дезертировал со своим снаряжением на третий день, в то время как чуть позже Пири пришлось отправить обратно оставшихся троих. Теперь вместе с Ли и Хенсоном он продвигался вперед, несмотря на ужасающие трудности. Снежные бури бушевали вокруг них, стирая ориентиры и так замаскировав их *запасы* пеммикана, что его нигде нельзя было найти. Ли был обморожен, собаки умирали одна за другой, а отсутствие дичи бросалось в глаза, но Пири не сдавался и, приложив почти нечеловеческие усилия, в начале мая оказался недалеко от залива Индепенденс. Здесь ему посчастливилось убить десять овцебыков, но никакой другой дичи поблизости не водилось, и теперь они оказались перед необходимостью со всей возможной поспешностью возвращаться в лагерь. У них осталось всего девять собак и еды на семнадцать дней, но, перейдя на скудный рацион и совершая форсированные марши, они преуспели в своей отчаянной борьбе с голодом. Однако они прибыли как раз вовремя, потому что, когда 25 июня они достигли бухты Боудойн, они съели последние остатки еды, в то время как из шестидесяти пяти собак, с которыми они отправились в путь, у них осталась только одна. Позже летом их позвал *Воздушный змей*, и в сентябре они достигли Ньюфаундленда после одного из самых опасных путешествий за всю историю наблюдений.

ГЛАВА XXIX

ЭКСПЕДИЦИЯ ДЖЕКСОНА-ХАРМСВОРТА

Без сомнения, именно успех, сопутствовавший экспедиции мистера Ли Смита, впервые привлек внимание другого известного английского исследователя, мистера Ф. Г. Джексона, к Земле Франца-Иосифа и побудил его серьезно задуматься о проведении экспедиции туда, отчасти с целью исследования этой все еще почти неизвестной страны, а отчасти с целью сделать, если возможно, еще один шаг к Полюсу.

Мистер Джексон впервые опубликовал планы своего предполагаемого путешествия в 1892 году, но, хотя они в целом были одобрены теми, кто имел опыт в арктических исследованиях, никто, казалось, не особенно стремился выделить необходимые средства. Соответственно, в 1893 году он решил предпринять экспедицию в Югорский пролив с двойной целью: исследовать остров Вайгац и испытать оборудование, которое он предполагал использовать в своем путешествии на Землю Франца-Иосифа. Его путешествие увенчалось полным успехом, и когда он выполнил задачу, которую поставил перед собой, он решил продолжить свое путешествие вокруг Белого моря и через Лапландию, чтобы познакомиться с обычаями племени лапов, а также с обычаями самоядов, с которыми он путешествовал. Мы можем случайно упомянуть, что именно в этом путешествии он впервые осознал ценность выносливых русских пони, которые оказали ему такую неоценимую услугу в его более поздней экспедиции.

Когда он был еще далеко от дома, он получил телеграмму, в которой сообщалось радостное известие о том, что мистер Альфред Хармсворт (ныне лорд Нортклифф) великодушно взялся выделить средства на путешествие на Землю Франца-Иосифа, на которое он возлагал такие большие надежды. Он не сразу вернулся в Англию, решив, что целям его новой экспедиции будет лучше, если он продолжит свои исследования в Лапландии. Покончив с этим, он поспешил обратно и немедленно приступил к приготовлениям к предстоящей кампании.

Его первой заботой было, конечно, выбрать судно, подходящее для перевозки его отряда и припасов в неизвестную страну, которую ему предстояло исследовать, и в конце концов его выбор пал на *Windward*, паровой китобой водоизмещением 461 тонна. Экспедиция должна была быть обеспечена провизией на три года, и снаряжение было подготовлено с такой тщательностью и здравым смыслом, что не было упущено ничего из того, что могло понадобиться путешественникам во время их длительного пребывания в арктических регионах. Мистеру Джексону не менее повезло с подбором персонала, и во многом огромный успех, сопутствовавший его экспедиции, был обусловлен работой его врача Реджинальда Хеттлица, его ботаника мистера Гарри Фишера и его минералога мистера Чайлда.

"Наветренный" отправился вниз по Темзе в июле 1894 года и в начале августа достиг Архангельска, где взял на борт несколько собак, четырех пони и три переносных домика. Переход через Баренцево море не обошелся без трудностей и занял около одиннадцати дней, в то время как еще две недели были потрачены на лавирование перед островом Белл, более близкое приближение к суше было невозможно из-за окружавшего его ледяного пояса. Однако 10 сентября "Наветренный" бросил якорь у мыса Флора, самой западной точки острова Нортбрук, и здесь группа возвела свой зимний дом, которому они дали название Элмвуд.

Мистер Джексон сразу дал понять, что, во всяком случае, обладает одним из качеств, необходимых успешному исследователю Арктики, а именно: он великолепный сторонник

дисциплины. Он был убежден, что для сохранения хорошего здоровья каждый член его отряда должен быть постоянно занят, поэтому он следил за тем, чтобы у его людей всегда было чем заняться. Если они не были на работе, их отправляли на охоту, поскольку дичи на острове было чрезвычайно много. Если они не охотились, их заставляли играть в футбол или другие игры. Результаты с триумфом оправдали его методы, поскольку за три года, которые они провели на Земле Франца-Иосифа, ни один член его отряда ни на час не заболел, и ни одному человеку не пришлось бросать работу из-за недомогания. С другой стороны, экипаж "*Наветренного*", который не находился под его непосредственным наблюдением и которому было позволено развлекаться по своему усмотрению, заболел цингой, от которой некоторые из них скончались.

Зима прошла без происшествий, и, как только наступила весна, они приступили к испытанию своих саней и приготовлениям к своему первому исследовательскому путешествию. Это было начато 16 апреля, и в ходе этого Джексон и два его товарища, лейтенанты Армитидж и Блонквист, продвинулись на север до Бэк-Айленда, где Нансену и Йохансену было суждено построить свою зимнюю хижину четыре месяца спустя. Однако им не удалось продвинуться дальше из-за того, что их путь пролегал по смеси снега и грязи, по которой их пони были совершенно неспособны передвигаться; соответственно, им ничего не оставалось, как возвращаться домой, в Элмвуд-хаус.

В июне "*Наветренный*" поднял паруса и отправился в Англию, оставив исследователей позади. Ее путешествие оказалось одним из самых трудных в описании, так как снежный покров был настолько плотным, что ей потребовалось шестьдесят пять дней, чтобы пробиться сквозь него. На такой случай не было предусмотрено никаких мер, и вскоре на корабле не хватило угля, в результате чего ему пришлось сжечь свои мачты, мостик и любую другую древесину, которую он мог выделить, чтобы поддерживать работу своих двигателей.

Тем временем Джексон и его спутники, потерпев неудачу в попытке проникнуть далеко на север, обратили свое внимание на обширную полосу неизведанной страны, лежащую к западу от них, и остаток лета провели, исследуя и нанося на карту Землю Александры вплоть до мыса Мэри Хармсворт.

Во время их второй зимовки на мысе Флора их постигли две серьезные потери: однажды утром одного из их пони нашли повешенным в конюшне, а другой заболел и умер. В остальном, однако, зимние месяцы прошли без происшествий.

Весна прошла в очередном путешествии на север вдоль берегов Британского канала, в ходе которого Джексон и его спутники добавили бесчисленное количество островов и мысов на карту Земли Франца-Иосифа. Однако их открытия, хотя и имеют огромную географическую ценность, не нуждаются в подробном описании здесь, и только 17 июня произошло событие, о котором мы должны дать сколь-нибудь подробный отчет. Мы оставляем мистера Джексона рассказывать эту историю его собственными словами.

ВСТРЕЧА ДЖЕКСОНА И НАНСЕНА

“Сразу после ужина, ” пишет он, - Армитидж примчался ко мне и сказал, что в свой полевой бинокль он видит человека на льдине на юго-восточном побережье мыса Флора, примерно в четырех милях от нас. Я с трудом мог в это поверить; такое казалось совершенно невозможным, и подумал, что он принял моржа на льду за человека, но, взяв подзорную трубу, я увидел, что он был прав. Я также мог несколько смутно разглядеть древко или мачту, рядом с которой, по-видимому, стоял другой человек, недалеко от кромки воды. Тогда мне пришло в голову, что это мог быть кто-то из моих людей, хотя все они были за ужином несколько минут назад, но я, однако, обнаружил, что все присутствовали. Я быстро схватил ружье и, выстрелив на берегу, чтобы привлечь внимание незнакомца, направился ему навстречу, идя по льду.... Когда мы приблизились друг к другу, примерно в трех милях от земли, я увидел высокого мужчину на лыжах в грубо сшитой одежде и старой фетровой шляпе на голове. Он был покрыт маслом и сажей и почернел с головы до ног. По его лыжам я сразу заключил, что это не английский моряк, а, должно быть, человек с какого-нибудь норвежского шлюпа "Морж", который потерпел крушение и зимовал где-то на Земле Франца-Иосифа в очень тяжелых условиях. Его волосы были очень длинными и грязными, цвет лица казался светлым, но грязь мешала мне быть уверенным в этом пункте, и его борода тоже была всклокоченной и грязной. Мы сердечно пожали друг другу руки, и я выразил величайшее удовольствие видеть его. Я спросил, есть ли у него корабль. ‘Нет, — ответил он, - моего корабля здесь нет', — как мне показалось, довольно печально, - и тогда он заметил в ответ на мой вопрос, что у него был только один товарищ, который находился на краю льдины. Тогда мне пришло в голову, что черты его лица, несмотря на черный жир, длинные волосы и бороду, напоминали Нансена, которого я однажды встретил в Лондоне до того, как он уехал в 1893 году, и я воскликнул:

-“Разве вы не Нансен?”

“На что он ответил: —

“Да, я Нансен”.

- Я сердечно пожал ему руку и сказал: “Ей-богу, я чертовски рад вас видеть!”

Такова, значит, была неожиданная встреча двух исследователей, которые с разных сторон пытались решить проблему замерзшего севера. Нансену и его спутнику повезло, что эта встреча состоялась, поскольку им пришлось признаться, что они безнадежно заблудились, и неудивительно, поскольку карта севера Земли Франца-Иосифа, составленная Пайером, была совершенно неузнаваемой, а поскольку их часы сели, они не смогли определить их долготу. Теперь, однако, их неприятностям пришел конец, и они были избавлены от необходимости предпринимать это ужасное путешествие к Шпицбергену на двух хрупких байдарках, путешествие, которое почти неизбежно должно было привести к их гибели.

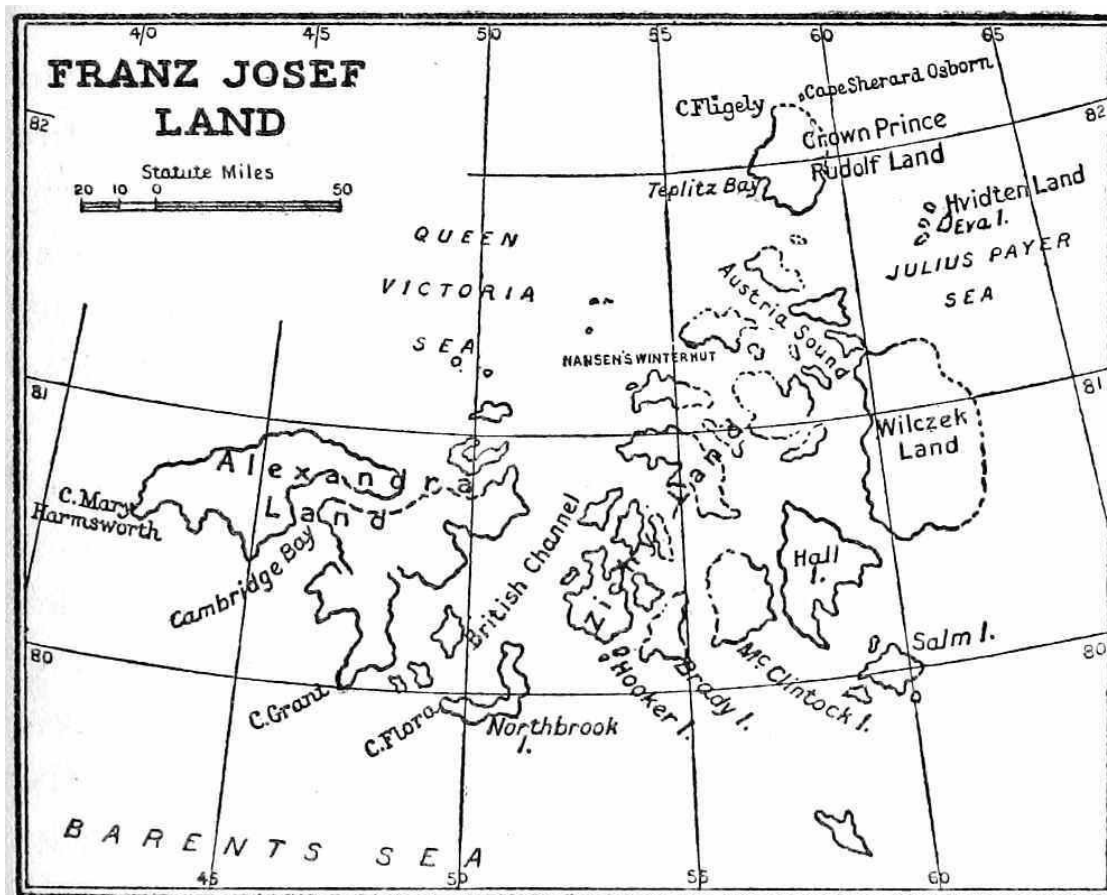
Джексон, не теряя времени, отвел двух усталых путешественников обратно в свою хижину, где они подкрепились хорошей едой, умылись и привели себя в порядок — впервые за год. Нам рассказывают, что они были настолько перепачканы после путешествия, что первое применение мыла и воды произвело на них почти такой же слабый эффект, как и на исторического бродягу, который мылся и мылся, пока не остался во фланелевой рубашке. Время и честные усилия, однако, произвели должное впечатление, и вскоре Нансен и Йохансен смогли похвастаться тем, что они выглядят не менее респектабельно, чем любой из их товарищей.

У двух исследователей, конечно, было много общего, и вскоре они стали такими близкими друзьями, что радость Нансена по поводу прибытия *"Наветренного"* судна 26 июля и перспективы немедленного возвращения в цивилизованный мир, которую оно принесло с собой, была омрачена вполне реальным сожалением. Однако его курс был, естественно, очевиден, и когда корабль, разгрузив припасы, которые он привез для Джексона, снова отплыл в Англию, он взял с собой Нансена и Йохансена, а также Блонквиста, чье здоровье не выдержало бы еще одной зимовки в Арктике, и Фишера, ботаника, который к тому времени завершил свои исследования флоры Земли Франца-Иосифа.

В течение следующего года Джексон продолжал исследование новой земли, и его труды всегда приводили к самым счастливым результатам. Сумма их должна была доказать, что он состоял из группы островов, отделенных друг от друга протоками, в которых протекали чрезвычайно быстрые течения. Эти течения, поддерживавшие лед в постоянном движении, часто чрезвычайно затрудняли путешествие, но они обеспечивали открытые водные пути, в которых в изобилии водились моржи. Далее он доказал, что нескольких стран, ранее отмеченных на картах, таких как Джиллис и Земли короля Оскара, вообще не существовало, и провел бесчисленные научные наблюдения величайшей ценности.

Он надеялся, что ему удастся продлить свой визит на Землю Франца-Иосифа еще на год, с тем чтобы предпринять усилия по продвижению на север. Этому, однако, не суждено было сбыться, и когда *"Наветренный"* 6 августа зашел за ним, сила обстоятельств вынудила его и его спутников вернуться домой, в Англию. Это они, соответственно, и предприняли,

предварительно создав склад провизии для Андре на случай, если фортуна направит туда этого бесстрашного исследователя.

FRANZ JOSEF
LAND

ГЛАВА XXX НАНСЕН И “ФРАМ”

Тщательное изучение истории арктических путешествий убедило Нансена в том, что маршруты, по которым большинство его предшественников пытались достичь Северного полюса, были либо невыполнимы, либо сопряжены с такими трудностями, что тому, кто сумеет их преодолеть, действительно повезет. Суда, пытавшиеся проникнуть далеко на север, всегда останавливались непроницаемым ледяным барьером. Путешественники, пытавшиеся совершить путешествие на санях, находили лед таким неровным, а движение пакового потока таким сбивающим с толку, что они неизменно были вынуждены поворачивать назад, прежде чем уходили далеко в путь, в то время как, насколько было обнаружено, на достаточно северной широте нет земли, где можно было бы устроить подходящую базу.

Переживания *Жаннет*, однако, повернули его мысли в другом направлении. Следует помнить, что это злополучное судно было затеряно во льдах близ Земли Врангеля и оттуда отнесло дрейфом в Новую Сибирь, где оно затонуло. Тремя годами позже в окрестностях Юлианшааба, на юго-западном побережье Гренландии, был найден вмерзший в дрейфующий лед ряд предметов, которые, очевидно, были доставлены с затонувшего судна. Эти предметы были впервые обнаружены эскимосами, а впоследствии собраны мистером Литценом, управляющим колонией в Джулианшаабе. Среди них были список провизии, подписанный Де Лонгом, пара штанов из тюленьей кожи с именем Луиса Нороса, одного из экипажа "*Жаннетты*", козырек фуражки, принадлежавшей Ниндеманну, другому матросу, и рукописный список судовых шлюпок.

Профессор Мон в лекции, прочитанной перед научным обществом Христиании, показал, что эти предметы, должно быть, дрейфовали через Полюс, теория, которая подкреплялась тем фактом, что сибирские лиственницы часто встречались на восточном побережье Гренландии; и Нансен пришел к выводу, что там, где они могли дрейфовать, он тоже мог дрейфовать. Его предложение проверить свою теорию было встречено шквалом неодобрения, тем более что оно предполагало отказ от хорошо известного арктического канона никогда не покидать берег. Ему сказали, что человеческие руки не могут построить корабль, способный выдержать огромное давление зимних льдов, и что он просто губит себя и тех, кто сопровождал его. Нансен, однако, думал иначе, и в октябре 1892 года в устье фиорда Христиании было спущено на воду специально построенное судно, которое миссис Нансен окрестила *Fram-anglice*, "Вперед".

Борта "*Фрама*" были толщиной тридцать дюймов и укреплены стойками в местах, где ожидалось наибольшее давление, в то время как ее корпус имел особую форму в надежде, что она поднимется, когда ее сдавит льдом. Она была всего 128 футов в длину, но с очень широкой балкой. Предполагалось, что его скорость под парусами составит восемь-девять узлов в час при очень благоприятных обстоятельствах; ожидалось, что только под паром он будет развивать в среднем не более трех узлов, но скорость, конечно, не была первостепенным соображением. Ее экипаж состоял из тринадцати человек, в том числе капитана Свердрупа, лейтенанта Йохансена, которому было суждено сопровождать Нансена в его опасном путешествии по льдам, и лейтенанта Скотт-Хансена, который был главным ответственным за научные наблюдения.

The *Фрам* отплыл из Христиании 24 июня 1893 года и вскоре уже направлялся вдоль северного побережья Европы. 4 августа она вошла в страшное Карское море, но только в конце месяца, у острова Таймур, впервые столкнулась со льдами. Здесь Нансен открыл новую группу островов, и одно время он думал, что ему придется познакомиться с ними поближе, перезимовав у них. Однако, к счастью, 6 сентября шторм расколол лед, и он смог продолжить свой путь мимо мыса Челюскин. Он намеревался заехать в Оленек за собаками, но лето было так далеко, что он не осмелился задерживаться в пути, поэтому двинулся на север мимо Новой Сибири и присоединился к стае в лате. 78° 50' 29 сентября.

Как только лед по-настоящему сковал судно и больше не было надежды на освобождение, были начаты приготовления к зиме. Руль был отправлен, трюм расчистили, чтобы освободить место для столярной мастерской, двигатель разобрали на части и устроили в его помещении механическую мастерскую, возвели кузницу, в штурманской рубке работали жестянщики, а в салоне - сапожники и парусники. "Не было ничего, - говорит Нансен, - от самых тонких

инструментов до деревянных башмаков и топорищ, которые нельзя было бы изготовить на "Фраме". Когда выяснилось, что у нас не хватает звуковой дорожки, на льду была сооружена грандиозная веревочная дорожка.... Нам всегда было чем заняться, и для каждого было нетрудно найти работу, которая давала бы ему достаточную физическую нагрузку и настолько отвлекала, чтобы время не казалось ему невыносимо долгим".

Однако не следует предполагать, что Нансен не страдал время от времени от скуки; и это было особенно заметно, когда "Фрам", к его неудовольствию, несколько недель неуклонно дрейфовал на юго-запад. Вскоре, однако, она снова отправилась в свое путешествие на север, и с этого времени ее курс не давал команде поводов для недовольства, хотя она приблизилась к полюсу не так близко, как надеялись; более того, судно великолепно вело себя во льдах и выдерживало самые серьезные нагрузки. Вопреки мнению многих экспертов, которые считали, что, вмороженная в ледяной покров, она вряд ли сможет подняться со своего ложа и пробить под собой надвигающийся лед, иногда ее поднимало так высоко над поверхностью, что почти виднелся ее зад.

Хотя Нансен видел по дрейфу "Фрама", что он будет следовать почти тем курсом, который он предполагал, он подумал, что можно было бы достичь еще большего и что море, лежащее за маршрутом судна, можно было бы изучить более тщательно, если бы он и его спутник оставили его с собаками и санями. Такая экспедиция, конечно, не могла надеяться снова найти судно, поскольку оно постоянно меняло бы свое местонахождение, и это было бы все равно что искать иголку в бутылке с сеном. Перспектива быть вынужденным самому искать дорогу домой, в цивилизованные регионы, однако, не отпугнула исследователя, и, оставив Свердрупа командовать, он отправился в путь 14 марта 1895 года в сопровождении Йохансена с двадцатью восемью собаками, тремя санями, двумя каяками, тридцатидневным запасом еды для их собак и стодневным рационом для них самих.

Предприятие было опрометчивым, граничащим почти с безумием, но Нансен и Йохансен взяли за него с таким духом и отвагой, что им удалось успешно довести его до конца, хотя и не без страшных трудностей. Высокие ледяные гряды, на склонах и вершинах которых снег так и не успел собраться, постоянно образовывались на их пути, и через них мужчинам приходилось тащить сани, в то время как собаки, которым не нравились такого рода развлечения, сидели и смотрели. К их великому разочарованию, лед становился все хуже и хуже по мере того, как они продвигались на север, пока, наконец, 7 апреля Нансен не взобрался на вершину самой высокой точки, которую он смог найти, и не увидел ничего, кроме плотных нагромождений льда до самого горизонта, выглядевших, по его словам, "как бурное море, окаменевшее". В таком случае он пришел к выводу, что было бы глупостью продолжать борьбу, поэтому, достигнув лат. 86° 14 северной широты, самая дальняя точка, достигнутая до тех пор, он и Йохансен решили повернуть на юг и направиться к Земле Франца-Иосифа.

Вскоре после того, как они отправились в обратный путь, они наткнулись на лучший лед и продвигались гораздо быстрее. К сожалению, однако, в своем стремлении продвигаться вперед они иногда совершали чрезмерно длинные марши, в результате чего, когда они остановились на ночь 12 апреля, с тех пор, как они в последний раз ставили свои палатки, прошло более тридцати шести часов, и их часы истекли. В то время они смогли сделать достаточно верное предположение, но с того дня им так и не удалось определить свою долготу с какой-либо уверенностью.

Неточность карты Плательщика также доставляла им много беспокойства. Естественно, веря в существование Земли Петерманна, они ожидали увидеть ее ближе к концу апреля. Однако прошел май, а затем и начало июня, а земли по-прежнему не было видно. К 22 числу месяца путешествие стало настолько утомительным, что, подстрелив трех медведей и тюленя и избавившись таким образом от всякого страха умереть с голоду, они решили дожидаться, пока более теплая погода растопит снег. Только 22 июля они снова отправились в путь, и два дня спустя их взоры обрадовались виду земли. Добраться до него, однако, было нелегко, так как лед был разбит бесчисленными протоками, которые были так густо покрыты раздавленной льдиной, что они не могли пользоваться своими байдарками. Соответственно, они были вынуждены перепрыгивать с одного куска льда на другой, волоча за собой сани, — чрезвычайно опасное занятие, которое часто едва не приводило к катастрофе.

Именно в тот момент, когда они готовились выйти на открытый след, произошел инцидент, который едва не стоил Йохансену жизни. Нансен возился со своей байдаркой, которую держал одной рукой, чтобы она не соскользнула в воду, когда услышал за спиной возню и голос Йохансена, крикнувшего: “Возьми ружье!”

Оглянувшись, он увидел, что огромный медведь бросается на его товарища, который лежал на спине. Он попытался схватить свое ружье, лежавшее на носовой палубе, но байдарка выскользнула у него из рук и упала в воду. “Ты должен быть начеку, если хочешь успеть вовремя”, — совершенно спокойно сказал Йохансен, и Нансен, сделав невероятное усилие, едва успел схватить ружье и выстрелить в медведя прежде, чем тот добрался до своей жертвы.

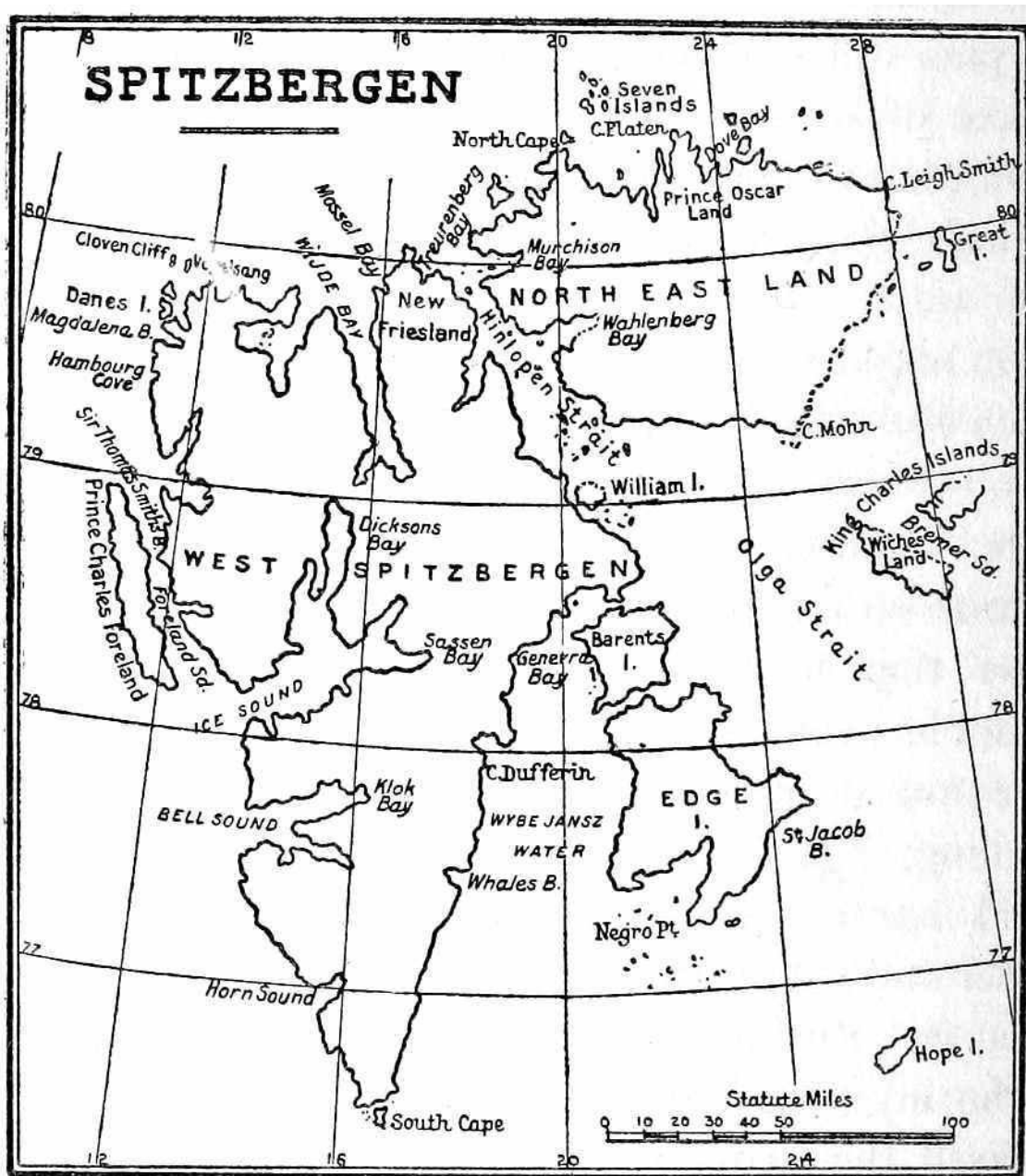
После огромных трудов им удалось добраться до острова Фредерика Джексона, и здесь они решили провести зиму, так как поняли, что в это время года для них было слишком поздно предпринимать долгое и опасное путешествие на Шпицберген. Соответственно, они приступили к строительству хижины и охоте на моржей и медведей, которых они обнаружили в таком изобилии, что вскоре оказались за пределами возможности умереть с голоду. Хижина была небольшой, но довольно удобной. “С помощью ламп, ” говорит Нансен, “ нам удалось поддерживать температуру примерно на уровне точки замерзания в середине хижины, в то время как у стен она, конечно, была ниже. Последние были покрыты толстым слоем инея и наледи, которые в свете ламп придавали им такой великолепный мраморный вид, что в наши более счастливые моменты мы могли мечтать, что живем в мраморных залах”.

Им было совершенно нечего делать, поэтому двадцать часов из двадцати четырех они оставались в постели, которая, поскольку состояла из огромных твердых камней, была не особенно удобной. Рождество они отмечали, выворачивая свои рубашки наизнанку. Их одежда, кстати, всегда была источником беспокойства, поскольку стирка была проблемой, которую они были совершенно не в состоянии решить. Им удалось сохранить себя в относительной чистоте, частично отскребая себя ножами, частично втирая медвежий жир и оттирая его мхом; но хотя они попробовали прокипятить свое нижнее белье, а затем отскрести его ножом, план сработал не очень хорошо, и они соскучились по куску мыла.

19 мая они снова отправились в путь, и им удалось добиться довольно хорошего прогресса как на льду, так и на открытой воде. С ними произошел один или два несчастных случая, один из которых мог закончиться катастрофой, поскольку байдарка, на борту которой были их провизия и ружья, отправилась в плавание самостоятельно, оставив их на берегу. Нансену пришлось плыть за ним, и он так измучился в борьбе с горькой водой, что с трудом добрался до него и

перелез через планшир. Однако теперь их неприятностям пришел конец, потому что однажды утром, готовя завтрак, Нансен услышал лай собак. Сначала он едва мог поверить своим ушам, но звук раздавался все ближе и ближе, пока, наконец, в нем не осталось никаких сомнений. Умчавшись на лыжах, чтобы узнать разгадку тайны, он встретил Ф. Г. Джексона, от которого он получил самый теплый прием. Однако, поскольку мы описали эту встречу в главе, посвященной экспедиции Джексона, нам нет необходимости снова останавливаться на ней здесь.

Тем временем "Фрам" неуклонно дрейфовал вместе с льдами, достигнув 16 октября почти такой же высокой широты, какой достиг Нансен. Она продолжила свой путь к краю пакового льда без приключений, и после серии взрывных работ ее освободили ото льда, и она благополучно добралась домой.

SPITZBERGEN

ГЛАВА XXXI

КОНВЕЙ И АНДРЕ

Хотя Норденшельду удалось довольно тщательно исследовать Северо-Восточную часть Суши и он показал, что это практически не что иное, как одно большое ледяное поле, в течение многих лет Западному Шпицбергену уделялось очень мало внимания, и вплоть до конца прошлого века вообще ничего не было известно о его формировании или географических особенностях. Однако в 1896 году знаменитый альпинист сэр Мартин Конвей, стремившийся покорить новые миры, решил сам отправиться туда и раз и навсегда разгадать тайну, которая окружала эту часть света.

Получить информацию о природе регионов, по которым он предполагал совершить путешествие, было, конечно, трудно. Однако он прочитал всю литературу, которая существовала по этому предмету, и, вооружившись нансеновскими санями и пони, которые, как он понял, были абсолютно необходимы для успеха, он отправился в свое путешествие с группой, состоящей из мистера Э. Дж. Гарвуда, его фотографа, доктора Грегори, геолога, Тревера Баттай, орнитолога, и, как художник, его племянника Е. Э. Конвея.

Добравшись до Адвент-Бэй, которую он предполагал сделать отправной точкой, он был удивлен, обнаружив гостиницу в процессе возведения предприимчивой норвежской компанией. Гостиница в такой необитаемой стране, как Шпицберген, могла показаться *непривычной*, но объяснение заключалось в том, что туда была организована серия поездок, и раз в неделю пароход привозил туристов, большинство из которых, вероятно, были привлечены воздушным шаром Андре, который затем ждал на северной оконечности острова возможности отправиться в свое опасное путешествие.

Оставив трех членов своей группы проводить научные исследования вблизи побережья, Конвей и мистер Гарвуд отправились в свое путешествие по острову 20 июня. Прошло совсем немного времени, прежде чем они обнаружили, что их сани и пони были всего лишь помехой. Они, конечно, ожидали обнаружить, что внутренние районы покрыты огромным ледяным покровом, подобным тому, что есть на Северо-востоке Суши. Они действительно обнаружили, что это страна с умеренным климатом, пересеченная зелеными горами и заболоченными долинами, которые поддерживались в состоянии постоянной липкости из-за постоянных дождей. В образовавшейся таким образом грязи пони постоянно тонули, и каждый день уходило много напряженных часов на то, чтобы выкапывать или вытаскивать их.

Конвей намеревался поспешно пересечь остров и вернуться обратно. Однако он обнаружил, что на острове шел процесс образования гор и что каньоны, которыми изобиловала внутренняя часть острова, медленно проедавая себе путь в горные хребты, постепенно превращали их в изолированные вершины. Этот процесс показался ему настолько интересным, что он решил изменить свои планы и, соответственно, медленно двинулся дальше, через великолепный ледник Айвори, вниз к Фолс-Бей, а затем обратно маршрутом, который немного отличался от маршрута его путешествия наружу.

В СЛЯКОТЬ

Достигнув Адвент-Бэй, он узнал, что туристическому пароходу удалось без труда и опасности продвинуться к широте. 81 ° 32 северной широты, удивительный рекорд для такого судна. Воодушевленный этим, он немедленно нанял 12-тонный пароход *Expresi* отправился в путешествие вокруг побережья, в ходе которого посетил хижину Веллманна и воздушный шар Андре. Он хотел бы сделать больше, но в небе образовалась опасная ледяная завеса, и капитан наотрез отказался рисковать дальше на таком маленьком суденышке.

В следующем году сэр Мартин Конвей нанес еще один визит на Шпицберген, во время которого его снова сопровождал мистер Гарвуд. На этот раз оба исследователя занялись главным образом изучением образования ледников.

Как мы только что видели, в то время как Конвей совершал первый переход через Шпицберген, Андре ждал возможности отправиться в смелую, но неудачную экспедицию по открытию Северного полюса, благодаря которой его имя навсегда останется в анналах исследования Арктики. Андре был шведским инженером и космонавтом с необычными навыками и предприимчивостью, и именно успех его попытки пересечь Балтику на воздушном шаре заставил его всерьез задуматься о том, чтобы приступить к осуществлению этого проекта, который должен был стоить ему жизни. Идея была, надо признать, чрезвычайно заманчивой и казалась достаточно осуществимой. Устойчивый южный ветер за несколько часов доставил бы воздушный шар к точке, до которой путешественник по льду мог добраться только после нескольких недель напряженного труда, и у Андре были все основания надеяться, что через

очень короткое время после своего вылета со Шпицбергена он будет висеть над самим Полюсом.

Проект, хотя и нельзя было отрицать его крайнюю опрометчивость, вызвал одобрение многих, и у эронавта не возникло особых трудностей с получением необходимых средств, среди тех, кто внес в него свой вклад, были король Швеции, покойный Альфред Нобель и барон Диксон. Строительство воздушного шара было поручено Лашамбру из Парижа. В качестве материала использовался китайский шелк понже, скрепленный вместе в два, три и четыре слоя и покрытый специальным лаком. Его объем составлял 158 294 футов.

Он должен был управляться парусом, снабженным направляющими тросами, которые волочились бы по земле и не давали воздушному шару двигаться со всей силой ветра. Разница между скоростью ветра и заторможенного аэростата должна была использоваться для управления. При испытании было установлено, что план подходит очень хорошо.

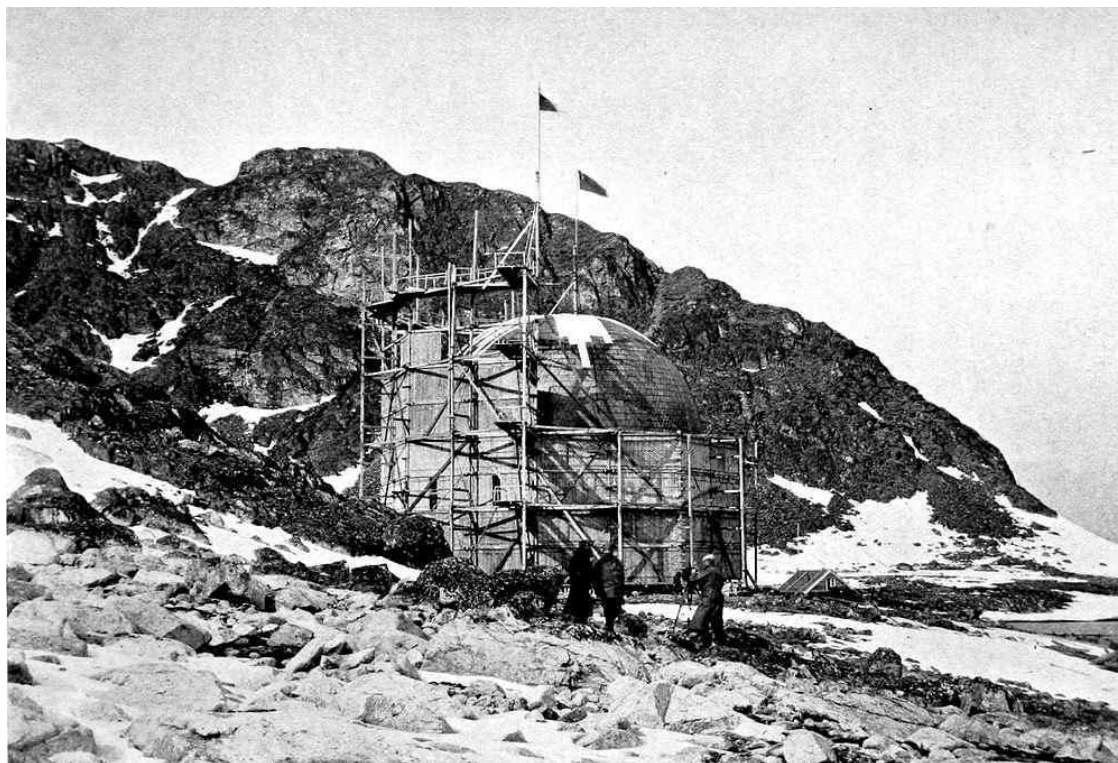
The *Дева*, взяв с собой Андре, его воздушный шар и группу геологов, покинула Тромсе 14 июня 1896 года, а девять дней спустя на острове Дэйнс было найдено подходящее место для строительства дома на воздушном шаре. Посадка воздушного шара и строительство дома заняли почти месяц, и только 27 июля все было готово к старту. Однако, к несчастью, ветер, который был по большей части благоприятным, пока шли приготовления, теперь изменил направление, и остаток лета он постоянно дул с севера, хотя и не стих совсем. Неделя за неделей проходили, не принося никаких перспектив начать, и, наконец, Андре был вынужден упаковать свой воздушный шар и вернуться домой, надеясь на большую удачу в следующем году.

30 мая он снова вернулся на остров Дэйнс со своим воздушным шаром, который за зиму подвергся различным модификациям. Дом несколько пришел в упадок, но вскоре его привели в порядок, и надувание воздушного шара, начатое 19 июня, было закончено в полночь 22-го. Теперь все было готово к старту, и в воскресенье, 11 июля, Андре решил воспользоваться сильным бризом, дувшим с юга. Стоя в машине со своими двумя спутниками, Френкелем и Стриндбергом, он отдал приказ перерезать веревки. Воздушный шар быстро поднялся на высоту 600 футов и после временного снижения поплыл на север над плоским полуостровом Холландернес. Он оставался видимым для тех, кто находился на острове Дэйнс, около часа. Затем он исчез за северным горизонтом, и больше его никогда не видели.

Единственные новости, которые мир когда-либо получал об Андре и его спутниках после этого, никак не способствовали разгадке тайны их судьбы. Из тринадцати буюв, которые он носил с собой на борту своего воздушного шара, только четыре были когда-либо найдены. Один из них был подобран в Скъерве, в Норвегии, и, как было обнаружено, содержал сообщение о том, что он был выброшен в 10 часов вечера 11 июля. Другой, который был отправлен в путь примерно час спустя, когда группа достигла широты. 82 ° северной широты. 250 восточной долготы, был обнаружен у берегов Исландии. На двух оставшихся буюх не было никаких сообщений от "эксплорера". 15 июля 1897 года моряки эсминца "*Алкен*" застрелили почтового голубя, выпущенного двумя днями ранее в лат. 82 ° 3 северной широты. 150 5 восточной долготы, но это были последние сведения исследователей, которые когда-либо доходили до их друзей дома.

На их спасение было отправлено множество экспедиций, и местные жители приносили сообщения о выстрелах, слышанных во льду, и фигурах, замеченных на дрейфующих льдинах.

Рыбаки тоже сказали, что слышали крики о помощи и видели нечто похожее на сдувшийся воздушный шар, дрейфующий по морю. Но, как ни тщательно следовали этим указаниям, они ни к чему не привели, и можно только предположить, что, спустившись на какое-то обширное ледяное поле вдали от человеческой помощи, вероятно, где-то между Шпицбергом, Новой Землей и Сибирью, несчастные люди погибли ужасной смертью от голода и незащищенности.

ВОЗДУШНЫЙ ШАР АНДРЕ В САРАЕ

ГЛАВА XXXII

ПОЗДНЕЙШИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ СВЕРДРУПА И ПИРИ

Как мы уже видели, именно в качестве спутника Нансена в его путешествии по Гренландии и в качестве его заместителя на *Фраме* Отто Свердруп впервые почувствовал вкус к арктическим путешествиям, который в 1898 году побудил его предпринять экспедицию за свой счет. Главной целью его нового путешествия было завершить исследование северных берегов Гренландии, которое было так блестяще начато Пири, и выяснить раз и навсегда, лежит ли за ними какая-либо земля в направлении Северного полюса. В противном случае он предложил исследовать Земли Гриннелла и Элсмира, обширные участки которых все еще оставались совершенно неисследованными.

Свердруп отплыл из Упернавика 5 августа на нашем старом знакомом "*Фраме*", который был переоборудован для нового плавания, и вскоре был уже на пути к заливу Смита. Достигнув пролива Хейс, он решил поселиться там на зимовку, поскольку, конечно, в то время года было невозможно достичь гораздо более высоких широт, а по соседству предстояло проделать много

хорошей работы. Пара поездок на санях по острову Элсмир позволили ему узнать много новых фактов, касающихся географических особенностей этой страны, и, как только наступила весна, он начал готовиться к продвижению на север. К сожалению, однако сезон был очень неблагоприятным, и вскоре он обнаружил, что, по крайней мере, на этот год, его проект следования вдоль северного побережья Гренландии должен быть отложен, поэтому он решил исследовать пролив Джонса, который никогда прежде не исследовался до его впадения в Полярное море.

В этом он полностью преуспел, и когда наступила следующая зима, он с комфортом устроился на зимовье на южном побережье Земли Элсмир. Именно в то время, когда Свердруп был в отъезде, исследуя побережье, карьера *"Фрама"* едва не оборвалась из-за пожара. Однако, к счастью, ее спасли, и в начале августа она снова была на плаву. Все серьезные мысли о продвижении вверх по проливу Смит были теперь отброшены, и вместо этого Свердруп направился к каналу Белчер, в устье которого провел следующую зиму. Весной и летом исследовательская работа шла полным ходом, в результате чего неутомимый Свердруп вскоре нанес на карты большую часть неизвестного побережья Северного Девона.

Вернувшись на *"Фрам"*, он, к своему сожалению, обнаружил, что судно настолько прочно закрепились во льду, что даже широкомасштабные взрывные работы не возымели эффекта, и, как следствие, ему пришлось смириться с неизбежным и провести еще одну зиму в устье канала Белчер. К счастью, однако, он ни в коем случае не исчерпал возможностей этого района и занялся путешествием на север, за что у картографов есть все основания быть благодарными ему, хотя он и потерпел неудачу в своих попытках добраться до самого дальнего района Олдриджа. Следующим летом *"Фрам"* был освобожден и смог вернуться в цивилизованные регионы.

Путешествие Свердрупа не сопровождалось какими-либо особо сенсационными или захватывающими происшествиями, но работа, проделанная им за эти четыре года, достойна восхищения. Он нанес на карту западное побережье земли Элсмир — чрезвычайно трудная задача, поскольку оно расчленено необычайно сложной системой фьордов, — он обнаружил три больших острова к западу от этой земли, он исследовал Северный Девон и северные берега Северного Корнуолла и острова Финдли, и он доказал, что к северу от островов Парри существует суша, относительно которой до сих пор придерживались различных мнений. Следовательно, хотя он так и не достиг северных берегов Гренландии, к которым направлялся, у него не было причин быть недовольным результатом своего путешествия.

Энергия и предприимчивость, которые лейтенант Пири проявил при выполнении избранной им работы в Полярных регионах, вызвали такую симпатию в Америке, что не так давно ряд заинтересованных в ней лиц сформировали клуб, который они называли Арктическим клубом Пири и который был основан с целью предоставления ему средств для продолжения исследований, в которых он уже добился столь заметного успеха. Главным образом благодаря усилиям этого клуба в 1898 году Пири смог отплыть из Сиднея на *Наветренной* лодке, подаренной ему сэром Альфредом Хармсвортом, с двойной целью завершить исследование северных берегов Гренландии и, если возможно, достичь Северного полюса. Эта экспедиция была, вероятно, самой идеально спланированной из всех, когда-либо отправлявшихся с каких-либо берегов.

"Наветренному" предшествовало вспомогательное судно "Надежда", которое, сдав свои припасы на Эта, отплыло домой, в то время как "Наветренный" пытался продвинуться на север вверх по проливу Смита. Лед, однако, оказался непреодолимым препятствием, и ей пришлось перебраться на зимовку близ мыса Д'Юрвиль, на северной стороне залива Принцессы Марии. Планы Пири на осень были тройственными. Во-первых, он хотел осмотреть местность вокруг своего зимнего жилья, во-вторых, он стремился заполучить запас свежего мяса для своего отряда, и, в-третьих, он намеревался доставить по побережью как можно больше провизии. Он был полностью успешен в выполнении каждой из этих трех задач. К концу сентября он исследовал большую часть окружающей местности, доказав непрерывность земель Элсмир и Гриннелл и рассеяв несколько иллюзий, существовавших относительно пролива Хейс, который он вообще не смог найти, залива Бьюкенен, который до сих пор считался проливом, и мыса Бач, который в народе считали островом. В начале сентября он избавил себя от дальнейших забот о запасах свежего мяса, убив стадо из семнадцати овцебыков, в то время как, используя каждый луч лунного света и часто работая в полной темноте, к 4 декабря он накопил 3300 фунтов. запас провизии на мысе Уилкс. "Никто, - говорит он, - из тех, кто не имел реального опыта, не может представить себе, сколько труда и неприятностей связано с транспортировкой в полу- или полной темноте этих припасов вдоль ужасного ледяного подножия, окаймляющего побережье земли Гриннелл".

20 декабря, когда зима, так сказать, была в самом разгаре, он отправился с шестью мужчинами и тридцатью собаками в на редкость непривлекательное путешествие в Форт Конджер. Стояла густая тьма, погода была плохой, и путь пролегал через самые неприятные места, но они, как могли, спотыкались о неровный лед, и 6 января им удалось добраться до места назначения. Пири, к несчастью, пришлось заплатить за свою смелость, столкнувшись таким образом с арктической зимой, ибо по прибытии в Форт он обнаружил, что обе его ноги были так сильно обморожены, что он не мог ходить, а когда пришло время поворачивать, его пришлось привязать к саням и тащить всю дорогу домой. Однако худшее было впереди, потому что по прибытии на корабль в марте врач счел необходимым ампутировать ему восемь пальцев на ногах, и Пири еще долгое время ощущал последствия операции. Но он был не из тех людей, которые уступают даже такому бедствию, как это, и в начале лета настоял на том, чтобы совершить еще одну поездку в Форт-Конджер, несмотря на боль, которую причиняла ему ходьба по торосистому льду.

"Наветренный" был освобожден в августе и сразу же направился в Эта, где Пири решил провести зиму, поскольку не считал корабль пригодным для попытки пробиться сквозь льды на север. Здесь к ней присоединилась "Диана", которую отправили с припасами, и, проведя несколько недель в охоте на моржей, оба корабля вместе отплыли в Америку.

Во второй половине зимы Пири и весь его отряд выехали из Этаха в форт Конджер, которого им удалось достичь к концу марта. После нескольких дней отдыха командир вместе с несколькими своими эскимосами отправился в то, что должно было стать великим событием лета, — путешествие вокруг северного побережья Гренландии. Путь был чрезвычайно трудным, и дни часто уходили на тяжелую работу по прорубанию пути для саней по неровному льду. Решимость, однако, не обращала внимания на большие трудности, и они отважно продвигались вперед, минуя самую дальнюю точку Локвуда и обогнув северное побережье земли Хейзен, пока 19 мая глаза Пири не обрадовались мимолетному проблеску горы необычной формы, в которой он узнал вершину, гордо возвышающуюся на севере, когда в 1895 году он стоял на ледяной шапке

к югу от залива Индепенденс. К несчастью, на отряд опустился сильный туман, и они не смогли исследовать остальную часть залива, прежде чем нехватка провизии вынудила их отправиться домой два дня спустя.

Мы благополучно добрались до форта Конджер, и остаток арктического дня был потрачен на то, чтобы заготовить запас свежего мяса на долгую ночь. 17 апреля, после безрезультатной попытки продвинуться на север, Пири и его люди отправились в Пайер-Бей. Здесь, как он и ожидал, он познакомился с *наветренной стороны*, которые были разосланы с поставками. Все это было вывезено на берег, и остаток лета был потрачен на восстановление линии *тайников* к форту Конгер. Зиме суждено было быть тяжелой, так как несколько эскимосов заболели, и Пири, следовательно, был вынужден не только ухаживать за ними, но и выполнять большую часть тяжелой работы по подготовке к летнему путешествию в одиночку. Однако к 1 февраля его приготовления были завершены, и большинство его пациентов выздоровели, поэтому он снова отправился в Форт Конджер, намереваясь сделать его отправной точкой своего похода к Северному полюсу. Однако только 1 апреля он смог покинуть мыс Гекла с девятью санями, и вскоре он обнаружил, что поздний отъезд сделал для него практически невозможным добиться успеха в том году. Огромные напорные хребты, огромные массы ледяных обломков, частые открытые протоки и глубокий снег делали путь практически невыполнимым, и 21 апреля, достигнув 81 ° 17,27, он был вынужден сделать эту запись в своем дневнике.

Игра окончена. Моей шестнадцатилетней мечте пришел конец. Ночью прояснилось, и сегодня утром мы тронулись в путь. Глубокий снег. Две маленькие старые льдины. Затем была еще одна область старых обломков и глубокого снега. Обзор с вершины вершины показал, что она простиралась на север, восток и запад, насколько хватало взгляда. Две старые льдины, по которым мы только что прошли, были единственными в поле зрения. Это практически невозможно, и я отдал приказ разбивать лагерь. Я провел лучший бой, который я знал, и я верю, что он был хорошим ”.

Теперь им ничего не оставалось делать, кроме как как можно лучше использовать свой обратный путь. 17 мая они достигли гавани Пайер, где 5 августа к ним присоединился "*Наветренный*" с миссис Пири и ее дочерью на борту. Вскоре после этого вся компания отплыла домой.

Однако впоследствии Пири показал, что цитируемый нами отрывок из его дневника был написан в приступе минутного уныния и что его шестнадцатилетняя мечта ни в коем случае не закончилась, поскольку в прошлом году он отправился на "*Рузвельте*" в очередной рывок к полюсу, результатов которого сейчас ждут с живейшим интересом.

ГЛАВА XXXIII

ДРУГИЕ НЕДАВНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ—АБРУЦЦИ, ВЕЛЛМАН И ТОЛЛЬ

С самых ранних дней принц Луи Амадей Савойский, герцог Аbruцци, проявлял сильный вкус к приключениям, и, будучи еще очень молодым, он сделал себе имя как альпинист с более чем средней смелостью и мастерством. Именно в 1897 году, после того как он вернулся после

успешной попытки восхождения на гору Элиас, великую гору Аляски, которая до сих пор оказывалась непосильной даже для самых отважных искателей приключений, ему впервые пришла в голову идея организовать экспедицию, целью которой должно было стать открытие Северного полюса. Потратив около восемнадцати месяцев на рассмотрение проблемы и консультации с властями относительно наилучшего курса действий, он приобрел китобойное судно водоизмещением 358 тонн и мощностью 400 лошадиных сил, которое первоначально было известно как "*Джейсон*", но которое он переименовал в "*Стелла Полар*", и приступил к его снаряжению для экспедиции, которую он предполагал совершить.

"*Стелла Поларе*" была снабжена провизией на пять лет, и в ее команду входили Умберто Каньи, который плавал в качестве капитана, граф Франко Кирины, который служил лейтенантом, доктор А. К. Молинелли и три альпийских гида. Отплыв из Лаурвика, недалеко от Христиании, 14 июня 1899 года, она заходила в Тромсе, Хаммерфест, Варде и Архангельск, где подобрала 120 сибирских собак. Оттуда она взяла курс на Землю Франца-Иосифа, который проложила по соседству с домом Джексона на мысе Флора. Найдя дом в отличном состоянии, герцог разместил там запас провизии, чтобы обезопасить себя и свою команду от голодной смерти в случае потери их судна. Приняв эту предосторожность, он продолжил свое путешествие вверх по Британскому каналу, миновав по пути членов экспедиции Веллмана, которых перевозили домой на *Капелле*. От них до него дошли слухи о новом архипелаге к северу от Земли Франца-Иосифа, однако впоследствии ему не удалось найти никаких следов этого архипелага.

Лед очень затруднял переход вверх по ла-маншу, но "*Стелле Поларе*" удалось пройти вдоль земель Карла Александра и кронпринца Рудольфа, пока она не обогнула мыс Флигели. Здесь дальнейшее продвижение было совершенно невозможно, поэтому герцог вернулся в залив Теплиц, где он решил провести зиму.

8 сентября лед в гавани сильно потревожился, и "*Стелла Поларе*" получила такой сильный пробой, что дала течь. Вскоре машинное отделение было затоплено, и в течение трех дней и ночей подряд половина экипажа находилась у насосов, в то время как остальные были заняты переноской провизии и оборудования на берег. Благодаря усилиям офицеров и матросов корабль был спасен, но, будучи наполовину заполнен водой, он был совершенно бесполезен в качестве жилья, и палатки пришлось устанавливать на суше.

Зима прошла в таких коротких экспедициях, какие позволяла погода, и именно во время одного из них герцог имел несчастье попасть в снежную бурю, во время которой два его пальца были так сильно обморожены, что их пришлось ампутировать. Это было особенно неудачно для него, поскольку к началу марта рана еще недостаточно зажила, чтобы позволить ему принять участие в большой санной экспедиции, которая должна была стать главной особенностью путешествия. Командование, соответственно, было поручено капитану Каньи, который 13-го числа выступил в поход с общими инструкциями продвигаться как можно дальше на север. В начале пути его сопровождали два вспомогательных отряда, запасом провизии которых он и его люди должны были питаться как можно дольше, чтобы его собственный небольшой запас оставался нетронутым до тех пор, пока он не отправится в путь. Первой из этих вечеринок, покинувших его, была вечеринка, которую проводил лейтенант Квирины, и больше о ней никто никогда не слышал. Герцог разослал поисковые отряды во все стороны, но они не смогли найти ни следа своих пропавших товарищей, и можно только предположить, что они либо провалились в расщелину, либо были застигнуты бурей и замерзли насмерть.

Тем временем Каньи и трое его спутников продвигались на север так быстро, как только могли. Они обнаружили, что лед сравнительно ровный, и к 25 апреля достигли лат. 86 ° 33, таким образом, побив рекорд Нансена примерно на тридцать миль. К сожалению, их провизия начала подходить к концу, и они были вынуждены поспешно отступить. Внешнее путешествие было сравнительно простым делом, но на обратном пути они столкнулись со всевозможными неожиданными трудностями, которые поставили их на грань голодной смерти. Ледяное поле, по которому они двигались, постоянно дрейфовало в западном направлении, унося их все дальше и дальше от залива, которого они пытались достичь. Перед ними всегда открывались проливы, которые нужно было пересечь тем или иным способом, но, хотя у них были с собой каяки, они были настолько повреждены, что едва ли годились для плавания, а пользоваться ими среди постоянно меняющегося льда часто было совершенно невозможно. Несколько раз Каньи приходилось пересекать пролив по небольшому куску льдины, прихватив с собой веревку, с помощью которой его товарищей с их препятствиями буксировали на большей глыбе, а однажды было совершено короткое путешествие по большому ледяному покрову, который приводился в движение с помощью парусов каяков. Более того, их провизия подходила к концу, и последние две недели путешествия они были вынуждены полностью питаться своими собаками. Из восьмидесяти человек, с которыми они отправились в свое путешествие, осталось только шестеро, когда они наконец добрались до корабля.

Пытаться провести еще одну зиму во льдах с кораблем в таком плохом состоянии было бы безумием. Соответственно, течь в *борту* "Стеллы Поляр" была обнаружена и остановлена, судно было извлечено из ледяного покрова с помощью ружейного хлопка, и 6 сентября оно благополучно вернулось в Хаммерфест.

“ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА” ПОД ДАВЛЕНИЕМ ЛЬДА

Это было в 1894 году, когда американская газета "Нью-Йорк Геральд" отправила мистера Уолтера Веллманна на поиски Нансена и, если позволят условия, на Северный полюс. Покинув Тромсе первого мая на "*Рагналь ярле*", он взял курс на Шпицберген, который предполагал сделать базой своей санной экспедиции, и вскоре его корабль был уже у берегов острова Вальден. Две недели спустя Веллманн отправился на север с отрядом из тринадцати человек и снаряжением самой совершенной конструкции. Однако он находился в пути всего около четырех дней, когда моряк принес ему неприятную весть о том, что его корабль был разбит льдами вдребезги и спасти удалось лишь немного. Веллманна, однако, ничто не могло удержать от осуществления его планов, и он отдал капитану приказ построить себе хижину из обломков, а сам отважно двинулся вперед. К несчастью для него, лед вскоре стал настолько неровным, что о дальнейшем продвижении вперед не могло быть и речи, и он был вынужден отказаться от попытки, когда оказался в шести милях к северу-востоку от островов Платен. В конце концов вся компания благополучно вернулась в Америку.

Не обескураженный своим первым опытом, Веллманн снова отправился в путь в 1898 году с целью завершения исследования Земли Франца-Иосифа. Достигнув мыса Флора 28 июля, он обнаружил, что дома Джексона все еще в идеальном состоянии, и, действуя с разрешения сэра Альфреда Хармсворта, он перенес один из них на мыс Тегеттофф, который он предложил сделать своей штаб-квартирой. В течение следующих нескольких месяцев ему удалось нанести на карту большую часть той части Земли Франца-Иосифа, которая все еще была неизвестна, и он, несомненно, добился бы большего, если бы, к несчастью, не упал в небольшую расщелину и не повредил ногу так серьезно, что был вынужден отдать приказ об отступлении.

В настоящий момент мистер Веллманн рассматривает план достижения Северного полюса на дирижабле, в котором он надеется заручиться сотрудничеством мсье Сантос-Дюмона.

Пользуясь достижениями науки и опытом своих предшественников, исследователи Арктики, конечно же, свели опасность путешествий по замерзшим регионам к минимуму, и очень редко экспедиция заканчивается трагедией. Действительно, за последние годы, за исключением капитана Каньи и его спутников, погибших во время экспедиции герцога Абрुцци, только четыре человека - барон Толль, Ф. Г. Сиберг и два их охотника - отдали свои жизни во имя науки в арктических регионах.

Основная область арктических исследований барона Толля лежала среди островов Сибирского океана, куда с 1885 года он провел серию блестяще успешных экспедиций, каждая из которых значительно пополнила мировые знания о геологии, метеорологии, ботанике и палеонтологии этих неизведанных земель. Он отправился в свое последнее путешествие 22 июля 1900 года на великолепно оборудованном лабораторном корабле *Sarya*, запасенном провизией на четыре года, с целью продолжения работы, благодаря которой его имя уже стало известным. Первую зиму он провел на Таймуре, в устье Хатанги, а следующим летом обогнул мыс Челюскин, посетил остров Беннетта и в конце концов замерз в бухте Нерпчья, где встретил вспомогательную экспедицию, отправленную под командованием Волоссовича. 20 июня он отправился вместе с астрономом Ф. Г. Сибергом и двумя охотниками в исследовательское путешествие. Из записи, впоследствии найденной лейтенантом Колчаком на острове Беннетта, мы знаем, что группа следовала вдоль северного побережья островов Котельный и Тадиф, держа курс на Новую Сибирь. Здесь лед тронулся, и, сев в свои лодки, они достигли острова

Беннетт 26 августа. Запись заканчивается такими словами: “Сегодня мы отправляемся на юг. У нас есть провизия на 14-20 дней. Все в добром здравии”. Это все, что мы когда-либо узнаем о судьбе барона Толля и его спутников.

М. Брусневф придерживается мнения, что они, должно быть, погибли по пути с острова Беннетта в Новую Сибирь. Прежде чем они смогли добраться до конца этого путешествия, погода стала холодной, и на море, должно быть, образовался лед, лишивший их возможности пересечь его на своих лодках. У них было провизии только на две-три недели, и мало надежды пополнить свои запасы, и, что еще хуже, у них не было с собой теплой одежды. Следует опасаться, что последние жертвы, о которых заявили арктические регионы, должно быть, жестоко страдали, прежде чем смерть принесла им избавление от их проблем и лишила мир двух самых способных и увлеченных ученых.

Так заканчивается история освоения Арктики вплоть до настоящего времени. Те, кто читал эти страницы, не могли не быть впечатлены отвагой, с которой поколения отважных людей добровольно сталкивались во имя науки с ужасными лишениями и страданиями, с которыми приходилось сталкиваться только на замерзшем Севере, или гордились той ролью, которую Великобритания сыграла в разгадке тайн полярных регионов. И все же, какой бы опасной ни была служба, бесспорно, фактом является то, что ни разу за всю ее историю смертность среди тех, кто ею занимается, не превышала среднюю смертность военно-морского флота, в то время как наука о путешествиях в Арктику за последние годы продвинулась настолько далеко, что риски, связанные с ними, теперь сведены к минимуму.

Многое было достигнуто, но многое еще предстоит сделать. Вокруг Полюса простирается территория площадью более двух миллионов квадратных миль, которую еще никогда не посещал человек, и не может быть никаких сомнений в том, что если удастся заставить эту местность раскрыть свои секреты, мир науки получит огромную выгоду. Сам Полюс еще предстоит покорить, и хотя в настоящее время трудно представить, как будет совершено это ужасно трудное путешествие по бурным морям палеокристаллического льда, наука, несомненно, найдет способ. В этом, во всяком случае, мы можем быть уверены; пока Полюс хранит хоть какую-то тайну, не будет недостатка в храбрецах, которые с радостью пройдут через любые опасности и претерпят любые лишения, если только смогут вырвать его из ледяной тюрьмы.

КАРТА
СЕВЕРНЫХ ПОЛЯРНЫХ ОБЛАСТЕЙ

Примечания переписчика

- страница v Изменена: Последнее путешествие Франклина
на: Последнее путешествие Франклина
- страница 41 Изменена: сезон открылся блестящим выступлением
на: сезон открылся блестящим выступлением
- страница 126 Изменено: 63 оленя, 5 зайцев, 1 тюлень, 172 куропатки
на: 63 оленя, 5 зайцев, 1 тюлень, 172 куропатки
- страница 207 Изменена: с навигацией и лейтенантом Джулиусом Пайером
на: с навигацией и лейтенантом Джулиусом Пайером
- статья 245 Изменена: на основании сообщений чукчей
на: на основании сообщений чукчей

- страница 252 Изменено: решено совершить еще одну экспедицию на север слово на: решено совершить еще одну экспедицию на север
- статья 272 Изменена: пришлось прервать работу на: пришлось прервать работу